

ШЕК

И ЛЕВ ДАМЕШЕК ИЗБРАННОЕ

**ЛЕВ
ДАМЕШЕК**

Избранное

Том III

Сибирские окраины

Российской империи

(XVIII – начало XX в.)

 **РОССИЯ
АЗНАТСКАЯ**

Лев Дамешек

А **РОССИЯ**
А **ЗИАТСКАЯ**

Л.М. Дамешек

Избранное

В трех томах

Главный редактор
академик РАН *Б.В. Базаров*

Главная редакционная коллегия:
д.и.н., профессор *Ю.М. Гончаров*,
д.и.н., профессор *В.П. Зиновьев*,
д.и.н., профессор *А.А. Иванов*,
д.и.н., профессор *Л.В. Курас*,
д.и.н., профессор *Н.П. Матханова*,
д.и.н., профессор *М.В. Шиловский*

Лев Дамешек

Избранное

Том III

Сибирские окраины
Российской империи
(XVIII – начало XX в.)

ОЛТИСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО

2018

УДК 947.05
ББК 63.3(253.5)
Д 16

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
Администрация города Иркутска
Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова

Научный редактор
д.и.н., профессор Л.В. Курас

Рецензенты:
д.и.н. А.А. Борисов
д.и.н., профессор В.П. Шахеров

Д 16 Дамешек Л.М. Сибирские окраины Российской империи (XVIII – начало XX в.): Монография. Т. III. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. 256 с.

Данная монография серии «Азиатская Россия» составлена из выступлений, докладов Л.М. Дамешека на международных, всероссийских конференциях и статей, опубликованных в различных изданиях и являющихся сегодня библиографической редкостью. Они охватывают такой широкий спектр вопросов, как «Имперство на окраинах России», «Деятельность М.М. Сперанского в Сибири и становление имперского регионализма», анализ Полного собрания законов Российской империи как источника по истории Сибири. Особое внимание уделяется историографии этих сюжетов, отработке понятийного аппарата, выяснению места Сибири в социально-экономическом развитии России.

Редакционная коллегия приносит огромную благодарность мэру Иркутска Д.В. Бердникову за поддержку и пропаганду исторического наследия и сохранение культурной среды города.

ISBN 978-5-6040406-5-2
ISBN 978-5-6040407-1-3

© Л.М. Дамешек, 2018

© «Оттиск», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Курас Л.В. Место Сибири в составе Российской империи	7
ГЛАВА I. Имперство на окраинах России	9
Введение	9
1. Азиатская Россия в ментальных и географических представлениях современников и потомков	13
2. «Образы окраин» империи как предмет отечественной и зарубежной историографии .	16
3. Национальные окраины в системе внутренней политики Российского самодержавия XVI–XX вв.	74
4. Окраинная политика как фактор устойчивости Российской империи XVIII – начала XX вв. . .	81
5. Россия и Сибирь: место Сибири в процессах социально-экономического развития империи	89
ГЛАВА II. М.М. Сперанский и становление имперского регионализма в России	103
1. Сибирские реформы 1822 года в отечественной и зарубежной историографии	104
2. У истоков имперского регионализма.	133
3. Сибирская реформа М.М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма	155
4. М.М. Сперанский в Иркутске 1819–1822. . .	170

ГЛАВА III. Законодательство как источник изучения	216
1. Полное Собрание Законов Российской империи как систематизированный сборник правовых узаконений	218
2. Обзор законодательных актов середины XIX в., действующих на территории Сибири	228
3. Роль этнического фактора в «Уставе об управлении инородцев» и «Уставе об управлении киргиз-кайсаков»	241
4. Особенности других законодательных актов «Сибирского учреждения» 1822 г. и законодательных актов второй половины XIX в..	246
Итоги социального развития Сибири в составе империи	254

Место Сибири в составе Российской империи

Тема правительственной политики по отношению к окраинам государства занимает одно из центральных мест в творческом наследии Л.М. Дамешека. Ей посвящены большая часть монографических исследований профессора, разделы в энциклопедических трудах и цикл учебно-методических пособий для студентов, магистрантов и аспирантов исторических факультетов российских университетов. Преимущественно этим же проблемам посвящены диссертационные исследования многочисленных аспирантов и докторантов профессора (всего при научном консультировании и руководстве Льва Михайловича защищено 41 (!) докторская и кандидатская диссертация). Закономерно поэтому, что Л.М. Дамешек не мог не высказать своего суждения по таким дискуссионным вопросам, как «окраина», «регион», «присоединение» и «завоевание», «колония» и «колонизация», «инкорпорация» и др. При этом на всех этапах становления и развития его научного творчества, несмотря на изменение общего мировоззрения эпохи и интереса общества к конкретным историческим проблемам, краеугольным камнем его научных построений оставалось осмысление истории Сибири как неразрывной составной части России. Критическое, но в то же время уважительное отношение исследователя к своим предшественникам и коллегам потребовало не только иного осмысления уже обсуждаемых в корпорации историков проблем, но и постановки новых задач, связанных, прежде всего, с оценкой имперской политики в Сибири и определением места и значения Сибири в составе Российской империи. Все это происходило на фоне скрупулезного изучения источников, прежде всего,

архивных (преимущественно ЦГИА, сегодня – РГИА) и нормативной базы (ПСЗ РИ). Почти 30-летнее «сидение» в императорских архивах Ленинграда-Петербурга принесло свои плоды. Сегодня профессор Л.М. Дамешек своими коллегами-сибироведами считается одним из лучших знатоков этих уникальных архивных фондов. Все это вместе взятое, плюс глубокое знание литературы вопроса, в том числе и зарубежной, позволило Л.М. Дамешеку создать впечатляющий круг научных исследований, предметом которых является окраинная политика империи, а объектом исследования – Азиатская Россия, т. е. Сибирь.

Л.В. Курас

ГЛАВА I

Имперство на окраинах России¹

Введение

Одной из важных геополитических особенностей России во всех периодах ее истории был фактор огромности. Общая площадь империи, составляющая к началу XX в. около 22 млн квадратных километров, Уральскими горами незримо делилась на две составляющие части государства – Европейскую и Азиатскую Россию, существенно отличавшиеся друг от друга географическими и природно-климатическими условиями, этническим составом и конфессиональной принадлежностью населения, инфраструктурой, удаленностью от границ и центра страны и т. д. Между тем присоединение Сибири к России является, бесспорно, одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Имея в виду именно это обстоятельство, известный методолог М.Я. Гефтер отмечал, что Россия только тогда стала Россией, «когда вобрала в себя Сибирь». Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией². Дальнейшие взаимоотношения центра и вновь присоединенных восточных территорий в немалой степени определялись характером присоединения этих земель к России. Отечественные и зарубежные исследователи истории России едины в том мнении, что именно отмеченное обстоятельство выступало весьма

¹ Глава написана в соавторстве с И.Л. Дамешек.

² Цит по: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1995. С. 5; Гефтер М.Я. Из тех и этих лет... М., 1991. С. 383.

весомым аргументом при выстраивании политики центра на окраинах государства³. Разделяя точку зрения датского историка О.Г. Кристенсена о том, что в России «в восточном направлении приращение земель носило характер колонизации»⁴, следует в то же время отметить, что применительно к Сибири более обоснованным представляется вести речь о сочетании методов колонизации, как освоения пустопорожних земель, и прямой экспансии, под которой автор понимает захват чужой территории. Продвигаясь на Восток, русское государство решало двуединую задачу: с одной стороны, расширение территории несомненно способствовало упрочению границ на восточном побережье. С другой – Сибирь манила к себе и своими немалыми естественными ресурсами – пушниной, солью, рыбой, драгоценными металлами. Но если для московских, а затем и петербургских Романовых Европейская часть – а это всего лишь 20 % территории страны – была как бы прародиной, «отчиной», то Сибирь и в начале XIX в. осталась малоизвестной окраиной, которую еще только предстояло инкорпорировать в экономическое, административное и социокультурное пространство империи. Такой подход был основан на признании экономической зависимости окраин от Европейского центра, в котором, по меткому замечанию известного мемуариста XIX в. Ф.Ф. Вигеля, всегда смотрели на Сибирь, как богатая барыня смотрит «на дальнее поместье, случайно ей доставшееся...» Задача поместья заключалась прежде всего в том, чтобы исправно платить «оброк золотом, серебром, железом, мехами», а состояние самого поместья мало беспокоило госпожу. По мнению Вигеля, из Сибири и так все придет само собой, а потому не следовало о ней слишком заботиться⁵. Это косвенное признание неоднородности

³ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 30; Кристенсен О.Г. История России в XVII в. М., 1989. С. 134.

⁴ Кристенсен О.Г. Указ. соч. С. 134.

⁵ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 191. Автор считает необходимым отметить, что в сибиреведческой литературе этот отрывок впервые был использован

империи явственно выдвигает перед историописателями требование дифференцированного подхода к изучению и оценке окраинной политики империи, ее многофакторности и многоплановости, которая в последнее время все чаще характеризуется исследователями как политика «имперского регионализма»⁶. Это понятие охватывает важные сферы региональной политики – от имперской идеологии и практики в региональном измерении до установления внутренних и внешних границ региона, динамики административного устройства и управленческой деятельности внутри конкретного территориального пространства.

Особенностью государственного строительства России являлось постоянное преобладание административно-политических целей над экономическими. Россия как империя постоянно расширялась, включая в свое государственное пространство все новые территории и народы, различные по многим социально-экономическим и социокультурным параметрам. За решением первоначальных военно-политических задач имперской политики неизбежно следовали задачи административного обустройства и последовательной интеграции региона в имперское пространство. Именно территория привязывала к государству человека, а не идея гражданства, как в эпоху национальных государств. Кроме административных и судебных институтов, во властном освоении и присвоении пространства огромную роль играли единая денежная система (не случайно фальшивомонетничество считалось государственным преступлением), коммуникации, налоги, государственный язык, Русская

иркутским исследователем А.С. Кузнецовым, а затем А.В. Ремневым. См. Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 2. Иркутск, 1971. С. 12; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1995. С. 17.

⁶ М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма (отв. ред. Л.М. Дамешек). Иркутск: Отгиск, 2003. 262 с.; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. 341 с.

православная церковь, а также сознание верноподданничества русскому царю, который был верховным «хозяином» земли. Особенно это было актуально в Сибири и на Дальнем Востоке, где господствовала система государственной земельной собственности. Включая в свой состав новые территории на востоке, империи начинала их интеграцию именно с военно-административных и фискальных методов. Этот процесс имел длительную временную протяженность. Лишь после наступала эпоха экономической интеграции.

В ходе исторического развития России на ее огромном и многообразном географическом пространстве сложились большие территориальные общности (*регионы*), заметно выделявшиеся своей индивидуальностью, имевшие существенные отличия в социально-экономическом, социокультурном и этноконфессиональном облике, что закреплялось определенной региональной идентификацией. Под регионом в данном случае понимается не политико-административный территориальный субъект управления и хозяйствования, а историко-географическое пространство, создаваемое не столько физическим ландшафтом, сколько временем и историей. Регион есть историко-географическое пространство, естественное образование, в рамках которого осуществляется хозяйственная и социокультурная деятельность территориально идентифицируемого населения. В то же время регион – это не только историко-географическая или политико-административная реальность, но и ментальная конструкция, с трудно определимыми и динамичными границами. Именно в этом смысле употребляется в данном исследовании понятие регион, т. е. Сибирь.

1. Азиатская Россия в ментальных и географических представлениях современников и потомков

Процесс вхождения Сибири в состав России начался в конце XVI в., носил весьма противоречивый характер и имел длительную историческую перспективу. Это было не только военное, но и административное, и экономические закрепление за Российской империей новых территорий и народов огромного Зауральского края. Не менее важным был процесс ментального, как принято говорить теперь, осмысления Сибири как земли русской, неотъемлемой составной части России. Существенное влияние на это оказал процесс географического изучения и картографирования Сибири⁷. Трансформации образов Сибири в российском общественном сознании в немалой степени способствовало установление новых административных границ и центров. Дальнейшая инкорпорация Сибири в Россию породила проблему взаимоотношений периферии и государственного ядра, вопрос о колониальном положении Сибири в составе Российской империи.

География Сибири, как свидетельствуют факты, в значительной мере зависела не столько от природного ландшафта, сколько от изменения государственных и административных границ империи на Востоке в целом. Интерпретация региона постепенно усложнялась с расширением как внешних имперских границ, так и нарастанием внутренних политических и управленческих задач, управленческой специализацией и дифференциацией, изменением этнодемографической структуры, новыми экономическими интересами. Власть здесь шла явно впереди экономики, создавая административно-территориальные единицы и формируя экономические районы.

⁷ Постников А.В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX в. в связи с формированием русско-китайской границы. М., 2013. 364 с.

Вопрос о пространстве Сибири в России не так прост, как может показаться на первый взгляд. Административное деление зачастую не совпадало с географическими границами Сибирского региона, а образы Сибири приобретали расширенное символическое восприятие. Картографирование и конструирование географического, административного, экономического и ментального пространства Сибири составляло основу имперской географии власти. Различные комбинации территорий в больших административных группах (генерал-губернаторствах) не только повторяли природный ландшафт в поисках естественных границ, но и активно формировали новую географию. Динамичное освоение государственной властью новых восточных территорий, осмысление их внутренних и внешних границ на протяжении всего достаточно длительного периода империи приводило к неоднократным попыткам административного переустройства края. В данном контексте история тесно переплеталась с географией.

Территориальный объем имени «Сибирь» рос параллельно движению русских на восток, достигнув своего предела к концу XIX в. Ю.А. Гагемейстер, автор «Статистического обозрения Сибири», составленного по поручению Второго Сибирского комитета в середине XIX в., описывал границы Сибири следующим образом: «Сибирью называется весь северный отдел азиатского материка, который обозначается на западе продольною цепью Уральских гор, на востоке Тихим океаном, с севера омывается Ледовитым морем, а к югу граничит с владениями Китая и свободного Туркестана»⁸. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, определяя объем сибирского пространства, включал в него все азиатские владения Российской империи, кроме Закавказья, Закаспийской области и Туркестана. В конечном итоге в начале XX столетия правительство пришло к заключению о том, что именно следует считать

⁸ Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 1. С. 1.

территорией Сибири. В издании «Азиатская Россия», предпринятом в 1914 г. Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия в связи с 300-летним юбилеем дома Романовых, отмечалось, что помимо административного деления в Азиатской России существует еще и деление историческое: Сибирь (Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии, области Якутская и Забайкальская) и Дальний Восток, куда включают, помимо Амурской, Приморской, Камчатской областей и Сахалина, иногда и Забайкалье как связующее звено между ними. Именно в этих исторических границах определяется география данного издания. Поэтому территориальные рамки исследования охватывают всю Сибирь, т. е. территории бывших Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей. Эти губернии и их население были тесно связаны между собой общностью социально-экономических и политических процессов в составе империи, социокультурными, религиозными и иными традициями. По мере усиления интеграции Сибири в состав России, адаптации сибирского населения к общерусским хозяйственным, культурно-бытовым связям, религиозным и иным традициям на практике осуществлялась идея превратить Сибирь в Россию. Сегодня, после распада Советского Союза в 1991 г., площадь современной Азиатской России, составляет 13,1 млн кв. км, что составляет около 77 % территории нынешней России. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., на территории Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов проживает свыше 39 млн человек, то есть 27 % от общей численности населения РФ.

2. «Образы окраин» империи как предмет отечественной и зарубежной историографии

Имперская проблематика в целом, а также имперская система управления (как ее составляющая часть), вопросы взаимоотношения империи и окраинных (периферийных) регионов в последние десятилетия приобрели особую актуальность и значимость в России и на Западе. Актуализация имперской проблематики обусловлена общим процессом глобализации, а также рядом серьезных событий, произошедших в мире на рубеже 80–90-х годов прошлого столетия. Существенное влияние на историографию (в равной степени отечественную и западную) оказал распад последней империи – Советского Союза. В частности, в западной исторической русистике зарождается новый подход к истории России, которая стала восприниматься на Западе как полиэтническая, поликонфессиональная и поликультурная империя.

Имперская система управления вот уже более века не теряет своей актуальности, вероятно, потому, что это «вечно юные, неисчерпаемые вопросы, на которые, по-видимому, вовсе не может быть дано одного определенного ответа, одинаково пригодного для всех эпох и народов»⁹.

Интерес к проблемам внутренней политики России исследуемого периода возник в отечественной историографии в середине XIX столетия. Генерал М.И. Богданович, историк-юрист А.Д. Градовский, историки права Б.Э. Нольде, Э.Н. Берендтс, Н.М. Коркунов, Н.И. Лазаревский и др. подготовили ряд интересных публикаций об истории государственного управления в России¹⁰. Од-

⁹ Ивановский В.В. Вопросы государственоведения, социологии и политики. Казань, 1899. С. 244.

¹⁰ Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России. «Русский Архив», нояб.-дек., 1868; Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911; Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации: (Записка, сост. в дек. 1903 г.). СПб., 1913; Коркунов Н.М. Русское государственное право. Изд. 6-е. СПб., 1909; Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с учреждения о губерниях 1775 г. и до последнего времени. СПб., 1872.

нако вопросы управления и правового статуса окраин империи в этих общих работах освещались весьма фрагментарно. Не изменила ситуации работа выдающегося профессора русского государственного права В.В. Ивановского¹¹. Тем не менее практические задачи государственоведения, интерес правящих кругов к окраинам, практические задачи по организации управления ими дали толчок к изучению окраинной политики Российского государства. Формировалось так называемое официальное направление историографии.

Одной из первых дореволюционных работ, посвященных имперской политике по отношению к Кавказской окраине русского государства, стала монография С. Эсадзе¹². В работе автор весьма подробно и последовательно излагает систему управления Кавказом с момента его присоединения к России. При этом он не указывает никаких причин (предпосылок) и мотивов, которыми руководствовалось российское правительство при разработке своей политики в этом регионе. Иными словами, содержание книги вполне соответствует ее названию – «Историческая записка». В то же время С. Эсадзе замечает, что система управления этим регионом была чужда местному населению, вследствие чего возникали трудности, требующие ее совершенствования. Ценность данного исследования заключается в большом количестве приведенных Эсадзе документов различного характера (в первую очередь, делопроизводственных), которые отложились за сорок лет – время поиска и разработки оптимальной, с точки зрения самодержавия, системы управления Кавказом.

В подобном же ключе, с привлечением аналогичного круга источников, написал свой фундаментальный труд – «исторический очерк» системы гражданского управления этой окраиной – В.Н. Иваненко. Опираясь на бо-

¹¹ Ивановский В.В. Административное устройство наших окраин. Казань, 1891.

¹² Эсадзе С. Историческая записка по управлению Кавказом. Т. 1–2. Тифлис, 1907.

гату источниковую базу, автор сумел воссоздать исключительно подробную картину системы управления Закавказьем в первой половине XIX в. и дать вполне объективную, даже с позиций сегодняшнего дня, оценку главноуправляющим и Кавказским наместникам¹³. Заметим, что стремление авторов оценивать окраинную политику в регионе через призму деятельности главноуправляющих и наместников было достаточно распространенным явлением¹⁴. При этом уже в начале XX в. появились работы, в которых предпринимались попытки не только анализа и просчетов российской административной политики на Кавказе, но и критики деятельности российских властей по отношению к коренному населению региона¹⁵.

Одним из примеров изучения административной политики России на западных окраинах служит монография П.А. Кулаковского, выпущенная в 1907 г.¹⁶ Автор весьма патетически отзывается о системе управления Царства Польского, созданной в соответствии с Конституцией 1815 г., которая давала полякам «всякие свободы» и привилегии. Он достаточно реакционно, и даже более того – националистически, настроен по отношению к этой западной окраине империи. Рассуждая о том, что благодаря России Польша воскресла, П.А. Кулаковский добавляет, что полякам-де было мало того, что дала им Россия. Он осуждает поляков за их восстание 1830–1831 гг. и вполне одобряет реакционную российскую политику в отношении этой окраины в последующие годы царствования Николая I. Рассматривая мероприятия самодер-

¹³ Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества Великого князя Михаила Николаевича. Исторический очерк. Тифлис, 1901.

¹⁴ Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Барятинский. 1815–1879. В 3-х т. М., 1888–1891; Кравцов И.С. Кавказ и его военачальники. Н.Н. Муравьев, кн. А.И. Барятинский и гр. Н.И. Евдокимов. В.М. 1886.

¹⁵ Гершельман Ф.К. Причины неурядиц на Кавказе. Спб., 1908; Иваненко В. Разлад между уголовным законом и обычаем на Кавказе и его влияние на преступность // Русская мысль. № 5–6. 1904.

¹⁶ Кулаковский П.А. Польский вопрос о прошлом и настоящем // Библиотека окраин России. СПб., 1907.

жавия в Польше, Кулаковский (так же, как и С. Эсадзе в упоминавшейся выше работе) умалчивает о мотивах и целях царского правительства.

Работой совсем иного плана является исследование известного польского профессора Ш. Аскенази¹⁷. Эта монография содержит значительное количество информации – статистические данные о населении, территории, развитии экономики и образования этой западной окраины Российской империи. В работе дается достаточно детальный анализ польской конституции 1815 г. и созданной в соответствии с ней системы управления Царства Польского. Аскенази оценивает конституцию 1815 г. как наиболее прогрессивную по тем временам в Европе. Он справедливо отмечает, что Польская конституция оказала благотворное влияние на развитие всего польского народа, в частности, она дала толчок социально-экономическому развитию и возрождению этой окраины.

Высокая оценка правительственной политики в отношении другой западной окраины – Финляндии – дается в работе «Финляндская окраина в составе Русского государства»¹⁸. В ней достаточно основательно излагаются особенности геополитического положения этой территории и указываются причины (в первую очередь, стратегические), по которым для России было жизненно необходимо обладание этим регионом. О политике, а также всей системе управления, созданной в Финляндии после ее присоединения к империи, в книге говорится лишь вкратце. Между тем подчеркивается, что финны были довольны политикой России по отношению к своей родине, а также системой управления, данной им российским правительством, и стремились как можно более слиться с империей и не «отличаться от остальных провинций» этого государства. Вполне объективная оценка имперской политики в финляндской окраине в конце XIX столетия дается одним из представителей официального

¹⁷ Аскенази Ш. Царство Польское в 1815–1830 гг. (перевод с польского). М., 1915.

¹⁸ Финляндская окраина в составе Русского государства. СПб., 1910.

направления в дореволюционной историографии – М.М. Бородкиным. Автор не только рассматривает сущность этой политики, но и представляет ее оценку со стороны местного населения Финляндии¹⁹.

Характерно, что практически во всех работах официальной историографии, посвященных политике самодержавия на западных окраинах, идет как бы абстрагированное описание системы управления, практически не дается ее оценок²⁰. В то же время описание это как бы поверхностное, не детальное. Единственным, пожалуй, исключением являются исследования Н. Корево²¹, Н. Рейнке²² и А. Лохвицкого²³, в которых, наряду с другими европейскими, детально излагаются конституции Финляндии и Польши, достаточно подробно описывается созданная в соответствии с этими «основными законами» система управления на западных окраинах России. Эти труды дают нам наиболее полное и подробное представление об управлении указанных западных российских окраин.

В большинстве работ, посвященных управлению Польши, политическое положение этой российской окраины характеризовалось в период 1815–1830 гг. как «автономная провинция». Между тем Вл. Студницкий утверждает, что «слово «автономия» тут употребляется неправильно», поскольку, по мнению этого представителя другого направления в дореволюционной историографии – демократического, Царство Польское в указанные годы являлось не чем иным, как государством, соединенным с Россией реальной унией, и ищет этому

¹⁹ Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии. Время правления Н.И. Бобрíkова. Спб., 1905; Бородкин М.М. Памяти Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрíkова. Харьков, 1905.

²⁰ Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX в. Петроград, 1915.

²¹ Корево Н. Сеймовый устав для великого княжества Финляндского, Высочайше утвержденный 20 июля 1906 г. СПб., 1913. (Сборник документов с комментариями составителя).

²² Рейнке Н. Очерк законодательства Царства Польского (1807–1881). СПб., 1902.

²³ Лохвицкий А. Обзор современных конституций. Ч. 1. СПб., 1862.

подтверждения в акте Венского конгресса по польскому вопросу. Именно с этой позиции он рассматривает всю систему управления данной окраины²⁴.

Вл. Студницкий высказывает свою точку зрения на причины восстания 1830 г., главная из которых заключалась, по его мнению, в «политическом уродстве» – соединении в одном лице короны самодержца и конституционного короля. Именно это противоречие государственного строя Царства Польского и России, по замечанию Вл. Студницкого, привело к восстанию 1830 г., и как его следствие – к крушению конституции 1815 г. Достаточно подробно описывая и осуждая русификаторскую политику самодержавия, столь тягостную для местного населения западной окраины, автор в то же время справедливо отмечает, что экономическая политика российского правительства по отношению к Польше была для последней весьма благоприятна.

В первое послеоктябрьское десятилетие специальных работ по изучаемому вопросу не появлялось. Историческая наука уделяла внимание, главным образом, проблемам социально-экономическим, без чего, как тогда считалось, невозможно было создание целостной марксистско-ленинской концепции истории страны. Тезис о необходимости слома старой государственной машины не способствовал появлению государствоведческих работ. Тем не менее уже тогда М.Н. Покровский применительно к Польше мимоходом отмечал, что при Александре I она стала «особым царством» со своими особым управлением, особым войском...», однако конституция 1815 г., по мнению автора, существовала только «на бумаге», а русский произвол в Польше доходил до полного «безобразия»²⁵.

В 1928 г. вышла в свет книга В.П. Друнина, в которой описываются (термин «исследуются», на наш взгляд,

²⁴ Студницкий Вл. Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней. СПб., 1907.

²⁵ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Избранные произведения. Кн. 3. М., 1967. С. 119–120.

здесь неприемлем) взаимоотношения двух стран на протяжении нескольких столетий²⁶. В разделах, посвященных интересующему нас периоду, автор весьма негативно оценивает политику российского правительства по отношению к этой окраине. Он критикует польскую конституцию 1815 г. за ее явно прошляхетскую направленность и, в то же время, за отсутствие в ней гарантий политической независимости Царства Польского. Между тем книга интересна характеристикой, хотя и очень краткой, деятельности представителей самодержавия в этом регионе (наместника И. Зайончека, великого князя Константина), что отсутствует в большинстве других работ. Фактически эта монография является очень сжатой «политической историей Царства Польского», без детальной характеристики и подробных фактов.

В целом в немногочисленных публикациях первых десятилетий советской власти, посвященных истории окраин, вопросы государственного управления не получали должного освещения. Отличительной чертой подобных работ была их излишняя идеологизированность. Например, в учебнике под редакцией М.В. Нечкиной политика правительства в отношении национальных районов (окраин) признавалась крайне грубой и насквозь проникнутой, по словам этого известного исследователя, «зоологической ненавистью к угнетенным народам»²⁷.

Интерес к российским окраинам в отечественной историографии возобновился в 50-е годы прошлого столетия. В середине 1950-х гг. выходит в свет двухтомная, достаточно солидная коллективная монография «История Польши»²⁸. Ее достоинство заключается в комплексном рассмотрении социально-экономического и политического развития этой окраины. Авторы книги вполне разделяют точку зрения профессора Ш. Аскенази о благотворном влиянии конституции 1815 г. на развитие Цар-

²⁶ Друнин В.П. Польша, Россия и СССР. Л., 1928.

²⁷ История СССР. Под ред. М.В. Нечкиной. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1949.

²⁸ История Польши (под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера, П.Н. Третьякова). Т. 1–2. М., 1954.

ства Польского. В то же время авторы отмечают, что политическое оживление, наблюдавшееся здесь в начале 20-х годов XIX в., повлекло за собой реакционную политику российского правительства. Они раскрывают (буквально несколькими штрихами) сущность этой политики, в частности, после подавления восстания 1830 г. и последовавшей за ним отмены польской конституции. Характерной чертой монографии является отсутствие полноты и всесторонности изложения. Впрочем, это замечание в равной степени характерно для большинства коллективных монографий, в силу ограниченности их объема.

Примерно в тот же период выходят в свет исследования, посвященные политике самодержавия на Кавказе. Их отличительной чертой является рассмотрение административной политики в регионе через призму экономических интересов российского правительства на данной окраине. Речь идет о работах М.К. Рожковой²⁹, А.В. Фадеева³⁰, Н.А. Смирнова³¹. В этих монографиях, помимо множества фактов и данных, относящихся к характеристике экономического положения региона и, соответственно, политики в нем самодержавия, указываются мотивы (причины) как экономические, так и стратегические, определяющие политику самодержавия в регионе. В частности, авторами отмечается, что имперская политика (включая законодательство и административные институты) была подчинена единственной цели – поддержанию крепостнического режима, подорванного уже развитием капиталистических отношений. Фадеев, в частности, указывал, что на Кавказе подобная система управления приобретала колониальный характер, с подчеркнутым пренебрежением к местным обычаям и языкам. Таким образом, государственная стратегия в

²⁹ Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., 1949.

³⁰ Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.

³¹ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958.

управлении Кавказом всецело зависела от стратегических и экономических интересов империи в этом крае.

Советская историография середины 1960-х годов ознаменовалась появлением ряда коллективных трудов историков, приуроченных к 50-летию советской власти. Естественно, что в такого рода юбилейных изданиях известное отражение нашли и проблемы окраинной политики. Для нас важно отметить не сам характер приводимого в этих работах фактического материала – по понятным причинам он очень небольшой – а прежде всего территории, отнесенные к окраинам России.

В 12-томной «Истории СССР с древнейших времен...» авторы выделили три типа окраин, подчеркнув при этом, что «не все окраины Российской империи были ее колониями». Ни польские земли, ни Финляндия, которые были развитыми в экономическом отношении регионами, не являлись, по мнению авторов, колониями царской России. В то же время они являлись окраинами, поскольку «население названных территорий, хотя и не подвергалось колониальной эксплуатации, испытывало национальное угнетение» и «было стеснено русификаторской политикой царизма и административно-полицейским произволом царских наместников и генерал-губернаторов»³².

Тезис о том, что понятия «окраина» и «колония» не являются синонимами, получил дальнейшее развитие в оригинальном исследовании Н.П. Ерошкина. Он отмечал, что уже в XVIII в. в состав России вошли территории «с развитой экономикой, сложными производственными отношениями и высокой культурой». Осуществление административной политики на этих западных окраинах «требовало более гибких методов управления и специфических, характерных для каждой окраины, органов и

³² История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 4. М., 1967. С. 366–367; Т. 6. М., 1968. С. 25.

учреждений и привлечения к управлению местной феодальной верхушки»³³.

Тезис о наличии на окраинах «особенной» системы управления, как определяющего фактора для подобной характеристики, был развит Н.П. Ерошкиным и на материалах XIX в.³⁴ Автор выделил основные общие и особенные признаки административной системы управления, которые были характерны для всех национальных окраин Российской империи.

Здесь следует отметить, что обозначенная выше трактовка понятия «окраины» разделяется не всеми исследователями. В специальной монографии, посвященной аграрным отношениям в Сибири периода империализма, Л.М. Горюшкин высказал иное суждение о типах окраин и колоний. Методологической основой рассуждений исследователя в данном случае явились замечания В.И. Ленина о том, что под окраинами следует понимать «незаселенные, или не вполне заселенные, не вполне вовлеченные в земледельческую культуру земли»³⁵. Исходя из этого, Л.М. Горюшкин отметил, что отнесение территории Царства Польского к окраинам «начала XIX в. представляется сомнительным...»³⁶

Середина 70-х – начало 80-х гг. XX в. были отмечены выходом нескольких монографий, посвященных западным окраинам Российской империи. Труд Л.А. Обушковой посвящен, главным образом, экономической политике самодержавия в Польше периода ее автономии³⁷. Автор дает краткую историю создания новых отраслей промышленности, развития сельского хозяйства и оживления внутренней торговли в этом регионе. Ценность исследованию придают архивные данные о харак-

³³ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 144.

³⁴ Там же. С. 192–199.

³⁵ Ленин В.И. ПСС. Изд-е 5-е. Т. 3. С. 565.

³⁶ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 73.

³⁷ Обушкова Л.А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. М., 1979.

тере торговых отношений между Россией и Польшей, опубликованные впервые, а также обширные статистические сведения о демографической ситуации на окраине в период 1815–1830 гг.

Обобщающим трудом по истории русско-финских отношений, стала вышедшая в этот период монография В.В. Похлебкина³⁸. Автор очень подробно излагает причины, которые на протяжении рассматриваемого столетия оказывали определяющее влияние на мероприятия самодержавия в отношении этого региона: военно-стратегическое значение Финляндии для России и политическая благонадежность финского общества. Помимо вышеперечисленного, в книге достаточно обстоятельно охарактеризовано правовое, политическое и экономическое положение Финляндии в составе Российской империи. Автор нисколько не подвергает сомнению (а скорее, подтверждает) тезис о том, что присоединение этого края к России и, соответственно, политика в нем самодержавия имели прогрессивное значение. Данный тезис В.В. Похлебкин доказывает конкретными примерами, фактами. Это исследование построено на большом архивном материале, и будучи первоначально издано в 1969 г. в Хельсинки на финском языке, получило высокую оценку президента страны У.К. Кекконена.

Существенный вклад в изучение административной системы Великого княжества Финляндского внесли работы Л.В. Суни (в том числе, в соавторстве с Е.Б. Ошеровым)³⁹ и А.П. Лайдинена⁴⁰.

Рассматривая в оценочном плане политику самодержавия в регионе в XIX в., оба автора солидарны в том, что имперские мероприятия в отношении этой окраины ставили своей целью возрождение финской государ-

³⁸ Похлебкин В.В. СССР – Финляндия. 260 лет отношений. 1713–1973. М., 1975.

³⁹ Суни Л.В. Очерк общественно-политического развития Финляндии 50–70-е годы XIX в. Л., 1979; Ошеров Е.Б., Суни А.В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск, 1986.

⁴⁰ Лайдинен А.П. Социально-экономические реформы 50–70 гг. XIX в. в Финляндии. Л., 1982.

ственности, экономики и создание благоприятных условий для данного региона. Монографии этих авторов посвящены развитию экономики Финляндии, они содержат статистические данные и факты, свидетельствующие о процессах в этой области. В частности, Л.В. Суни признал реформы 60–70-х XIX гг. одной из основных предпосылок промышленного прогресса и социального развития окраины. В то же время, давая общую оценку финляндской политике со стороны имперских властей, Суни справедливо отмечает, что центральное правительство само способствовало «быстрому политическому пробуждению финляндского общества»⁴¹.

Немалый вклад в изучение проблемы управления западными окраинами внесли советские правоведы, и прежде всего – Р.Н. Дусаев и К.Е. Ливанцев. В работах Р.Н. Дусаева, на основе широкого круга законодательных источников, представлен анализ государственно-правового статуса Финляндии в составе Российской империи⁴². К.Е. Ливанцев провел исследование правового положения городского населения в Польше к началу реформы 1866 г.⁴³

Наиболее подробно имперская политика в административной области в отношении Финляндии на рубеже XIX–XX вв. исследовалась в работах У.В. Тейстре⁴⁴. Автор признает, что результатом правительственного курса стала фактическая ликвидация автономии княжества в 1910 г. Окраинную политику центральных властей в этот период автор характеризует как русификаторскую и национального угнетения.

В середине 80-х гг. прошлого столетия журнал «Вопросы истории» опубликовал статью Н.С. Киняпиной,

⁴¹ Суни Л.В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы XIX в. Л., 1982. С. 127.

⁴² Дусаев Р.Н. Уголовное уложение Великого княжества Финляндского. Л., 1988.

⁴³ Ливанцев К.Е. Правовой статус населения Королевства Польского в XIX в. (до реформы 1866 г.) // Правоведение. 1970. № 4. С. 62–67.

⁴⁴ Тейстре У.В. Особое совещание Н. Бунге (1891–1893) и вопрос об автономии Финляндии // Скандинавский сборник. Таллинн, 1976. XXI. С. 94–107.

посвященную политике самодержавия на Кавказе⁴⁵. В этой работе не только дается краткий очерк политики российского правительства в области управления этой окраиной, но и исследуются причины, лежащие в ее основе. По мнению автора, главная из них была экономическая (по мере расширения внутреннего рынка, усиления внешнеторговых связей происходил рост интереса помещиков и буржуазии к освоению окраины, что отражалось в политике царизма). При некоторых различиях в административной политике по отношению к народам Азербайджана и Грузии, автор выделяет ее общую черту, а именно – подчинение гражданской власти военной, поскольку становление и развитие этой системы управления шло в годы войны – Русско-иранской и Русско-турецкой. За исключением указанных моментов, работа Н.С. Киняпиной схожа с «Исторической запиской...» С. Эсадзе, поскольку оба автора использовали фактически одни и те же источники.

В числе обобщающих работ стоит отметить коллективную монографию «Краткая история Польши»⁴⁶. Авторы этого издания подтверждают тезис о том, что сам факт создания Королевства Польского и его довольно прогрессивной (для своего времени) конституции имел для данной территории весьма благотворное влияние – в конституции поляки видели надежду на возрождение своей государственности. В целом о монографии следует сказать, что она не содержит принципиально нового подхода к оценке имперской политики российского правительства XIX в. в отношении окраины. Это обстоятельство свидетельствует о неизменности за последние пятьдесят лет (со времени выхода в свет «Истории Польши» – в 1954 г.) взглядов историков нашей страны на эту проблему.

В последние годы появился целый ряд исследований, в том числе и диссертационных, рассматривающих отдельные составляющие имперской политики на ее западных

⁴⁵ Киняпина Н.С. Административная политика на Кавказе и Средней Азии // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 35–48.

⁴⁶ Краткая история Польши. М., 1993.

окраинах⁴⁷. Эти работы свободны от устоявшихся штампов в негативной оценке российской окраинной политики, они вполне объективны, и в них предприняты попытки дать современные оценки имперской окраинной политике. Вопросы позиционирования западных окраин в имперской системе управления и, соответственно, определения их политического статуса (и его эволюции) рассматриваются в монографиях М.Б. Аверина, в основе которых лежит его кандидатская диссертация⁴⁸. В частности, автор отмечает, что «особую остроту и значимость вопрос о правовой оценке связей Великого княжества Финляндского с Россией приобретает в конце XIX – начале XX вв., и окончательно переходит из юридической сферы в политическую». Давая оценку унификационному курсу этого периода в отношении Польши, М.Б. Аверин справедливо называет его «крайне жестким и порой ничем не оправданным».

Из современной финской и польской историографии, посвященной имперской системе управления на российских окраинах, следует выделить работы О. Юссила⁴⁹, Р. Вильо⁵⁰, Т. Полвинен⁵¹ и Ю. Бардах⁵².

⁴⁷ Дусаев Р.Н. Кодификация уголовного законодательства Финляндии XIX века. Дисс. докт. юрид. наук. СПб., 1992; Новикова И.Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX в. // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*. М., 2001. С. 264–288; Правилова Е. Цена империи: центр и окраины в российском бюджете XIX – начала XX вв. // *Ab Imperio*. 2002, № 4. С. 115–144; Она же. Россия и Царство Польское: механизмы бюджетно-финансовых отношений в имперской системе (1815–1866) // *Пространство власти... С. 236–237*; Она же. Имперская политика и финансы: внешние займы Царства Польского. Исторические записки. Под ред. Б.В. Ананьича. М., 2001. С. 271–316; Борисов В.И., Ошеров В.Б., Савельев Ю.А. Политика царизма в отношении Финляндии на рубеже XIX–XX веков. М., 2003.

⁴⁸ Аверин М.Б. Польша и Финляндия в составе Российской империи: становление и развитие буржуазных систем (сер. 60-х гг. XIX в. – 1914 гг.). Самара, 2001; Великое княжество Финляндское и Царство Польское в государственном механизме Российской империи (сер. 60-х гг. XIX в. – 1881 г.). М., 2003.

⁴⁹ Юссила О. Политическая история Финляндии 1809–1995. (пер. с финского). М., 1998.

⁵⁰ Рассила Вильо. История Финляндии (пер. с финского). Петрозаводск, 1996.

⁵¹ Полвинен Туомо. Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии, 1898–1914 гг. пер. с финск. СПб., 1997.

⁵² Бардах Ю. История государства и права Польши. М., 1980.

К числу наиболее значимых исследований последних лет, посвященных кавказскому региону, стоит выделить работу Томаса Барретта⁵³.

Статья Томаса Барретта посвящена многолетним процессам, сопровождавшим русскую экспансию XVIII и XIX веков на Северном Кавказе. Этот историк защитил в Джорджтаунском университете диссертацию по истории терского казачества периода 1700–1860 годов. Его работа демонстрирует активизацию интереса западных специалистов к нерусским национальностям Российской Империи и пограничья, наметившуюся в последнее время. Исследование посвящено пребыванию Шамиля в плену. Томас Барретт, являясь специалистом в двух относительно новых областях исторической науки, известных как история окружающей среды и история «фронта» (приграничной зоны), поднимает в своей статье вопросы, в значительной степени отличающиеся как от вопросов, рассматриваемых историками в контексте культуры, так и от вопросов русской имперской политики, составляющих важный раздел современной исторической литературы. В анализируемой здесь статье Барретт делает попытку применить подходы, выработанные исследователями американского Запада, к истории Северного Кавказа. Он надеется, что это поможет преодолеть стереотип изучения истории русской экспансии в регионе как истории завоеваний (на чем концентрировала внимание дореволюционная российская историография), или как истории сближения и дружбы народов (что было идеологическим императивом советской историографии), или исключительно как истории репрессий и сопротивления местного населения угнетателям (на что делается упор в многочисленных западных работах, посвященных истории нерусских окраин империи).

⁵³ Барретт Т.М. Линии неопределенности // Американская русистика: Вехи историографии последних лет: Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 163–194.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что число современных специальных исследований по проблемам окраинного управления невелико. Национальный вопрос как составляющая имперской окраинной политики стал предметом исследования В.С. Дякина. Рассматривая всю совокупность проявлений национальной политики имперского правительства (в том числе, ее административную составляющую), автор заключает, что именно национальный вопрос стал в России одним из дестабилизирующих факторов⁵⁴.

К числу последних работ следует отнести коллективную монографию обобщающего характера, предметом исследования которой стала система управления во всех национальных российских окраинах⁵⁵.

Одной из российской окраин, которая традиционно обращала на себя внимание как имперских властей, так и исследователей, являлась Сибирь. Современная сибирская историография располагает рядом подробных историографических обзоров по имперской политике в этом регионе⁵⁶. Поэтому обозначим принципиальные моменты этой научной проблематики. Исследовательский интерес российских историков (в равной степени современных и

⁵⁴ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 39–59.

⁵⁵ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997.

⁵⁶ Дамешек Л.М., Кузнецов А.С. Сибирская реформа 1822 г. // Очерки истории Сибири. Иркутск, 1973. Вып. 3; Маркова И.Б. Вопросы организации управления Сибирью периода позднего феодализма в советской историографии // Вопросы историографии Сибири и Алтая. Барнаул, 1988. С. 51–63; Копылов А.Н. Управление и политика царизма в Сибири в период феодализма // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971. С. 102–111; Соболева Т.Н. Управление Кольваново-Воскресенским (Алтайским) горным округом в XIX – начале XX вв. К историографии вопроса // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985; Шишкин В.И. Государственное управление Сибирью в XVII–XIX веках: основные особенности организации и функционирования // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX вв. Новосибирск, 1998; Предисловие А.Ю. Конева к сборнику документов «Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.)». Тюмень, 1999; Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX веков. Некоторые итоги и перспективы изучения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaimka.ru/remnev3.shtml>.

дореволюционных) к проблеме имперской политики на востоке страны обычно фокусируется вокруг четырех основных вопросов: административные реформы М.М. Сперанского; управление коренными народами Сибири; аграрная политика; управление каторгой и ссылкой.

Применительно к теме данного исследования прежде всего следует указать дореволюционные работы М.А. Корфа и В.И. Вагина, посвященные первому проявлению имперского регионализма применительно к данной окраине, которым явилась сибирская реформа М.М. Сперанского⁵⁷. Барон М.А. Корф оценивал преобразования Сперанского с точки зрения представителя высшей бюрократии николаевского периода, каковым он и являлся. При этом автор исходил из идеи незыблемости монархии в России и возможности совершенствования системы управления страной путем частичных реформ. Вследствие этого М.А. Корф утверждал, что реформа 1822 г., осуществленная Сперанским в Сибири, носила радикальный характер. В.И. Вагин в целом достаточно высоко оценил преобразования 1822 г. Однако, являясь представителем раннего демократизма, он одним из первых в историографии стал открыто говорить об ограниченности реформ М.М. Сперанского в Сибири, о несовершенности организации совещательных советов на всех уровнях управления.

Книга В.И. Вагина дала толчок для представителей иного направления в историографии – демократического. Представителями этого направления являлись А.П. Шапов и идеологи зарождающегося сибирского обласничества – Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин. Занимаясь активной научно-публицистической деятельностью во время подготовки и проведения реформ сибирского управления, они фактически заложили начала работ по комплексному изучению проблем отношений центра и окраин и внесли существенный вклад в изучение управ-

⁵⁷ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского в 2-х тт. СПб., 1861; Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Т. 1–2. СПб., 1872.

ления Сибирью. В конечном итоге именно областники стали основателями регионализма, причем не только как влиятельного общественного течения, но и как особого научного направления⁵⁸.

Значительное место в историографии имперской политики на восточных окраинах России занимает статья А.П. Шапова «Сибирское общество до Сперанского»⁵⁹, представляющая собой рецензию на вышеуказанное сочинение Вагина. В работе выражено стремление автора оценить имперский регионализм – а именно преобразования 1822 г. – с точки зрения интересов рядовых сибиряков. В оценке преобразований Сперанского и его влияния на местное общество Шапов вполне солидарен с Вагиным, давая им положительную оценку. Вместе с тем автор статьи полагал, что сибиряки были не в состоянии воспринять реформы Сперанского, поскольку его идеи были чужды тогдашнему сибирскому обществу. Шапов оказался прав – воспоминания многих сибиряков свидетельствуют о том, что большинство местных жителей, современников преобразований 1822 г., не поняли, и, соответственно, не оценили ни саму реформу, ни деятельность в крае ее «прародителя» – Сперанского.

Одним из первых областников откликнулся на труд В.И. Вагина Н.М. Ядринцев, чья статья «Сперанский и его реформы в Сибири» была включена в широко известную книгу «Сибирь как колония»⁶⁰. В ней мы находим краткий очерк организации управления краем с начала XVII в. и до реформ Сперанского, достаточно подробное описание нравов чиновников, правление Пестеля – Трескина и ревизии новоназначенного Сибирского генерал-губернатора. Однако отличительной чертой статьи является невысокая оценка преобразований реформатора,

⁵⁸ Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 142–156.

⁵⁹ Шапов А.П. Соч. Т. 3. СПб., 1908.

⁶⁰ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892; Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6.

которые были очень скромны и не принесли ощутимых результатов.

Он вслед за В.И. Вагиным указывает на недостатки «Учреждения» 1822 г. (в этом вопросе Н.М. Ядринцев солидарен с автором «Исторических сведений...») и дает оценку преобразованиям по истечении пятидесяти лет со дня начала их реализации. Ядринцев заключает, что основные цели программы Сперанского оказались не достигнутыми вследствие недостатков самого «Учреждения». Между тем в работе Н.М. Ядринцева присутствует не только достаточно жесткая критика реформы 1822 г., но также намечается областническая программа реформ в современной ему Сибири.

Взгляды Н.М. Ядринцева оказали влияние на чиновника канцелярии Комитета министров С.М. Прутченко. С.М. Прутченко, как чиновнику канцелярии Комитета министров, было поручено подготовить к публикации документы I и II Сибирских комитетов. Двухтомный труд Прутченко отличается богатством фактического материала, посвященного проблемам управления Сибирью. Он, как и сам Сперанский, придавал большое значение правовой регламентации регионального управления. Неудивительно поэтому, что проблемы по управлению Сибирью он связывал с неспособностью правительства учитывать своеобразие местных условий. Вместе с тем Прутченко отмечал, что административной политике самодержавия на окраинах были присущи некоторые общие принципы, характерные в целом для российского государственного управления: «Кость от кости и плоть от плоти общерусского управления, — подчеркивал он, — система сибирского управления находилась в непосредственной зависимости от того, в какой мере представлялись разрешенными в коренных областях государства те трудности, которые неразлучны с постановкой управления слагающегося государства»⁶¹. Важным пред-

⁶¹ Прутченко С.М. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. Приложения. СПб., 1899. Т. 1. С. 5–6.

ставляется замечание Прутченко о том, что «Учреждение» Сперанского «вносило в русское законодательство признание необходимости областной организации внутри Российской империи»⁶². Заметим, что «Сибирские окраины» С.М. Прутченко являются одной из наиболее значимых работ дореволюционной историографии по проблеме имперской окраинной политики в Сибири.

В окраинной политике немалое значение принадлежало личностному фактору. Деятельность талантливых администраторов – генерал-губернаторов М.М. Сперанского и Н.Н. Муравьева – обусловила значительную активизацию политики империи применительно к Сибири, и в конечном итоге инициировала целый ряд правительственных мероприятий в этом регионе. Попытку дальнейшего изучения административной политики самодержавия в отношении Сибири через призму конкретной личности осуществил И.П. Барсуков⁶³. Как и издание Корфа, это сочинение является биографией, только уже другого выдающегося администратора – Н.Н. Муравьева. Вследствие этого, имперская политика на восточных окраинах в 1848–1861 гг. рассматривается Барсуковым сквозь призму деятельности (лишь как один из ее эпизодов) этой безусловно одаренной личности. В основе данной части монографии лежат уже известные нам воспоминания современников и сослуживцев Муравьева главным образом, Струве, Милютин и некоторых других⁶⁴. Вследствие указанной причины мы не находим в книге каких-либо неизвестных нам ранее фактов и характеристик, относящихся к политике правительства в Сибири. В то же время это сочинение И.П. Барсукова представляет немалую историческую ценность как сборник исторических документов: первая книга содержит в себе обширную переписку Муравьева со своими бра-

⁶² Прутченко С.М. Указ соч. С. 279.

⁶³ Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский: В 2-х т. М., 1891.

⁶⁴ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма. (Компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. С. 180–181.

тнями и друзьями, ранее не публиковавшуюся, а вторая включает 162 документа, относящихся к деятельности Муравьева (преимущественно к ее «сибирскому» периоду): некоторые его записки и проекты по разным делам, а также донесения великому князю Константину, императорам Николаю I, Александру II и их министрам. Все эти документы впервые увидели свет благодаря И.П. Барсукову.

Таким образом, в дооктябрьский период тема окраинной политики Российской империи привлекла внимание авторов различных идейных течений. Досоветскими исследователями были введены в научный оборот некоторые нормативные и делопроизводственные источники, мемуары, документы эпистолярного жанра, высказаны общие замечания об окраинной политике и намечены некоторые подходы к теме. На примере восточной окраины интересующие нас вопросы затрагиваются, в основном, в связи с личностью М.М. Сперанского, в меньшей степени Н.Н. Муравьева. Сибирь выступает у этих исследователей, прежде всего, полем для приложения реформаторских усилий высокопоставленных администраторов, а не объектом исследования.

В первые послеоктябрьские десятилетия не было издано специальных работ по изучаемому вопросу. Одной из причин этого являлась смена идеологии в стране. Тенденции тотальной критики всего дореволюционного не позволили дать объективной оценки.

В 1950-е годы была опубликована работа Л.И. Светличной⁶⁵, которая, в соответствии с господствующими в тот период в исторических исследованиях тенденциями, рассматривает имперскую политику в Сибири через призму экономических интересов государства в этом регионе. Коренную причину преобразований 1822 г. она ищет в экономической сфере, в сокращении государственных доходов от Сибири. По мнению ученого, Сперанский за-

⁶⁵ Светличная Л.И. Преобразовательные планы и административная деятельность Сперанского в Сибири (1819–1822 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952.

метил в окраине тенденцию к капиталистическому развитию и, не меняя основ колониальной политики царизма, попытался приспособить ее (тенденцию) для более эффективной эксплуатации сибирской колонии.

Положительная динамика в отечественной историографии окраинной политики наметилась с середины 60-х годов прошлого столетия. В этот период в свет выходит ряд коллективных трудов историков, приуроченных к 50-летию советской власти. Естественно, что в такого рода юбилейных изданиях известное отражение нашли и проблемы окраинной политики. Для нас важно отметить не сам характер приводимого в этих работах фактического материала – по понятным причинам он очень небольшой – а прежде всего территории, отнесенные к окраинам России.

В сибиреведческой литературе рассматриваемый период развития историографии темы ознаменовался выходом 5-томной «Истории Сибири». Исследуемая нами проблема нашла свое отражение в разделах второго и третьего томов издания⁶⁶. Известно, что изложение конкретных сюжетов в рамках коллективного труда имеет свои плюсы и минусы. Данный случай не является исключением. Поэтому имперская политика в крае не была надлежащим способом освещена и проанализирована. В то же время «История Сибири» как бы подвела итоги развития отечественного сибиреведения на тот период времени и одновременно продемонстрировала, что интересующая нас тема нуждается в дальнейшем исследовании. В частности, в одном из разделов третьего тома дана общая характеристика областничества – уникального явления в истории Сибири. Автором данного раздела монографии является известный иркутский историк С.Ф. Коваль. В этой работе областническое движение было представлено как исключительно демократическое. Однако спустя двадцать лет такая постановка вопроса вызвала возражения со стороны ряда следующего поколе-

⁶⁶ История Сибири. Т. 2, 3. Л., 1968.

ния исследователей. Взвешенные оценки областнического движения представлены в работах М.В. Шиловского – в серии статей, монографии и учебном пособии⁶⁷. Отличительной чертой работ этого автора являются солидная источниковая база и аргументация положений. Для автора областническая концепция представляется одним из проявлений буржуазного либерализма. Анализ деятельности сибирской демократической интеллигенции и разработки ей программы социально-экономического и политического развития региона представлен в работах А.В. Даниленко⁶⁸. Публикации этого исследователя, как правило, имеют солидную документальную основу и отличаются логикой доказательств. Автор справедливо обратил внимание на то немаловажное обстоятельство, что разработанная областниками программа, независимо от субъективного понимания ее авторами, объективно несла в себе буржуазные черты, способствовала развитию местного патриотизма и в объективном историческом плане имела положительное значение.

Одним из средств выражения своих идеологических взглядов для областников являлась местная пресса. Именно сибирская пресса рассматривается как источник изучения общественно-политической жизни региона в публикациях С.И. Гольдфарба⁶⁹. Основное внима-

⁶⁷ Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х – 60-х годах XIX века. Новосибирск, Изд-во Новосиб. ун-та, 1989; Он же. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Областники. Новосибирск, 1995; Он же. Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации Сибири в общероссийское пространство / Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII–XXI веков. Материалы научно-теоретического семинара (12–13 ноября 2002 г.). Иркутск, 2003. С. 5–21.

⁶⁸ Даниленко А.В. Сибирское областничество 60–90-х годов XIX века о странах Востока (по материалам сибирской прессы и публицистики) // Взаимоотношения России с афроазиатскими странами в XIX – начале XX веков. Иркутск, 1987. С. 141–150; Он же. Вопросы экономического развития Восточной Сибири во второй половине XIX в. в постановке областников «демократического периода» их истории // Вопросы социально-экономического развития Восточной Сибири (XIX–XX вв.). Чита, 1989. С. 18–34.

⁶⁹ Гольдфарб С.И. Газета «Восточное обозрение» 1882–1906. Иркутск, 1997. 218 с.; Он же. Газетное дело в Сибири. Первая половина XIX – начало XX века. Иркутск, 2002.

нии автор уделяет газете «Восточное обозрение». Он определяет место «Восточного обозрения» среди других сибирских газетных изданий, характеризует позицию местной администрации в отношении периодических изданий региона. Наряду с этим автор исследует такие вопросы, как экономическое положение газеты, состав редакции и спонсоров, способы распространения издания. К изданиям С.И. Гольфарба по проблематике близка и небольшая монография И.Г. Чередниченко, посвященная изучению вклада Н.М. Ядринцева в сибирскую публицистику и становлению сибирской печати в целом⁷⁰. По ходу изложения основного материала автор затрагивает и такие интересующие нас сюжеты, как взаимоотношение власти и местных периодических изданий. Последние публикации, как представляется, особенно отчетливо свидетельствуют о том, что изучение проблемы взаимоотношения власти и общества на материалах сибирского региона далеко не исчерпано.

Очередной этап актуализации историко-государствоведческих исследований в сибирской историографии имел место в 80-х гг. XX в. в связи с появлением монографии Н.П. Ерошкина⁷¹. Работа этого признанного специалиста, рассматривающего, вслед за упоминавшимся выше П.А. Зайончковским⁷², интересующие нас проблемы в общероссийском масштабе, способствовала значительной активизации интереса исследователей к изучению этих же вопросов применительно к отдельным губерниям и областям Российской империи⁷³. Наиболее значимыми из них

⁷⁰ Чередниченко И.Г. Николай Михайлович Ядринцев – публицист, теоретик и организатор провинциальной печати. Иркутск, 1999.

⁷¹ Ерошкин Н.П. Местное государственное управление дореформенной России (1800–1860 гг.). М., 1985.

⁷² Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

⁷³ Парусов А.И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия // Уч. зап. Горьковского ун-та. Горький, 1964. Вып. 72. Т. 1; Ерошкин Н.П. Местное государственное управление дореформенной России (1800–1860 гг.). М., 1985; Морякова О.В. Местное управление в России во второй четверти XIX в. (по материалам сенаторских ревизий) // Вестн. Московского ун-та. Сер. 8. История. 1994. № 6; Зырянов Н.П.

для нашей темы являются разновременные публикации В.В. Рабцевич, кандидатская диссертация И.Б. Марковой и статьи А.С. Кузнецова, посвященные непосредственно административной составляющей имперской политики в Сибири периода XIX–XX вв.

В работах В.В. Рабцевич анализируются различные аспекты истории сибирского города и совокупность учреждений местного государственного аппарата⁷⁴. Исследование И.Б. Марковой, безусловно любопытное, к сожалению не было опубликовано⁷⁵. В нем автор предпринял попытку проанализировать различные уровни государственного управления Сибирью (I и II Сибирский комитет, высшие органы государственной власти). Однако целый ряд важных аспектов темы, связанных с организацией административного устройства на местах и проведением реформ в жизнь, деятельностью Н.Н. Муравьева, остался вне поля зрения исследователя. Создается впечатление, что название этого исследования шире содержания.

Очень меткий и тонкий анализ деятельности Второго Сибирского комитета предпринял А.С. Кузнецов⁷⁶. Он впервые ввел в научный оборот целый ряд архивных документов, характеризующих деятельность этого весьма важного правительственного органа по управлению Сибирью.

Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914 гг.) // Исторические записки. М., 1982. Т. 107; Оржеховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-х гг. XIX в. Горький, 1974; Иванов В.А. Губернское чиновничество 50–60-х гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний). Историко-источниковедческие очерки. Калуга, 1994.

⁷⁴ Рабцевич В.В. Местное управление Западной Сибири в 80-х гг. XVIII – первой четверти XIX столетия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973; Она же. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984.

⁷⁵ Маркова И.Б. Управление Сибирью в 20–60-е гг. XIX в. Дисс. ... к.и.н. Новосибирск, 1985. 247 с.

⁷⁶ Кузнецов А.С. Второй Сибирский комитет // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1987. С. 3–21; Он же. К истории создания «Статистического обозрения Сибири» // Актуальные проблемы истории Восточной Сибири. Тезисы докладов к региональной конференции 15–17 ноября 1983 г. Иркутск, 1983. С. 30–32.

Со времени присоединения к России, Сибирь стала местом высылки «лихих и опальных» людей. Чрезвычайно широкая система пенитенциарных учреждений явилась одной из компонент, существенно отличавших восточные окраины от других имперских территорий. Управление каторгой и ссылкой, таким образом, было специфической чертой местных администраторов губернского и генерал-губернаторского уровня. М.Н. Гернет первым из советских исследователей начал изучать проблему использования самодержавием карательных мер против зарождавшегося революционного движения⁷⁷. В своем фундаментальном исследовании он, в частности, рассмотрел некоторые вопросы управления и законодательства о сибирской ссылке. Одним из последователей М.Н. Гернета стал А.Д. Марголис, современные исследования которого отличает высокий уровень обобщения и богатая источниковая база⁷⁸. Специфические функции местных администраторов по управлению каторгой и ссылкой как один из сюжетов рассматриваются в публикациях С.В. Кодана. На основе анализа Уставов о ссылке и об этапах, а также должностных инструкций, отложившихся в фондах архивов, автор исследует место и значение сибирской политической ссылки в карательном механизме самодержавия⁷⁹. Система управления

⁷⁷ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 1–3. М., 1946–1961.

⁷⁸ Марголис А.Д. Тюрма и ссылка в императорской России. Исследования и архивные находки. М., 1995.

⁷⁹ Кодан С.В. Управление политической ссылкой в Сибири (1826–1856). Иркутск, 1980; Устав об этапах 1822 года / Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 24–40; Он же. Сибирская ссылка декабристов (историко-юридическое исследование). Иркутск, 1983; Он же. Сибирская политическая ссылка в карательном механизме самодержавия 1825–1861 гг. Автореф. дис... канд. юр. наук. М., 1986; Кодан С.В., Шостакович Б.С. Сибирская политическая ссылка во внутренней политике самодержавия (1825–1861 гг.) // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1991. Вып. 12.

Нерчинской каторгой стала предметом исследования для Л.С. Клер⁸⁰ и З.В. Мошкиной⁸¹.

В постсоветский период в связи с изменением принципов взаимоотношений между центром и регионами резко возрос интерес к проблемам федерализма и регионализма. Первым ответом на это, преимущественно в постановочном плане, явились несколько коллективных и индивидуальных монографий, посвященных истории федерализма и национальной политики в России⁸². Можно предположить, что основная задача авторов заключалась отнюдь не в попытке дать ответ на все возникающие вопросы. Скорее наоборот, они видели свою задачу в том, чтобы привлечь интерес исследователей к данным проблемам. В этом смысле авторы, безусловно, своего добились. Наряду с небольшими публикациями, посвященными деятельности некоторых высокопоставленных сибирских бюрократов⁸³, появились как перево-

⁸⁰ Клер Л.С. Органы управления Нерчинской каторгой (середина XIX–1917 г.) // Ссыльные революционеры в Сибири. (XIX в. – 1917). Вып. 11. Иркутск, 1989. С. 139–157; Она же. Органы управления горнорудной промышленностью Восточного Забайкалья в XVIII – начале XX веков // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 14–23; Клер Л.С., Шостакович Б.С. Второе комендантское управление на Нерчинских заводах (1864–1874) // Ссыльные революционеры в Сибири. (XIX в. – февраль 1917 г.). Сборник научных трудов. Вып. 10. Иркутск, 1987.

⁸¹ Мошкина З.В. Нерчинская политическая каторга. Вторая половина XIX века. Чита, 1998; Она же. Управление Нерчинской политической каторгой (вторая половина XIX в.) // Российское общество и власть в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции памяти профессора Виктора Григорьевича Тюкавкина. М., 2004. С. 130–148.

⁸² Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России. М., 1992. Кн. 1; Шиловский М.В. Проблема регионализма в дореволюционной литературе // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 1995. Вып. 2. Ч. 1. С. 22–29; Никонов А.В. Национальный фактор в социально-экономическом развитии регионов в границах отечественной государственности (90-е гг. XIX – 20-е гг. XX в.): Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М., 1995; Родионов А.И. Децентрализм в истории развития Российской государственности: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М., 1996; Чапелкин М.А., Дьякова Н.М. Исторический очерк формирования государственных границ Российской империи (2-я половина XVII – начало XX вв.). М., 1992; Национальная политика России: история и современность. М., 1997. Гл. II и др.

⁸³ Кузнецова Е.А. Кадровая политика Н.Н. Муравьева-Амурского // Земля иркутская. 1995. № 4. С. 4–10; Она же. Прочальное фото графа Н.Н. Муравьева-Амурского // Земля иркутская. 1997. № 9. С. 20–31; Матханова Н.П. Губернаторский корпус Восточной Сибири в середине XIX в. //

дные, так и отечественные исследования, принципиально по-новому трактующие ряд поставленных предшествующими исследователями вопросов. В теоретическом плане обращает на себя внимание отказ от оперирования понятиями «центр – периферия», четкое отнесение территории Польши и Финляндии для первой половины XIX в. к окраинам России⁸⁴. Здесь следует отметить, что современные исследователи отошли от ленинского определения окраин, на смену которому пришло понятие «фронтир». Концепция определяющего влияния фактора границы, рубежа в истории появилась к концу XIX в. в США. Современные исследователи вкладывают в эту дефиницию различное содержание, трактуя подчас как границу между заселенными и незаселенными территориями, «место встречи дикости и цивилизации». В сегодняшние дни теория «фронтира» широко используется для изучения широкого круга проблем по истории внешней политики (фактор «новых рубежей»), истории города и т. д. Концепция фронтира является предметом пристального исследования ученых из Новосибирска⁸⁵. Теорию фронтира пытаются развивать, выявляя общие и особенные черты в процессе освоения Североамериканского континента и Сибири⁸⁶. Действительно, в ходе освоения этих территорий выявилось немало общих закономерностей, как в сфере экономики, так и менталитета человека.

Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2. С. 3–9; Она же. М.С. Корсаков // Земля иркутская. 1997. № 9. С. 4–9.

⁸⁴ Грицай О.В. и др. Центр и периферия в региональном измерении. М., 1991.

⁸⁵ Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: Общее и особенное. Новосибирск, 2001; Резун Д.Я. Люди на сибирском фронтире в XVII–XIX вв. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Сборник материалов конференции / под ред. чл.-корр. РАН В.А. Ламина. Новосибирск, 2003. С. 15–25.

⁸⁶ Агеев А.Д. Движение России на Восток и США на Запад: сходства и оппозиции (методологический аспект) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: Доклады второй Международной научно-практической конференции 11–14 августа 1997 г. Москва – Иркутск – Гэгу, 1997. Кн. 2. С. 18–23.

В последние два десятилетия в историографии Сибири наметилась активизация исследовательского интереса к особым органам управления восточной окраиной⁸⁷. Комплексное исследование, посвященное деятельности особых органов управления Сибирью интересующего нас периода, предпринял А.В. Комаров⁸⁸. В основе работы А.В. Комарова лежит богатая источниковая база, позволившая автору проанализировать специфическую деятельность Первого и Второго Сибирского комитетов, а также Комитета Сибирской железной дороги.

В последние годы значительно увеличилось число исследований по проблемам местного управления до-революционной России. Существенным образом изучение проблем организации местного управления и взаимодействия губернских органов с центральной властью продвинулось благодаря работам М.М. Шумилова, П.И. Гаркуши, Ф.Т. Тухтаметова⁸⁹.

В монографиях этих авторов рассматриваются исторические и правовые аспекты функционирования института губернатора в Российской империи. Эти работы позволяют более четко позиционировать российского губернатора – «хозяина губернии» – в системе местного управления, определить его правовой статус, про-

⁸⁷ Ремнев А.В. Комитет министров в системе высших государственных учреждений царской России (1861–1906): Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Ленинград, 1986; Он же. Комитет Сибирской железной дороги в воспоминаниях А.Н. Куломзина // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века: Сб. науч. тр. Иркутск, 1988. С. 42–57; Он же. К истории создания «Сибирской программы» царизма 1852 г. Некоторые аспекты источниковедческого анализа // Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода. Омск, 1990. С. 58–69; Дамешек И.Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Иркутск, 2004. С. 226–232.

⁸⁸ Комаров А.В. Особые органы центрального управления Сибирью в XVII – нач. XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук Иркутск, 2004.

⁸⁹ Шумилов М.М. Губернская администрация и органы центрального управления России во второй половине XIX в. (Учебное пособие по спецкурсу). Л., 1988; Он же. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991; Он же. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в.: Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. СПб., 1992; Гаркуша П.И. Правовой статус института губернаторства в России. Р-на-Дону, 2004; Тухтаметов Ф.Т. Институт губернатора России: сравнительно-исторический очерк. Уфа, 2004.

следить процесс генезиса правовых аспектов губернско-го управления на разных этапах развития государства. Монографии позволяют выяснить систему взаимоотношений губернатора с центральными ведомствами, которые во многом зависели от его личных качеств, наличия неформальных связей в российской столичной и местной политической элите.

В отличие от системы губернского правления, институт генерал-губернаторской власти на окраинах страны до недавнего времени оставался крайне слабо изученным. Самые общие сведения, скорее справочного характера, содержатся в учебных пособиях по истории государства и права и истории государственных учреждений дореволюционной России. П.А. Зайончковский также оставил лишь самые краткие сведения о генерал-губернаторах первой половины XIX в. и почти ничего не написал о так называемых окраинных генерал-губернаторах⁹⁰.

В последние годы вышли в свет две крупные монографии, посвященные институту генерал-губернаторов Российской империи⁹¹. В работе Л.М. Лысенко впервые в отечественной историографии проведено комплексное исследование института губернатора и генерал-губернатора в системе государственной власти Российской империи на различных этапах ее 200-летнего существования⁹². Системный подход позволил углубленно рассмотреть вопросы правового положения губернатора, его статус, разграничение компетенций, отношения с генерал-губернаторами и органами местного самоуправ-

⁹⁰ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 144–149. Больше внимания он уделил временным генерал-губернаторствам 1879–1882 гг. См. также: Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997. С. 52–66.

⁹¹ Лысенко Л.М. Генерал-губернаторы и губернаторы Российской империи XVIII–XIX вв. М., 2001; Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. В 2-х тт. Под ред. В.В. Черкесова. Спб., 2001.

⁹² Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России. М., 2003.

ления. Основными чертами губернаторской власти в России автор считает централизм, единоначалие, преобладание отраслевого принципа над территориальным, охранительно-полицейские функции (с конца XIX в.). Исследователь рассматривает модель административно-политического управления окраинами на разных этапах (на стадиях вхождения, пребывания и выхода окраин из состава империи) через призму института генерал-губернатора. В результате Л.М. Лысенко приходит к выводу о том, что конечной целью процесса присоединения окраин с помощью института генерал-губернатора были скорее геополитические соображения, чем экономическая и колониальная эксплуатация. Помимо позиционирования генерал-губернатора и губернатора в системе иерархии власти как важнейшего инструмента становления и развития Российской империи, инкорпорации окраин в состав единого государства, автор воссоздает социально-исторический портрет российского губернатора как части политической элиты. На основе метода персонификации истории и статистического анализа в монографии представлены типажы губернаторов в историческом контексте и намечены суммарные количественные и качественные характеристики губернаторского корпуса. При этом автором собран, унифицирован и проанализирован банк данных более чем на 2000 губернаторов и 200 генерал-губернаторов. Во второй половине XIX в. генерал-губернатор все больше превращается из инстанции, пусть и чрезвычайной, местного управления в фигуру политическую, основная цель деятельности которой заключается в поддержании и укреплении целостности империи. Это заметно уже и в том, что генерал-губернаторская власть, как правило, сохраняется на окраинах или в тех регионах, где политические обстоятельства требуют местной централизации управленческих усилий.

Отличительной чертой коллективной монографии «Институт генерал-губернаторства и наместничества в

Российской империи» является солидная источниковая база – преимущественно состоящая из архивных материалов и нормативных актов. Это позволило авторам провести исследование эволюции института генерал-губернаторства во временном периоде XVIII – начала XX вв. Во втором томе работы представлены основные документы, отражающие развитие этого института. Полезными сведениями являются приложения с биографическими справками о генерал-губернаторах Российской империи⁹³.

Высшая сибирская бюрократия середины XIX столетия является предметом исследования Н.П. Матхановой⁹⁴. Оригинальность ее подхода заключается, прежде всего, в оценке имперской политики на окраине через призму личности сибирских генерал-губернаторов. Выработанная автором методология исследования, подход к рассмотрению сибирских сюжетов во взаимосвязи с российскими сюжетами, использованные методы и приемы компаративистики, принципы и критерии стратификации материала вполне могут быть применяемы и к исследованиям аналогичных вопросов в других регионах империи. Кадровый состав корпуса высшей администрации Восточной Сибири автор анализирует на основе формальных (чин и должность) и неформальных (реальный объем властных полномочий) критериев. На основе этого Н.П. Матханова впервые в отечественном сибиреведении сумела доказательно определить круг лиц, относящихся к формальной элите сибирского общества, и дать их характеристики⁹⁵.

⁹³ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. В 2 т. СПб., 2003.

⁹⁴ Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998; Она же. Высшая сибирская администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.

⁹⁵ Дамешек И.Л. Институциональный подход в современном отечественном сибиреведении // Известия Иркутской государственной экономической академии. № 4 (41). 2004. С. 100–101.

Реформа местного управления, проводимая сегодня у нас в стране, обусловила возрастание интереса к истории губернаторской власти⁹⁶. Отражением современного динамичного процесса федерализма стал возросший интерес к локальной (региональной) истории. Региональная (или национальная) история стала одним из важных факторов формирующей идеологии региональной политики. Власти сибирских и дальневосточных городов, областей и краев, национально-территориальных образований разного уровня также проявляют повышенный интерес к местной истории. В результате многие субъекты Российской Федерации стремятся создать собственную историю и выстроить галерею своих предшественников⁹⁷.

В большинстве имеющихся на сегодняшний день работ по сибирской и дальневосточной региональной управленческой тематике основной акцент сделан на изучении структуры государственной власти, а не на собственно административной политике⁹⁸. Исключениями из этого ряда являются монографии Л.М. Дамешка, где, наряду с анализом политики царизма в отношении народов Сибири, освещаются и некоторые общие вопросы сибирской административной политики⁹⁹; работы В.Г. Тюкавкина, И.В. Островского, В.Н. Худякова, а также монографии А.В. Ремнева¹⁰⁰.

⁹⁶ Губернаторство в России: история, современность и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1996. № 3. С. 3–21; Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996; Сергиенко В.А. Губернаторы Сибири (1708 – февраль 1917 гг.) в современной региональной историографии // 55 лет Кемеровской области: Материалы научно-практической конференции. Кемерово, 1998; Степанов. Вся красноярская власть. Портреты губернаторов. Красноярск.

⁹⁷ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000; Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские: XVIII–XX вв. Тюмень, 2000; Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003.

⁹⁸ Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX веков. Некоторые итоги и перспективы изучения. [Электронный ресурс] URL: <http://www.zaimka.ru/remnev3.shtml> (Дата обращения: 24.02.2018).

⁹⁹ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986.

¹⁰⁰ Дамешек Л.М. Указ. соч.

В.Г. Тюкавкин, И.В. Островский и В.Н. Худяков являются признанными специалистами в области аграрной политики самодержавия в Сибири. Этот сюжет не является предметом нашего исследования. Между тем на землеустроительной политике в Сибири в полной мере отразились имперские цели и методы ее реализации. Центральные власти полагали, что землеустроительные мероприятия в Сибири на рубеже XIX–XX вв. обеспечат более высокую степень интеграции азиатских окраин в общероссийские экономические и общественные процессы и административное устройство. С этих позиций монографии вышеназванных авторов представляют для нас несомненную важность. В частности, несмотря на имеющиеся расхождения в оценке правительственных мероприятий в этом вопросе между В.Г. Тюкавкиным с одной стороны и В.Н. Худяковым и И.В. Островским с другой¹⁰¹, авторы тем не менее вполне единодушно охарактеризовали законопроект по насаждению в Сибири помещичьего землевладения как крепостнические.

Существенный вклад в изучение империологии внес А.В. Ремнев. На основе накопленного им материала по истории восточных окраин империи А.В. Ремнев предложил свои подходы к изучению имперской проблематики, которые изложил в цикле монографий и статей.

В основе работ А.В. Ремнева лежит достаточно широкий круг источников: это нормативные акты, делопроизводственные материалы, мемуары и др. Общественно-политическая жизнь Сибири того периода рисуется автором на фоне общероссийских событий, что придает исследованию особый колорит. А.В. Ремневу удалось показать противоречия и сложности в положении генерал-губернаторской власти на востоке России, роль «высшего» надзора за местным административным аппаратом и способы его осуществления. Монографии А.В. Ремнева,

¹⁰¹ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. 33–76; Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. С. 188; Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 102–119.

несомненно, остаются наиболее крупным современным историографическим исследованием проблемы политики самодержавия за Уралом¹⁰².

Завершая анализ основных публикаций по интересующей нас тематике, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день имперский регионализм по-прежнему остается одной из наиболее актуальных исследовательских проблем¹⁰³.

Современные исследователи имперской политики и империи (не только историки, но и политологи, социологи, философы и др.) уже на протяжении фактически 10 лет пытаются осмыслить империю как феномен российской государственности. Сложность заключается в практически полном отсутствии каких-либо специальных исследований на данную тему в российской исторической литературе (прежде всего, дореволюционной) т. к. в российской истории до середины 1990-х гг. эта тема была фактически закрытой.

Одной из первых попытку прояснить причины, по которым классическая русская историография оставила проблематику империи на периферии своего внимания, предприняла в своей статье «Выбор или судьба?» историк О. Юмашева, размышляющая об имперской традиции отечественной государственности¹⁰⁴. В 1994 г. вышло в свет новое учебное пособие для высшей школы, написанное Л.И. Семенниковой: «Россия в мировом сообществе цивилизаций». В этой работе империя выступает не как абстрактный термин, а как уже вполне реальная форма государственного устройства России¹⁰⁵. Достаточно ин-

¹⁰² Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997; Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004.

¹⁰³ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма.; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А., Ремнев А.В. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма (К 180-летию Сибирских реформ М.М. Сперанского). Иркутск, 2003.

¹⁰⁴ Родина. 1995. № 9. С. 26–30.

¹⁰⁵ Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994.

тересные наблюдения относительно российского имперства – в культурно-историческом, философском, геополитическом и др. контекстах – содержатся в сборнике «Иное. Хрестоматия нового российского самосознания»¹⁰⁶. Огромный массив исследований на тему империи, причем в самых разнообразных ее воплощениях, накопила западная гуманитарная наука¹⁰⁷. Российскую империю западные ученые также не обошли вниманием.

В числе фундаментальных исследований следует отметить монографию английского ученого П. Кеннеди о мировых империях XVI–XX вв., в которой предпринят детальный компаративный анализ великих держав, поочередно выдвигавшихся на первый план истории¹⁰⁸. В качестве объекта исследования в работе военный и экономический аспекты жизнедеятельности крупнейших государств. Триумф одного либо коллапс другого, по его мнению, являлись следствием более или менее эффективного использования экономических ресурсов в период войн. Мощный прорыв России, как, впрочем, и Британской империи после 1815 г., Кеннеди объясняет тем, что обе державы были географически изолированы от других и осуществляли экспансию за пределы Европы. Могущество России автор соотносит с непрерывной экспансией, которая не подавала «ни малейших знаков к намерению остановиться». Индикатором неблагополучия стала Крымская война. Последующее ослабление Российской империи Кеннеди усматривает в целом ряде причин, в частности, в технологическом и экономическом отставании, но прежде всего – в абсолютизме, моно-

¹⁰⁶ Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Редактор-составитель С.Б. Чернышев. М.: Аргус, 1995.

¹⁰⁷ Fieldhouse D.K. The colonial empires: a comparative survey from the eighteenth century. London, 1966; Colonialism, 1870–1945: an introduction. London, 1981; The theory of capitalist imperialism (Problems and perspectives in history). London, 1974; Unilever overseas: the anatomy of a multinational, 1895–1965. London, 1978; Hobsbawm E.J. The age of empire, 1875–1914. London, 1987; Darwin J. Britain and decolonization. The retreat from empire in the Post-war world. Basingstoke, 1988; Porter A.N. British imperial policy and decolonization, 1938–1964. 2 vol. Basingstoke, 1987–1989; etc.

¹⁰⁸ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. London, 1988. P. 16, 232, 490, 514.

полии ортодоксальной церкви на образование, всеилии бюрократии и наличии крепостного права. Однако, по его мнению, в характере и традициях Российского государства не было ничего, позволяющего предположить, что оно когда-либо смогло бы «благодарно согласиться с закатом империи».

Каждая из великих империй – это целая вселенная со своей системой мироздания и миропорядка, с трудом поддающейся типологизации и разного рода обобщениям. Не случайно сравнительному анализу империи была посвящена одна из конференций, организованная московским отделением Института «Открытое общество» (фонд Сороса) совместно с историческим факультетом Центрально-Европейского университета и Институтом Всеобщей истории РАН. Это была серьезная попытка обсуждения проблем исторической компаративистики в изучении истории империй. В фокусе докладов и дискуссий конференции находились история Британской, Испанской, Германской, Габсбургской, Российской и Османской империй. На конференции выступали ведущие специалисты по истории этих империй. В частности, А. Каппелер, который в своем докладе отметил, что Российская империя складывалась как «составное государство» и в этом смысле она может быть сравнена с другими континентальными империями, которые также отличались существенным разнообразием внутреннего устройства и наличием механизма непрямого управления.

Одним из обсуждаемых на конференции вопросов была экономика империи (прежде всего, Российской). Одним из ведущих специалистов в этой области является академик Б.В. Ананьич¹⁰⁹. Участники конференции обратились к обсуждению экономики империи на при-

¹⁰⁹ Власть и реформы. От самодержав. к совет. России [В.М. Панях, Е.В. Анисимов, А.Н. Цамутали и др.; Редкол.: Б.В. Ананьич (отв. ред.) и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, С.-Петерб. фил. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996; Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш., Дубенцов Б.Б. и др. Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / отв. ред. В.С. Дякин Л., 1984.

мере Османской и Российской империй, представленных в докладах К. Чичека, Б.В. Ананьича и его ученицы Е. Правиловой¹¹⁰. Подводя итоги дискуссии по этим двум докладам, А.Б. Каменский указал на сходное положение Османской и Российской империй в их относительно малой доходности имперской экономики и подчиненности обслуживанию государственных приоритетов (управленческой машины, завоевательных и оборонительных войн). Вместе с тем Каменский отметил существенные различия в эволюции экономического устройства Российской и Османской империй: Российская империя пошла путем централизации экономического управления (в том числе государственного поддержания экономики) и использования европейских идей для обеспечения экономического роста, в то время как экономика Османской империи оказалась в большей степени децентрализована и подвержена экономической эксплуатации со стороны западных держав. Вновь вопрос об экономическом развитии империй европейской периферии был поставлен в зависимость от политического развития этих империй, в частности, от их способности модернизироваться и отстаивать собственную независимость от влияния экономически более развитых западных держав.

Собственный доклад А.Б. Каменский посвятил иному аспекту имперской проблематики – управленческому¹¹¹.

Доклады В. Кантора и А. Давидсона показали, что изучение империи как исторического феномена все еще сопровождается проекциями на этот феномен идеологических дискуссий, в рамках которых не существует возможности выделить историческую семантику импер-

¹¹⁰ Чичек К. Османская экономика в период Провициализации: 1700–1914; Ананьич Б., Правилова Е. Имперский фактор в экономическом развитии России 1700–1914 // Материалы международной конференции История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании. Москва, 7–9 июня 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: www.empires.ru. (Дата обращения: 24.02.2018).

¹¹¹ Каменский А.Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Материалы Международной конференции «История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании». Москва, 7–9 июня 2003 г.

ского опыта и понять археологию империи за пределами доминантного национального дискурса¹¹².

Для современного политолога В.Л. Цымбурского «Империя – система государственного устройства, складывающаяся в результате интеграции территориальных или этнических образований, многие из которых в потенциале могли бы стать самостоятельными государствами». Для этого автора Россия представляется «великой колониальной державой», которая несла основы европейской христианской цивилизации народам Урала и Сибири, Средней Азии и Закавказья, ничем не отличаясь от тех же Англии или Франции¹¹³. В данном толковании основное значение придается фактору экспансии, являющемуся важнейшим формальным признаком государства имперского типа. Подобное восприятие империи исключительно как государства, состоящего из метрополии и колоний, весьма распространено.

Между тем можно достаточно легко выстроить целую систему доказательств того, что Россия не была колониальной державой. Прежде всего, в географическом отношении рассматривать вновь приобретаемые территории как естественное продолжение России – с последующим распространением на них всех действующих в империи законоположений. Что же касается экономического фактора, то слишком очевидными являлись колоссальные расходы, связанные с элементарным хозяйственным освоением новых окраин, порою лишенных даже простейшей инфраструктуры. Однако Петербург снова и снова шел на столь значительные финансовые затраты, всякий раз демонстрируя приоритет государственности.

¹¹² Кантор В. От русской империи к националистической деспотии. Становление Российской империи, ее пафос; Давидсон А. Историк в постимперском пространстве // Материалы международной конференции История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании. Москва, 7–9 июня 2003 г.

¹¹³ Цимбаев Н.И. Опасная мечта Евразийство: за и против, вчера и сегодня. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 17.

Безусловно, не все иностранные колонии приносили метрополиям прибыль, однако они не приносили и убытков. Россия же постоянно несла огромные расходы, связанные в сущности с бременем имперства. Вряд ли в какой-нибудь другой метрополии уровень жизни коренного этноса был бы сопоставим с условиями существования жителей колонии.

Вопрос о колониальном или неколониальном характере Российского государства требует особо тщательного, документально-статистического анализа, прежде всего потому, что с некоторых пор за ним кроется серьезная политическая подоплека. Ученым еще только предстоит разобраться в архитектонике Российской империи. С появлением в последние годы новейших современных исследований фактически отошел в небытие лозунг «Россия – тюрьма народов».

Каждая империя имеет ряд системных признаков. Прежде всего, это сакральный характер власти, постоянное территориальное расширение (экспансия), наличие центра и периферии, окраин, провинций, либо метрополии и колоний, полиэтничность и существование титульной нации, которая зачастую в численном отношении уступает всем остальным. Одним из важных атрибутов империи является общая идеология.

В России границы центра и периферии всегда были неопределенны и нечетки. Вполне дискуссионным представляется вопрос о том, что следовало считать центром: Петербург с окрестностями, европейскую часть страны или ареал расселения русского этноса? Например, в Америке понятие центра практически отсутствовало. Отвоеванное у природы и индейского населения пространство сразу становилось однородным, организованным «по горизонтали». Это обстоятельство представляло собой главное отличие колониальных процессов США и России.

Между тем процесс расширения российской государственности шел перманентно на протяжении столетий. В

мировой практике не существует аналогов, и эта геополитическая характеристика, пожалуй, есть самая уникальная особенность России. Поглощение новых территорий, населенных различными этносами, сопровождалось последовательным политико-административным их освоением. Постепенно складывалась централизованная империя, подчинявшая сопредельные земли строго иерархично, от микроцентров власти – к ее макроцентру. В итоге Россия эволюционировала в централизованное государство со строго вертикальной иерархией подчинения. Пресс государства давил одинаково на всех. Оно традиционно выступало как носитель наиболее универсальной системы, объединяющей в себе многообразие социальных и культурных структур.

Только государство могло выходить за локальные пределы, соединяя в себе Запад и Восток, Север и Юг на огромном пространстве от Варшавы до Калифорнии, а затем Чукотки и Кушки, обеспечивая несомненное единство пространства и населения в политическом, административном, а в определенной степени – и хозяйственном планах. Империя была более универсальной, чем ее официальная религия и культура. Например, в статье В.С. Ерасова «Выбор России в евразийском пространстве» автор отмечает: «Именно степень универсальности Российская империя отличалась от других подобных ей имперских образований того времени, что делало ее и в самом деле продолжением и подобием первого и второго Римов, придавало ей такой огромный масштаб и длительную устойчивость, несмотря на то, что XIX век все больше обнаруживал ее хозяйственную и военную слабость»¹¹⁴.

Девятнадцатое столетие завершило целую эпоху инкорпорации народов в Российское государство, превратившееся (в первую очередь, благодаря колоссальным масштабам) в суперимперию. Расовые и этнические

¹¹⁴ Ерасов В.С. Выбор России в евразийском пространстве // Цивилизации и культуры. Вып. 1. М., 1994. С. 48.

особенности этносов не помешали вовлечению их разнородных социальных организмов в новую общность, сложившуюся в результате добровольных, вынужденных и насильственных присоединений. Многочисленные микросоциумы интегрировались в некую универсальную систему, в данном случае – в имперскую структуру.

Геополитические интересы постоянно вели Россию на Восток. Империя, растянувшаяся к середине XIX века по всему азиатскому континенту, постепенно начинала обретать свою идентичность, отличавшую ее от любой другой европейской империи.

Уникальность России заключалась не только в территориальной необъятности или многообразии природных и климатических зон, но, прежде всего, в этническом многообразии входящих в империю народов.

Каким образом происходила интеграция окраинных этносов в империю, как проходил процесс их адаптации и в какой мере влиял на этот процесс, в частности, профессиональный фактор? Нетрудно предположить, что народам, исповедовавшим православие, удавалось войти в империю значительно проще, нежели носителям иных вероисповеданий, острее ощущавших свою чужеродность в православном государстве. В привилегированном положении находился русский народ, который, являясь титульной нацией, идентифицировал себя с империей в значительно большей степени, чем это происходило с другими народами Европы.

Каждому из населявших империю этносов была присуща своя особая ментальность, во многом определявшая взаимоотношения с государством, влиявшая на место и роль того или иного народа в системе имперских координат. Что придавало устойчивость физической конструкции Империи, обеспечившей значительную, в масштабах мировой истории, продолжительность ее существования? Этот вопрос взаимосвязан с устройством и эволюцией административной системы, исследованию которой советские историки не уделили должного

внимания¹¹⁵. Одним из фактором стабильности империи было разумное интегрирование в бюрократическую систему государства представителей местных национальных элит. Социолог А. Филиппов утверждает, что эффективное имперское руководство могло быть только косвенным, при более или менее добровольном соучастии в исполнении господства со стороны тех, кто ему (имперскому руководству. – И. Д.) подчинен. Подобное было возможно только в том случае, если местные элиты предпочитали подчинение самостоятельности, что, в свою очередь, предполагало их постоянную инкорпорацию в центральную элиту¹¹⁶. Действительно, подобная практика была уникальной. Достаточно трудно представить, чтобы английские лорды и индийские магараджи уравнились в правах и получили одинаковые привилегии, как это происходило с родовой знатью российских провинций, не только регулярно востребуемой властью, но и вносимой в родословные книги русского дворянства. Это обстоятельство является одним из серьезных аргументов в пользу «неколониального» характера Российской империи.

В этой связи возникает вопрос, который волнует многих исследователей: что же привело Российскую империю к упадку? Ряд специалистов видят причину гибели Российского государства в крушении имперской идеи, хотя вкладывают в это понятие разный смысл. С.В. Лурье в своей статье «Российская империя как этнокультурный феномен» пишет, что Российская империя как особый феномен могла существовать лишь до тех пор, пока могло выражаться ее идеальное содержание, хотя бы в противоречивой форме, пока она имела смысл и значение в глазах русского народа. Подавление религиозной составляющей имперского комплекса неизбежно влекло за собой кризис народного имперского сознания, что и потребовало создания иной, более интернациональной

¹¹⁵ Анализ исследований западной русистики по этой проблеме см. ниже.

¹¹⁶ Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 108.

модели общественного жизнеустройства¹¹⁷. Аналогичное суждение принадлежит Т.Н. Очировой, которая полагает, что собранная из многих народов российская вселенная утратила свой скрепляющий стержень – идеологию универсализма (христианскую философию универсализма, давшую возможность Московии утвердиться на просторах Евразии), которую сугубо политическая идея империи не могла плодотворно заменить¹¹⁸.

Встречаются и другие мнения. Например, политолог А. Кара-Мурза выдвинул предположение о том, что крах Российской империи в начале нашего века произошел из-за недостижения ею полноты имперского универсализма, из-за серьезных нарушений принципа надэтнического подданства¹¹⁹.

Значительный интерес представляет взгляд западных историков на имперскую сущность России. Заметим, что имперский аспект российской и советской истории долгое время не получал должного внимания в западной рунсистике. Изучение российской и советской истории развивалось на Западе под влиянием идеологического спора между левыми и консерваторами, поддерживавшими, соответственно, «модернизационную» и «тоталитарную» парадигмы. Другой причиной игнорирования имперской компоненты в истории Российской империи и Советского Союза было господство аналитического дискурса национального государства. Решающий поворот к пониманию российской и советской истории через призму империи произошел во многом под влиянием распада многонационального федеративного советского государства.

Тем не менее исследования отдельных сюжетов истории империи начались задолго до становления «имперской» парадигмы в качестве самостоятельной объяснительной модели. Исследователи, придерживающи-

¹¹⁷ Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен // *Цивилизации...* С. 130–131.

¹¹⁸ Очирова Т.Н. Присоединение Сибири как евразийский социокультурный вектор внешней политики Московского государства // *Цивилизации...* С. 151.

¹¹⁹ Кара-Мурза А. Россия в треугольнике «этнократия – империя – нация» // *Иное...* Т. 2. С. 47.

еся «тоталитарной парадигмы», обнаружили большую склонность к включению проблемы империи в список исследовательских вопросов. Примером может служить монография Р. Пайпса «The Formation of the Soviet Union» (Cambridge (Mass.), 1964). Однако имперская компонента российской и советской истории в его понимании сводилась к констатации факта многонационального состава российского и советского государства, исследованию репрессивной политики имперского (отождествленного с русским) центра по отношению к нерусским национальностям и окраинным регионам и факту внешней экспансии. Взгляд на национальную политику имперского центра был производным от общей оценки российского государства как репрессивного политического режима.

Между тем имперская проблематика в целом, а также имперская система управления (как ее составляющая часть), вопросы взаимоотношения империи и окраинных (периферийных) регионов в последнее десятилетие вновь становятся актуальными в России и на Западе. Сфера исследовательских интересов в 90-е гг. сместилась от центра к периферии, к изучению отдельных регионов и политики имперского правительства по отношению к ним.

По-прежнему наиболее заметной среди новейших исследований представляется монография немецкого историка А. Каппелера, получившая высокую оценку специалистов¹²⁰. В центре внимания исследователя – процесс становления России как многонациональной империи на протяжении четырехсот лет (включая и эпоху СССР). Отказавшись от характерного для большинства историков «русоцентрического» подхода, Каппелер сумел объективно проанализировать характер и формы участия многих народов в возведении здания российской государственности. Он проследил эволюцию национальной политики от ее первых шагов до разработки специальных концепций, ложившихся в основу имперского курса

¹²⁰ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. 1997.

на разных этапах истории страны. Россия, утверждает Капшелер, была не национальным государством русских, а «династически-сословно легитимизированным государством», а в объединявшей его имперской идее преобладали все же наднациональные черты, несмотря на очевидное родство ее структурообразующих компонентов с русским национальным сознанием.

Любая империя сильна своими государственными институтами, в конечном счете, своим бюрократическим аппаратом. Направление так называемой «институциональной» истории было весьма популярно в американской русистике 70-х гг. прошлого века. Что представляла собой российская административная система, как она функционировала и, главным образом, как она сумела обеспечить столь длительное и устойчивое сохранение самодержавного режима – таковы основные вопросы в исследованиях западных историков.

Первое исследование в этом направлении было принято в 1973 г. Джорджем Йени¹²¹. Автор вполне успешно справился с поставленной им самим задачей – «дать портрет царской администрации» во временном промежутке двух веков. Основываясь на историко-социологическом подходе, автор выстраивает концепцию «систематизации» управления. Центральное место здесь он отводит понятию «легально-административной системы». Однако в России процесс формирования подобной системы был фактически невозможен вследствие иных, нежели в Западной Европе, представлений русских о праве и его функциях в обществе.

Заметим, что несмотря на широко распространенное в западной русистике мнение о серьезных недостатках российской административной системы, ряд исследований показал, что этот тезис не всегда представляется

¹²¹ Yaney G.L. The systematization of Russian government: Social evolution in the domestic administration of imperial Russia, 1711–1905. Urbana, 1973. 430 p.

справедливым. В качестве примера следует привести книгу Ричарда Роббинса¹²².

Книга Роббинса подробно исследует институт губернаторов. В рамках этого автор рассматривает и определяет специфику функционирования данного института, взаимоотношения его представителей с чиновниками центральной и местной администрации. Отличительной чертой работы являются «портреты» 53 императорских наместников, приведенные им на фоне широкого исторического контекста. Автор отмечает, что и на рубеже XIX–XX вв. губернаторы сохранили статус «царских наместников». Новаторским подходом является представление о России как о полирегиональном государстве, признание разнообразия его территорий. Однако при этом автор сконцентрировал свое внимание на изучении лишь имперского центра, без учета многонационального характера государства¹²³.

Следует отметить, что достаточно длительное время имперский аспект истории России находился вне поля внимания западных историков. В данном случае они следовали традициям дореволюционной отечественной историографии, в которой подобные вопросы (по понятным причинам) не исследовались. Между тем полного игнорирования этого вопроса не происходило. В частности, известный специалист в русской истории, М. Раев, одну из своих работ посвятил именно модели имперской политики России¹²⁴. Автор предельно четко сумел выделить основные ее составляющие (этапы): завоевание (присоединение), инкорпорация (территории и населения ее народов) и, наконец, ассимиляция. В числе важнейших составляющих имперской экспансии М. Раев

¹²² Robbins, R.G., jr. The tsar's viceroys: Russian provincial governors in the last years of the empire. Ithaca, 1987. XIV. 271 p.

¹²³ Robbins, R.G., jr. The tsar's viceroys: Russian provincial governors in the last years of the empire. Ithaca, 1987. XIV. P. 13, 17–19.

¹²⁴ Raeff M. Patterns of Russian imperial policy toward the nationalities // Soviet nationality problems/ Ed. by Allworth E. N.Y., 1971. P. 22–42. М. Раев является автором одной из популярных работ по проблемам управления восточными окраинами Российской империи – см. ниже.

называет территориальное, политическое, социально-экономическое и культурное измерения. Мы полностью разделяем мнение М. Раева о том, что российская окраинная политика во многом была зависима от того, каким образом и когда происходило присоединение конкретных территорий, а также от того, какие народы эти территории населяли. Модели имперской политики в отношении коренных народов Сибири и в отношении западных (более развитых) окраин существенно различались.

Одним из важных элементов, обеспечивающих эффективную инкорпорацию новых территорий в единое имперское пространство, выступало вовлечение местных элит в систему управления. Культурная и социальная русификация предоставляла дополнительные возможности для карьеры. Между тем, отмечает М. Раев, для российской национальной политики было характерно игнорирование особенностей национального сознания присоединенных народов, учитывались только юридические формы. Поэтому в течение весьма продолжительного времени проводимая имперскими властями политика русификации и ассимиляции являлась фактически не чем иным, как насаждением единого образа жизни по всей империи. Процесс постепенной социальной русификации присоединенных народов происходил параллельно введению общеимперских институтов, что обеспечивало русификацию административную. Между тем, с активизацией во второй половине XIX в. национальных движений на окраинах, российское правительство перешло к тотальной, фактически насильственной русификации¹²⁵.

Политика русификации в Финляндии в период 1855–1914 гг. исследовалась в сборнике под редакцией Эдварда Тадена¹²⁶. Особенность компоновки статей сборника позволяет рассмотреть политику русификации как с по-

¹²⁵ Raeff M. Patterns of Russian imperial policy toward the nationalities // Soviet nationality problems/ Ed. by Allworth E. N.Y., 1971. P. 39–40.

¹²⁶ Russification in the Baltic provinces and Finland, 1855–1914 / Ed. by Thaden E.C. Princeton, 1981. XIII. 497 p.

зиции российского правительства, так и со стороны финнов. Проводимая в этот период русификация проводилась, прежде всего, посредством унификации административной. Унификация местного законодательства, единая общеимперская система местного управления, образования и судопроизводства. Между тем активная русификация на западных территориях империи являлась лишь одним из компонентов окраинной политики, основной целью которой было сохранение политической стабильности и порядка. Э. Таден вполне справедливо отмечает, что управление полирегиональной многонациональной империей представляло в высшей степени сложную задачу. При этом он достаточно высоко оценил проводимую в Финляндии политику – как в высшей степени толерантную, позволяющую финнам развиваться в экономическом, социальном и культурном отношении, сохраняя при этом свою национальную идентичность¹²⁷.

Таким образом, работы западных историков по проблемам имперского управления, вышедшие в свет в период 70–80-х гг. прошлого столетия, были немногочисленны. Тем не менее в них были намечены определенные проблемы, которые начиная с 90-х гг. (распада Советского Союза) получили новое звучание и самое пристальное внимание специалистов.

Коллективная монография «После империи: Многонациональное общество и строительство нации» прослеживает процесс распада ряда континентальных империй – в том числе Российской¹²⁸. Авторы стремятся выяснить, является ли упадок империй неизбежным, каково было соотношение властных полномочий между центром и периферией, титульной нацией и национальными меньшинствами, какие механизмы использовала империя для сохранения стабильности в государстве.

¹²⁷ Russification in the Baltic provinces and Finland, 1855–1914 / Ed. by Thaden E.C. Princeton, 1981. XIII. P. 462–463.

¹²⁸ After empire: Multi-ethnic societies and nation-building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg empires/ Ed. by Barkey K., Hagen M. von. Boulder, 1997. VII. 200 p.

Для выяснения специфических особенностей Российской империи западные исследователи используют сравнительно-исторический метод. В частности, А. Рибер самое пристальное внимание уделяет фактору исторического времени и географического местоположения. Автор причисляет Россию к числу так называемых «территориально-протяженных» империй, имеющих ряд отличий от западно-европейских империй с заморскими колониями.

Отличительными чертами континентальных империй, и прежде всего Российской империи, было наличие однородного в этническом отношении центра и прилегающих к нему многонациональных периферийных территорий. При этом традиционно именно окраинные территории (в российском варианте – населенные народами Кавказа, поляками, финнами и другими) являли собой наиболее нестабильные зоны империи и могли представлять реальную угрозу центру. Именно географическое положение территориальных империй, как пишет А. Рибер, ставило перед ними проблемы интеграции в целях обеспечения безопасности¹²⁹. Рассматривая вопрос о механизме устойчивости империи, Рибер выделяет три ее составляющих: имперская идея, имперская бюрократия, защита и интеграция пограничных зон (периферии). Остановимся на третьем компоненте. Автор создает общую типологию фронтиров евразийских империй, анализирует их общие черты, подчеркивая при этом значение фронтиров в формировании государственных границ и идеологии метрополии. В интерпретации А. Рибера, западные границы Российской империи представляли собой западно-европейский тип фронта, а юго-восточные – динамический, поскольку там происходило продвижение на восток оседлого народа – в территории с кочевыми племенами¹³⁰.

¹²⁹ Rieber A. From reform to empire: Russia's «new» political history // *Kritika*. Bloomington, 2001. Vol. 2. № 2. P. 261–268.

¹³⁰ Rieber A. Approaches to empire // *От мира империи к глобализации*. Саратов, 2002. С. 117–138.

Имперское управление фронтами представляло собой достаточно сложный, многоплановый процесс. Управление пограничными территориями Российской империи имело свои особенности, обусловленные многонациональным составом населения на этих землях. Соответственно, достаточно многоплановой была и стратегия имперского центра по присоединению и дальнейшей инкорпорации окраинных территорий. В XIX–XX вв. усилия правительства были сконцентрированы, преимущественно, на административной и правовой инкорпорации окраин. Именно поливариативность имперских управленческих моделей в отношении окраинных территорий обуславливала столь длительную жизнеспособность Российской империи¹³¹.

Из зарубежной литературы, в которой рассматривается административная политика России на восточных окраинах империи, следует выделить, прежде всего, широко известные работы М. Раева, известного американского ученого¹³². Глава VIII «Michael Speransky...» – об «управлении русскими провинциями» – посвящена в основном Сибири, а в следующей IX главе рассматриваются «проекты реформирования провинциальной администрации». Именно эти разделы монографии потребовали от Раева дополнительного изучения Сибири, что вылилось в отдельную работу «Сибирь и реформы 1822 г.»

Прежде всего отметим, что оба исследования основаны на солидной источниковой базе. Автор хорошо знаком с российской литературой, свободно ориентируется в ней. Очевидно, это обстоятельство позволило ему с горечью заметить, что «поглощенные драматическими сюжетами революционного и идейного движения, историки перестали серьезно изучать государственно-по-

¹³¹ Имперский строй в региональном измерении (XIX – начало XX века). Сб. научн. ст. / Под ред. П.И. Савельева. М., 1997. 237 с.

¹³² Raeff M. Michael Speransky. Statesman of imperial Russia. 1772–1839. Martinus Nijhoff – The Hague, 1969. 394 p.; Raeff M. Siberia and reforms of 1822. Seattle, University of Washington press, 1956. 210 p.

литическую эволюцию» России XVIII–XIX в. Именно данный вывод заставил Раева прежде всего поставить вопрос об эволюции системы управления русскими окраинами и России в целом.

Если в начальный период русской Сибири она интересовала правительство прежде всего как источник меха, то к началу XIX в. в связи с изменениями в экономике Сибири становилось совершенно очевидно, что она «может предложить нечто большее, чем некоторое количество дорогих мехов, и что она может стать «большим, чем принудительной резиденцией для преступников и нежелательных лиц». Изменение взглядов на роль Сибири происходило наравне с изменением общегосударственной философии. Раев решительно подчеркивает свое несогласие с теми, кто считает, что в «1905 г. самодержавие было тем же самым, что и после Петра Великого в 1725 г.». Идеи Сперанского, по мнению Раева, оказали исключительное влияние на политическую эволюцию России. Не случайно именно ему, «одной из наиболее крупных фигур в истории России XIX века», Александр I поручил на примере Сибири выявить все недостатки и трудности управления отдаленными регионами.

Основную причину ревизии Раев видит в упадке платежеспособности Сибири, прежде всего, в сокращении ясачных поступлений пушшиной. «До тех пор, пока местные правители ухитрялись доставлять пушнину в должном количестве, центральная власть оставляла их в покое», — отмечает он.

Однако «отсутствие четких инструкций и правил деятельности» превратило сибирских губернаторов в «подлинных сатрапов». Отдаленность окраины от центра, отсутствие надзора и контроля, «ясно очерченных законов, норм и установленных гарантий» оставляли губернаторам «полную свободу действий <...>». Итоги преобразовательной деятельности Сперанского в Сибири Раев оценивает очень высоко. О значении «Сибирского

учреждения» американский историк говорит следующее: «Реформированная система управления, которая была введена в 1822 г., оставалась без серьезных перемен – базисом политической, социальной и экономической жизни Сибири вплоть до конца режима империи в 1917». С этим утверждением Раева трудно не согласиться.

В монографии, принадлежащей перу Д. Стефана, вышедшей в Калифорнии в 1994 г., в комплексе рассматриваются основные вопросы истории Дальнего Востока от появления там первых русских землепроходцев до наших дней¹³³. Тем не менее в первых двух главах автор высказал некоторые суждения по интересующим нас вопросам.

Д. Стефан прежде всего отметил, что по мере расширения территории русского государства, вхождения в его состав новых окраинных земель, перед московским правительством прежде всего встала задача организации системы управления и административного устройства на новых территориях. Уже с самого начала «Москва пыталась усилить контроль в Сибири <...>» путем деления этой территории на маленькие остроги, сменой воевод и насаждением бюрократического принципа соподчиненности местных администраторов. Не имея перед собой задачи специального изучения истории административного устройства на Востоке России, Д. Стефан тем не менее метко подмечает, что Пестель был на посту генерал-губернатора более 10 лет, и проводя большую часть этого времени в Петербурге, оставил по себе недобрую память. Сперанский же, «в течении короткого периода управления Сибирью», «представил рациональные идеи просвещения в сибирскую администрацию». Цель этих «рациональных» идей Стефан видит прежде всего в четкой регламентации прав и обязанностей представителей местной администрации, в разделении функций и полномочий различных ветвей и ступеней властных органов.

¹³³ Stephan J.J. The Russian Far East. «A History». Stanford University Press. Stanford, California, 1994. 481 p.

В середине XIX в., отмечает далее Стефан, русские продвинулись на Дальний Восток. Любопытно замечание американского исследователя, что это произошло «больше просвещением, чем силой». В присоединении Дальнего Востока успеху преобразовательных планов Муравьева в немалой степени, как отмечает Стефан, способствовало обострение международной обстановки в этом регионе, в частности, опиумная война, которая заставила правительство предпринять ряд энергичных мер по закреплению этой окраинной территории в составе России.

Деятельность Муравьева, как обоснованно отмечает американский исследователь, вызвала неоднозначную оценку современников. Так, декабрист Д. Завалишин обвинял генерал-губернатора в присвоении его «амурской идеи», а А.П. Щапов, будучи в ссылке, доносил Александру II, что Муравьев «мнит себя сибирским царем». Эти нападки, по мнению Стефана, в немалой степени послужили причиной отставки Муравьева, когда «озлобленный генерал-губернатор добровольно ушел со своего поста в 1861 г., затем уехал в Париж, где и умер в 1881 г.»

Одной из характерных черт Российской империи было восприятие своих окраин как неотъемлемой части унитарного государства. Для решения специфических управленческих проблем на этих территориях был создан институт наместников или генерал-губернаторов. Одной из важнейших их функций было обеспечение интеграции территории в общеимперский административный и хозяйственный механизм. С. Беккер выделяет основные причины создания подобных институтов на имперских окраинах: 1. уважение «иных» политических институтов и законов окраины (Финляндия, Польша); 2. поддержание внутренней и внешней безопасности (Польша, Кавказ); 3. необходимость контроля в недостаточно колонизированном крае с малым населением (Сибирь, Амур); 4. необходимость делегирования местным адми-

нистраторам в отдаленных территориях особых полномочий для обеспечения эффективности управления (Сибирь, Амур)¹³⁴.

Институт генерал-губернаторов стал предметом исследования американского историка Джона ЛеДонна¹³⁵. Автор прослеживает изменения, происходившие в системе генерал-губернаторской власти в период конца XVIII – начала XIX вв. По словам ЛеДонна, если при Екатерине II генерал-губернаторы являлись гражданскими представителями Сената, то при Павле I, активно проводившем политику централизации, генерал-губернаторы были сохранены только в приграничных областях. Дальнейшее развитие институт генерал-губернаторов получил во времена императора Александра I. Это в значительной степени способствовало усилению самодержавной власти на периферии империи. В своей первой статье автор через призму семейных и служебных связей правящей элиты проводил анализ карьеры 33 российских генерал-губернаторов, служивших на западных окраинах страны. ЛеДонн отмечает, что несмотря на то, что генерал-губернаторы традиционно назначались императором, существовало негласное правило о том, что эти назначения должны были удовлетворять основным кланам. Таковыми в России были семейства Салтыковых и Нарышкиных-Трубецких. Свою третью статью автор посвятил генерал-губернаторам восточных окраин, особое внимание уделив деятельности М.М. Сперанского и реформе 1822 г. Автор отмечает, что генерал-губернаторы на востоке страны подолгу оставались на своих постах. Анализ семейных связей 14 генерал-губернаторов восточной окраины показал, что трое из них

¹³⁴ Becker S. Russia and the concept of empire // *Ab imperio*. Казань, 2000. № 3/4. С. 329–342.

¹³⁵ LeDonne J. Frontier governor general 1772–1825. I. Western frontier // *Jb. Fur Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden. 1999. Bd 47, H.I. P. 56–88; II. The Southern frontier // *Ibid.* Wiesbaden, 2000. Bd 48, H. 2. P. 161–183; III. The Eastern frontier // *Ibid.* Bd 48, H. 3. P. 321–340.

косвенно были связаны с Салтыковыми, а девять – с Нарышкиными-Трубецкими¹³⁶.

В своем исследовании ЛеДонн приходит к выводу о том, что генерал-губернаторы были не столько администраторами, занимающими определенное место в бюрократической иерархии с соответствующими правами и обязанностями, сколько членами правящей элиты, чья карьера определялась политикой столицы и борьбой кланов за преобладание при дворе. Генерал-губернаторы являлись, прежде всего, посредниками между центром и периферией, а также между разными этническими группами в периферийных регионах. В то же время автор, восстанавливая справедливость, отмечает, что некоторые генерал-губернаторы были значительно больше, чем посредники – они выступали как проконсулы со своими программами. Ермолов, Воронцов, Сперанский – внесли существенный вклад в освоение окраин и их инкорпорацию в империю¹³⁷.

Одной из составляющих вопроса окраинной политики империи выступает проблема выработки ответственного курса по отношению к коренным народам присоединенных территорий. Современная западная историография национальной политики имперской России отмечает ее непоследовательность и противоречивость¹³⁸. В Российской империи не существовало официальной юридической дефиниции национальности, а характерный для нее консерватизм, в сочетании с объективными трудностями, не позволял России проводить активную национальную политику¹³⁹.

В целом все политические меры российского правительства были подчинены главной идее – поддержанию

¹³⁶ LeDonne J. Frontier governor general 1772–1825. I. Western frontier // Jb. Fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden. 2000. Bd 48. H. 3. P. 334.

¹³⁷ LeDonne J. Frontier governor general 1772–1825. I. Western frontier // Jb. fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden. 2000. Bd 48, H. 3. P. 338–340.

¹³⁸ См., например, работу Томаса Барретта. Линии неопределенности...

¹³⁹ Barrett T.M. At the edge of empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus frontier, 1700–1860. Boulder, 1999. XV, 243 p.; Beyond the limits: The concept of space in Russian history and culture / Ed. Smith J. Helsinki, 1999. 276 p.

безопасности, а соответственно, и устойчивости империи. Об этом в своих исследованиях пишет Теодор Уикс¹⁴⁰. Автор отмечает, что национальная политика в конечном итоге являлась проявлением насущных сиюминутных нужд по обеспечению этой самой безопасности. Между тем именно развитие национализма, по мнению Уикса, явилось одним из дестабилизирующих факторов, приведших в итоге к коллапсу империи. Стабильность империи могла быть обеспечена в условиях целостной системы администрации. Между тем национализм, развивающийся в России на рубеже XIX–XX вв., усиление национальных чувств коренных народов окраин привели в конечном итоге к оппозиции и отторжению ряда административных установлений Петербурга, прежде всего, таких, как введение единого для империи государственного русского языка. Проблема осознания современниками этнического многообразия империи и меры по ассимиляции нерусских народов рассматриваются в монографии Р. Джераси¹⁴¹. Исследуя многообразие типов культурной интеграции, автор использует широкий спектр терминов – «христианизация», «обрусение», «слияние» и пр.¹⁴²

Вопросы управления дореволюционной России традиционно находились в поле зрения западных русистов. Однако западные историки фокусировали свое внимание на административной компоненте, изучении институтов власти и бюрократии, их взаимоотношениях. Изменения, происшедшие в мире в конце 90-х гг. прошлого столетия, повлекли за собой повышение интереса специалистов именно к имперской сущности России. Исследователи обратили свои взгляды на многонациональный и полирегиональный характер российского государства. В

¹⁴⁰ Weeks T. Nation and state in late imperial Russia: Nationalism and russification on the Western frontier, 1863–1914. DeKalb, 1996. XIII, 297 p; Weeks T. Russification and the Lithuanians, 1863–1905 // Slavic rev. Chicago, 2001. Vol. 60. № 1. P. 96–114.

¹⁴¹ Geraci R. Window on the East: National and imperial identities in late tsarist Russia. Ithaca, 2001. XVI. 378 p.

¹⁴² Там же. P. 9.

работах последних 15 лет акценты смещаются от центра к периферии, а проблемы управления империей рассматриваются через призму народов, населявших окраины и подвергшихся активной интеграции в единое имперское административное пространство. Работы последних лет свободны от идеологических штампов, что способствует активному международному сотрудничеству историков в рамках совместных проектов. Положительно оценивая разнообразие моделей имперского центра по управлению окраинными регионами, многие современные исследователи именно в регионализме видят причину устойчивости империи в прошлом и залог процветания России в будущем.

Таким образом, представителями отечественной и зарубежной историографии достигнуты определенные успехи в изучении имперской окраинной политики в отдельных регионах страны. Однако исследовательский интерес традиционно концентрируется либо на анализе нормативной базы, на основе которой осуществлялась управленческая политика на периферии, либо на изучении национальной политики в полирегиональном и многонациональном государстве. Обобщающие монографии, посвященные имперской политике на окраинах страны, в конечном итоге представляют систематизацию уже известного материала, который нуждается в существенном дополнении новыми источниками. Одной из слабых сторон подобных изданий является их очерковый характер. В дополнительной разработке нуждается вопрос об определении места окраинной политики в имперских мероприятиях самодержавия и ее вариантах. Фактическое отсутствие компаративных исследований крайне затрудняет выяснение общих принципов и факторов, оказывавших на окраинную политику определяющее влияние. Одним из важных вопросов, который фактически не за-

трагивался исследователями, является определение соотношения имперских принципов и регионализма в имперской политике по отношению к своим окраинам.

3. Национальные окраины в системе внутренней политики Российского самодержавия XVI–XX вв.

Одной из важнейших особенностей исторического развития России был фактор ее «огромности». На протяжении XVIII и XIX вв. площадь государства и численность его народонаселения неуклонно увеличивались. Все европейские страны по росту народонаселения существенно отставали от России, и к 1914 г. каждый третий житель Европы был подданным российского монарха (32 %). Еще одной важной исторической особенностью России стал фактор ее многонациональности. Территориальная экспансия России на протяжении XVI–XIX вв., включение в ее состав народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии превратили ее в многонациональную империю. В начале XX в. на территории России проживало около 200 больших и малых народов, отличных по языку, культуре, религии, менталитету и т. д. Данное обстоятельство накладывало существенный отпечаток на этническую структуру государства. Если в середине XVII в. на долю русского населения приходилось 95 % населения России, то в начале XX в. только 44,6 %¹⁴³. Процесс «оцентровывания границ» завершился во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому разви-

¹⁴³ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. СПб. 2003. С. 20, 25.

тию, далеко не однородных по этническому и конфессиональному составу населения. Еще раз подчеркнем, что к 1917 г. большую часть населения империи составляли нерусские народы, проживающие преимущественно на окраинах государства. На протяжении всей истории существования империи национальный вопрос оставался весьма сложной проблемой для правительства. Россию не раз сотрясали мощные национальные конфликты. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать национальный фактор в своей политике.

Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Однако одним из наиболее важных принципов выстраивания дискурса центр – национальная окраина (периферия) был вопрос о характере вхождения той или иной территории в Россию, о существовании или, наоборот, отсутствии в ней государственности, общепризнанных в Европе норм права и т. д. Именно это обстоятельство предопределило появление своеобразных политических автономий на территории Российской империи, какими, к примеру, были Польша и Финляндия.

Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. Она была вынуждена учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до названия административно-территориальных единиц и должностных лиц, традиционного «национального» законодательства. На окраинах допускалось даже «инородческое» самоуправление на низшем уровне. Разумеется, эта система неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями административно-территориального устройства империи в целом. Однако общей для всех национальных окраин оставалась концентрация основных властных полномочий в руках центра и лишь

определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Соотношения полномочий центра и периферии были просто несопоставимы.

На национальных окраинах влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпорации территорий. Во всех регионах – Польша, Финляндия, Кавказ, Сибирь – наблюдается стремление царизма опереться на национальную элиту¹⁴⁴. После взятия Казани привилегии и земли лояльной татарской аристократии были сохранены, на национальных окраинах Урала, Сибири, Дальнего Востока шел процесс формирования местных элит, состоящих из представителей родовой знати и старшин местных народов, представители родоплеменной знати в «массовом порядке» принимались на русскую службу, им присваивались русские классные чины, вручались именные подarki и т. д. Более того, в регионах, коренное население которых до прихода русских не знало письменных законов, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов. Предпринимались даже попытки их кодификации.

В истории России при выстраивании взаимоотношений центральных властей с национальными окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и их населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний империи. Так, например, «своя» финансовая система существовала в Финляндии. Без одобрения сейма вводить новые налоги в Финляндии было нельзя. Княжество имело свою таможенную границу, а таможенное законодательство предоставляло право беспошлинной торговли с Россией, в то время как российские товары облагались пошлиной. Денежные средства княжество имело право хранить

¹⁴⁴ Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Окраины Российской империи: институты и бюрократия. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 6–60.

в зарубежных банках. Для другой западной окраины – Польши – конституция 1815 г. гарантировала несомненную самостоятельность в области финансов. Именно в этой важнейшей экономической сфере деятельности государства правительство Царства обладало наибольшей независимостью. В 1815–1830 гг. Царство Польское было наделено важнейшими атрибутами финансовой самостоятельности: бюджетной автономией, казной и самостоятельной ответственностью по государственному долгу. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например, земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание.

Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с Востока на Запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель, или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России, по мере ее продвижения с Запада на Восток, правительственные указы, наоборот, требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народам возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров,

потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а впоследствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Продвижение русских на Восток не было исключительно русским явлением. Хронологически оно совпало со временем основания ангlosаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно различались между собой. Продвижение русских на Восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», пусть и подчас противоречивым, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. В США же, наоборот, складывающаяся рыночная экономика молодого государства поглощала индейские племена.

Анализируя влияние этнического фактора на формирование окраинной политики, следует заметить, что, как правило, действие его проявлялось не изолированно, а в сочетании с иными обстоятельствами. Наиболее значимыми из них были естественно-географические особенности региона. Географический фактор оказывал непосредственное влияние на административно-территориальное устройство регионов, функции органов власти и управления, полномочия должностных лиц. В империи существовали специальные органы по управлению этими территориями. Такими органами, к примеру, были

Кавказский, Польский и Сибирские комитеты в центре и институты наместников, генерал-губернаторов и главных управлений на местах. В этой структуре окраинного управления особое значение имел институт генерал-губернаторов как «главных блюстителей неприкосновенности верховных прав самодержавия, ...и точного исполнения законов и распоряжений правительства». Наряду с генерал-губернаторами в ряде территорий, как, например, на Кавказе, существовал институт наместников, обладающих широкими военными и административными правами по управлению регионом. Несмотря на стремление к централизации, петербургские власти реально сознавали невозможность концентрации всех властных функций по управлению окраинными территориями в столице и были вынуждены делиться частью из них с высшими должностными лицами регионов.

Небезынтересно отметить, что зачастую функциональный характер и компетенция главных органов местного управления были тем шире, чем дальше находилась от центра подведомственная территория. Известное значение в данном случае играл и внешнеполитический фактор. Эта особенность хорошо прослеживается на примере сопоставления должностных функций и обязанностей генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири начиная со времени Н.Н. Муравьева (впоследствии Амурского) обладал известными дипломатическими полномочиями, специальной дипломатической канцелярией, чего не было у его западносибирского коллеги. Характерно, что местная власть зачастую была далеко не безгрешна в использовании и истолковании этих полномочий.

Исследование корпоративной этики чиновничества свидетельствует о том, что масштабы злоупотреблений по службе в немалой степени зависели от удаленности от центра и, как следствие, отсутствия действенного контроля.

Структура местных органов управления и их функциональный характер в известной степени определялись и ресурсными факторами, экономическими потребностями по инкорпорации окраинных территорий в общероссийские экономические процессы. В Сибири, например, были открыты Алтайский и Нерчинский горные округа, в связи с началом активной добычи золота в структурах Главных управлений Западной и Восточной Сибири были учреждены специальные горные отделения, с началом массового переселения на местах начали действовать специальные переселенческие отделы.

Влияние ресурсного фактора находило выражение и в законодательной политике. На протяжении XVIII и XIX вв. был принят ряд законов по охране сибирских лесов, временному прекращению добычи соболей для восстановления популяции этого ценного промыслового зверя и т. д.¹⁴⁵

На характер взаимоотношений центра и окраинных регионов несомненное влияние оказало и интенсивное железнодорожное строительство, в частности, развитие средств связи, системы коммуникаций в целом, что открывало перспективу активной экономической эксплуатации окраин империи. В конце XIX в., в связи с усилившейся интеграцией окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство, значение этнического и географического фактора во внутренней политике трансформируется. Стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи и изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии и, как следствие, разработке единого законодательства, исключаяющего какие-либо местные особенности. Не случайно,

¹⁴⁵ Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск, 2009. С. 16–52.

что именно в это время появляется такое понятие, как Азиатская Россия. Несмотря на определенный географизм, оно отражало те важные изменения, которые происходили во взаимоотношениях между модернизирующейся империей и обширным зауральским краем во всех сферах – экономической, административной, социокультурной. Итогом этого стало превращение Сибири в часть России. Единство государственных учреждений с единым государственным языком и единой религией, развитие коммуникаций, распространение русской земледельческой колонизации, строительство Транссиба способствовали не только укреплению связей окраин и центра, но и дальнейшей интеграции восточных окраин в состав империи, «превращению» Сибири в Россию. Образование единого административно-правового, экономического и культурно-языкового пространства способствовало тому, что Россия как бы передвинулась за Урал.

4. Окраинная политика как фактор устойчивости Российской империи XVIII – начала XX вв.

Российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства. В первой половине XIX в. в числе исторически сложившихся существенных особенностей России следует отметить ее гигантскую территорию, объединяющую два континента – Европу и Азию. За триста лет существования романовской империи ее территории увеличилась с 14,1 в 1649 г. до 21,8 млн кв. км в 1914 г., т. е. в 1,55 раза. За это же время численность населения возросла с 6,7 до 178,4 млн человек. Все европейские страны существенно отставали от России. К середине XVIII в. доля населения России в Европе составляла примерно 18 %, к началу XIX в. она возросла до 22, к середине XIX в. до 27, к началу XX в. до 32 %.

Россия стала самым населенным государством Европы. Каждый третий житель Европы был подданным российского монарха. Народы России принадлежали к различным языковым группам, находились на разных ступенях развития, отличались вероисповеданием и психологией. В начале XX в. в состав романовской империи входило около 200 больших и малых народов. На первом месте по численности находились русские – в 1915 г. примерно 44,6 %, далее следовали украинцы – 18,1, затем поляки – 4,2 процента, евреи и белорусы – 4 процента. Как видим, в отличие от середины XVII в., когда русские составляли 95 % населения государства, в романовской империи к началу XX в. титульная нация оказалась в меньшинстве. Национальный вопрос был отнюдь не простым для российского правительства. Россию периодически сотрясали мощные национальные конфликты. С учетом того обстоятельства, что нерусское население в большинстве своем проживало на инкорпорированных в XVIII и XIX вв. окраинных и сопредельных с иностранными государствами территориях империи, окраинная политика становилась важным фактором политической стабильности российского государства.

Огромная территория России сложилась в результате противоречивого процесса. Земли, вошедшие в состав этого государства, характеризовались не только многообразием климата и ландшафта, но и разным уровнем хозяйственного освоения. Территории Российской империи существенно отличались между собой по уровню экономического развития. Региональные особенности управления отдельными, подчас весьма разнообразными территориями огромного государства вырабатывались правительством по мере их вхождения в состав России и упрочения власти и авторитета центрального правительства. Известный отпечаток на этот процесс накладывали и субъективные взгляды государственных деятелей каждой эпохи. Понятие «окраина» давно присутствует в российской административной практике, однако вну-

треннее содержание его менялось. Процесс содержательного насыщения понятий «центр», «периферия», «окраина» неразрывно связан с периодом формирования единого Российского государства второй половины XV – начала XVI в., когда под окраиной стали пониматься земли не только удаленные от «центра», но и находящиеся в подчиненном к нему положении. Эта идеология нашла законодательное закрепление в судебниках 1497 и 1550 гг. Первое же официальное употребление термина «окраина» относится к эпохе Ивана Грозного, который в 1582 г. своим указом предписывал ссылать преступников в «украинные города Севск, Курск и другие»¹⁴⁶.

При выработке доктрины окраинной политики правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобство управления и безопасность границ. Однако реализация только одного из названных принципов – доходности края – применительно к столь различным по уровню экономического развития и другим параметрам территориям, как Польша и Сибирь, Кавказ и Финляндия, со всей очевидностью свидетельствовала о невозможности проведения единых мероприятий.

Включение в состав Российской империи территорий с иноязычным населением каждый раз ставило перед правительством проблему включения его в общую правовую и административную систему¹⁴⁷. Постоянная борьба в правительственных сферах между сторонниками жесткой регламентации управления окраинами, с одной стороны, и приверженцами идеи особого статуса окраинных территорий, с другой, порождала непоследовательность и противоречивость этой политики на протяжении всего периода существования романовской империи. Особенно это стало заметно в XIX в., когда во внутренней политике правительства можно отчетливо наблюдать тенденцию к административно-финансо-

¹⁴⁶ Российские окраины. Прил. 1. С. 4–13.

¹⁴⁷ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 131.

вой унификации и в то же время необходимости учета территориальных и национальных особенностей окраин империи. Первым и основным принципом окраинной политики на вновь присоединенных территориях стало сохранение существующего порядка землепользования, верований и культуры в целом. В качестве примера укажем на восток страны, где эти противоречия проявились в правительственном подходе по отношению к вопросам землевладения государства и коренного населения. Со времени вхождения Сибири в состав России она стала предметом эксплуатации, организованной самой центральной властью. Правительственная позиция в отношении коренного населения определялась на первых порах фискальными интересами. Объявив себя сувереном и собственником земли, московские власти вместе с тем стремились сохранить значительную часть сибирских территорий в пользовании местного населения, обеспечивая этой мерой выполнение ими основной обязанности – уплаты ясака пушниной. Поэтому центральная власть по мере возможности пыталась не нарушать традиционных форм землепользования аборигенов и не допускать столкновений коренного населения и колонистов из-за земли. Эта особенность прослеживается в решениях Первого и Второго Сибирских комитетов, иных властных органов конца XIX в. Аналогичные тенденции в правительственной политике можно отметить и на примере Калмыкии, Казахстана, где с самого начала установления официальных отношений с Россией важным принципом окраинной политики стало широкое сотрудничество, где с самого начала установления официальных отношений с Россией в правительственном курсе прослеживаются «федеративные принципы»¹⁴⁸. Следующим важным принципом окраинной политики стало широкое сотрудничество имперской администрации с местными элитами. Эта тенденция отчетливо прослеживается не только

¹⁴⁸ Максимов К.Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М.: Республика, 1995. С. 15–19.

на примере анализа соответствующих разделов «Устава об управлении инородцев» М.М. Сперанского 1822 г., но и на материалах польской конституции 1815 г., в политике на Кавказе, выразившейся в приравнивании грузинского дворянства к русскому, на левобережной Украине.

Но если главной целью российской политики на Кавказе была его инкорпорация в империю, то при разработке модели окраинного управления в Финляндском княжестве столичные чиновники руководствовались иными соображениями. Присоединением Финляндии Россия стремилась достичь двух целей: во-первых, прочно гарантировать мир на северо-западе империи, выйдя к морскому побережью и обезопасив себя Ботническим заливом, как рвом, от любых попыток нападения со стороны Швеции; во-вторых, гарантировать безопасность своей северной столицы, отодвинув от нее как можно дальше государственную границу. Обе указанные задачи носили исключительно оборонительный характер и полностью решались присоединением Финляндии. Заметим, что в исследуемый период времени царское правительство не делало секрета из того, что Финляндия была необходима империи из военно-стратегических соображений. Присоединение Финляндии, по мнению современников этого события, являлось одним из «драгоценнейших приобретений» императора Александра I.

Таким образом, Финляндия официально рассматривалась как территория, основное назначение которой – прикрывать Россию и особенно ее столицу с запада, служить гигантской оборонительной полосой. В то же время бывшая шведская провинция получила автономный статус Великого княжества Финляндского. Она приобрела привилегированное положение, причем не только по сравнению с другими национальными окраинами России, но и в первую очередь по сравнению с коренными областями империи. Такое положение новой окраины объяснялось довольно просто: чтобы привлечь бывших шведских подданных на свою сторону, царское прави-

тельство пошло на ряд уступок. Русские власти сохранили в княжестве сословное собрание (сейм) и оставили в силе шведскую законодательную систему. Находясь в составе Российской империи, Финляндия была абсолютно автономна – как в политическом, так и в экономическом плане: ее бюджет не сливался с общероссийским, общим с империей у нее оставался лишь глава государства – монарх.

Поливариантность российской окраинной политики можно наблюдать и на примере Польши. На Венском конгрессе 3 мая 1815 г. фактически произошел новый, четвертый раздел Польши. В результате Россия, удерживая за собой польские земли, полученные ею по предыдущим разделам, получила большую часть княжества с городом Варшавой под названием Царства Польского. Захватив большую часть Польши, Александр I и его преемники сделали фактически вершителями судеб польского народа вплоть до начала XX в.¹⁴⁹ В декабре того же 1815 г. Царство Польское получило конституцию, в соответствии с которой польскому народу гарантировались представительство на двухпалатном сейме и национальные государственные учреждения, согласно «с образом существования, который правителем будет признан полезнейшим и приличнейшим для них»¹⁵⁰. В конституции поляки видели базу дальнейшего развития польской государственности. Фактически в период 1815–1830 гг. Польша являлась автономной провинцией Российской империи. Кроме общего монарха, русского закона о престолонаследии, Царство Польское имело с Россией лишь общие органы для внешних сношений: министерство иностранных дел и консулов. При этом трактаты, заключенные Россией, только тогда были обязательны для Царства Польского, когда в них о том особо оговаривалось¹⁵¹.

¹⁴⁹ Друнин В.П. Польша, Россия и СССР. Л., 1928. С. 102.

¹⁵⁰ ПСЗ-П. Т. 23. № 25824.

¹⁵¹ Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 26.

Польское восстание 1830–1831 гг. положило конец конституции 1815 г. – ее упразднили. Взамен 26 февраля 1832 г. явился на свет «Органический статут», согласно которому Царство объявлялось частью России, упразднены сейм и польское войско. Старое административное деление на воеводства было заменено делением на губернии. По сути это означало принятие курса на превращение Царства Польского в русскую провинцию – на территорию Королевства распространялись действовавшие во всей России монетная система, система мер и весов.

С определенными проблемами сталкивалось самодержавие и при выработке региональной политики в Сибири. Блеск первых пудов сибирского золота привел к возрождению в правительственных кругах интереса к этой восточной окраине, заставил предпринять усилия по улучшению ситуации в области управления, налоговых поступлений и др. Однако проекты хозяйственного развития края 20–40-х гг. XIX в. были, как и в случае с Кавказом, весьма противоречивы. Применительно к Сибири единство взглядов проявлялось лишь в понимании значения переселения служилого и земледельческого населения в Зауральский край как основного средства обеспечения военно-стратегического присутствия России на Востоке.

Таким образом, в первой половине XIX в. правительство не смогло выработать универсальную модель управления окраинами. Политика унификации этой системы наталкивалась на неприятие и явную оппозицию противников такого подхода. На практике самодержавие было вынуждено учитывать различное геополитическое и экономическое значение окраинных территорий для судеб государства. Исходя из этого понимались и определялись конкретные подходы к организации управления и административного устройства окраин империи. Эта политика, получившая в последнее время название

«политики имперского регионализма», способствовала устойчивости империи.

Во второй половине XIX в. правительственная политика в отношении окраин империи формировалась и развивалась как составная часть внутренней политики самодержавия в целом. По сути она была производной от внутривластных и внешнеполитических задач, решаемых центром. Несмотря на неоднократные попытки, правительству не удалось сконструировать единую модель окраинной политики. В основе таких явлений лежали различия взглядов правительственных чиновников на судьбы окраинных земель в составе России и геополитические особенности самих территорий. Поэтому на примере западных и юго-западных окраин – Финляндии, Польши, Кавказа – можно наблюдать поливариантность российской политики по отношению к окраинным территориям, ее достаточную гибкость: от абсолютной унификации с Россией до предоставления полной автономии. При этом российские автономии не были едины в своей внутренней структуре. Финляндия представляла собой форму политической автономии в составе Российского государства, польская автономия являла пример трансформации конституционно-монархического устройства в обычную административную автономию¹⁵².

Эпоха контрреформ начала 80-х гг. охарактеризовалась изменением имперских подходов к управлению всеми российскими окраинами. По характеристике известного американского русиста Марка Раева, «правительство Александра III вступило на путь воинствующего шовинизма», когда в остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации¹⁵³. Одним из направлений внутривластной деятельности российского правительства в период конца XIX – начала XX вв.

¹⁵² Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2005. С. 230.

¹⁵³ Раев М. Понять дореволюционную Россию (Государство и общество в Российской империи). Лондон, 1990. С. 225.

было завершение инкорпорации окраин в империю. Ее осуществление предполагалось посредством постепенной «русификации-унификации» окраин с остальной территорией государства. Единая Россия должна была стать унифицированной не только в административном, но и в культурном, а значит, языковом смысле¹⁵⁴. В остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации. Русский язык становится обязательным в административных учреждениях, а местные чиновники постепенно замещаются русскоговорящими. В отличие от первой половины века, когда в основе окраинной политики лежали принципы регионализма, со второй половины столетия в основе имперских подходов к управлению окраинами преобладающим стал жесткий централизм, подразумевающий унификацию и стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры.

5. Россия и Сибирь: место Сибири в процессах социально-экономического развития империи

Присоединение Сибири к России является одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Имея в виду именно это обстоятельство, М.Я. Гефтер отмечал, что Россия только тогда стала Россией, «когда вобрала в себя Сибирь». Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией¹⁵⁵. Дальнейшие взаимоотношения центра и вновь присоединенных восточных территорий в немалой степени определялись характером присоединения этих земель к России. Разделяя точку зрения датского историка О.Г. Кристенсена о том, что в России «в восточном направлении приращение земель носило характер

¹⁵⁴ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 133.

¹⁵⁵ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Омск. 1995. С. 583.

колонизации», следует отметить, что применительно к Сибири более обоснованным представляется вести речь о сочетании методов колонизации, как освоения пусто-порожных земель, и прямой экспансии, под которой авторы понимают захват чужой территории. Продвигаясь на Восток, русское государство решало двуединую задачу: с одной стороны, расширение территории несомненно способствовало упрочению границ на восточном побережье. С другой – Сибирь манила к себе и своими немалыми естественными ресурсами – пушниной, солью, рыбой. Отмеченные обстоятельства в сочетании с природно-географическими и этническими особенностями региона предопределили «в известном смысле умеренный», мягкий характер колонизации, «мягкое» отношение к местным народностям¹⁵⁶. Последние рассматривались как данники московского царя, т. е. подданные государства, которые наряду с русскими крестьянами должны были нести определенные податные обязанности на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства¹⁵⁷. Начавшаяся одновременно с этим промысловая и земледельческая колонизация Сибири своим важнейшим следствием имела инкорпорацию Зауралья в систему экономических, административных и социокультурных связей империи. Историю хозяйственного освоения этой огромной территории можно проследить по датам основания сибирских городов. Принципиально важным моментом в ходе хозяйственного освоения, наряду со строительством острогов и крепостей, стало возникновение земледельческих центров, превращение земледелия из

¹⁵⁶ Кристенсен О.Г. История России в XVII в. М., 1989. С. 134–143.

¹⁵⁷ Дамешек Л.М. Проблема интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII – начала XX вв. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: сб. материалов Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 22–23 сентября 2003 г.). Новосибирск, 2003. С. 91.

сопутствующего промысла в самостоятельную отрасль хозяйства. Строительство Московского почтового тракта позволило установить регулярные по тем временам отношения с центром, усилило поток новых переселенцев в лесостепные районы, способствовало укреплению безопасности проживающего населения.

В организации административно-территориального устройства восточных территорий московские, а затем и петербургские власти использовали схемы, уже апробированные в центре страны. В XVIII в. управление Сибири при некоторой специфике приобрело формы и содержания, характерные для централизованного государства.

В XIX в. Сибирь вступила как неразрывная составная часть России. В административном отношении она составляла единое генерал-губернаторство, однако в 1822 г. в результате преобразований М.М. Сперанского была разделена на Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское с административными центрами соответственно в Тобольске (с 1839 г. в Омске) и Иркутске. Западно-Сибирское генерал-губернаторство включало в себя Тобольскую и Томскую губернии, Восточно-Сибирское – Енисейскую и Иркутскую губернии и Якутскую область. Дальнейший процесс властного освоения сибирских территорий империей сопровождался существенными изменениями в административно-территориальном устройстве азиатских окраин. В этом смысле пик нововведений приходится на середину XIX столетия. В период пребывания Н.Н. Муравьева (впоследствии графа Амурского. – Л. Д.) на посту генерал-губернатора (1841–1861 гг.) из восточных округов Иркутской губернии – Вехнеудинского и Нерчинского – в 1851 г. была образована Забайкальская область с центром в Чите¹⁵⁸. В этом же году Камчатское приморское управление получило статус области, а в 1858 г. была образована новая административная единица – Амурская область, в состав которой вошли все земли по левому берегу Амура. Все три области

¹⁵⁸ ПСЗ-1. Т. 38. № 29125; ПСЗ-2. Т. 26. № 25394, 24811.

Дальневосточного региона в управленческом отношении были подчинены генерал-губернатору Восточной Сибири.

Таким образом, накануне эпохи «великих реформ» территория Азиатской России в административном отношении делилась на 4 губернии: Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую, и четыре области: Якутскую, Забайкальскую, Амурскую и Приморскую. Однако на этом административное переустройство Зауралья не закончилось. Активизация дальневосточной и среднеазиатской политики России отчетливо показала, что существующее административно-территориальное устройство не отвечает новым политическим и экономическим реалиям, стратегическим интересам государства. Фактор отдаленности, наряду с необходимостью усиления экономического присутствия, настоятельно диктовал потребность усиления административной власти на местах. Именно поэтому в 1882 г. было учреждено Степное генерал-губернаторство с центром в Омске, объединяющее Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области. Одновременно с этим было упразднено генерал-губернаторство Западной Сибири, а губернии Тобольская и Томская подчинены министерству внутренних дел на «общем основании». Спустя два года, в 1884 г., было учреждено Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровске в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей¹⁵⁹. Произошло конституирование административно-территориального отделения Дальнего Востока от собственно Сибири. Нерешенным вплоть до начала XX в. оставался лишь вопрос о Забайкальской области, которая неоднократно «передавалась» из одного генерал-губернаторства в другое, но в конечном итоге вернулась «на круги своя» – в Иркутское генерал-губернаторство. Таким образом территориальные границы исследуемого региона в основном сформировались во второй половине XIX в. Это была историко-географическая и политико-административная реаль-

¹⁵⁹ ПСЗ-III. Т. 2. № 886; Т. 4. № 2524.

ность Российской империи рассматриваемого периода. Не случайно авторы юбилейного официального издания «Азиатская Россия», посвященного 300-летию Дома Романовых, под понятием «Сибирь» подразумевали территорию названных четырех губерний и двух областей¹⁶⁰. Именно в этих административно-территориальных границах реализовывалась имперская идеология и практика. Расширение империи на восток сопровождалось активной колонизационной политикой на вновь присоединенных землях. Россия как бы росла, крепла за счет новых территорий, а русское государственное ядро, по справедливому замечанию А.В. Ремнева, поглощало имперские окраины¹⁶¹. Важная роль в этом процессе отводилась русским православным переселенцам, которые должны были не только «приохотить» местные народы к занятию земледелием, научить их строительству крепостей и городов, но прежде всего духовно сплотить империю, в том числе и при помощи православия. Вот почему переселенческая политика являлась важной составной частью колонизационного процесса.

Для того, чтобы объективно оценить демографические процессы, протекавшие в Сибири, необходимо определить общую численность русского и коренного населения на протяжении всего изучаемого периода. Для этого сопоставим данные 7-ой ревизии (1816 г.) и материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. В итоге получается, что за 81 год с 1816 по 1897 гг. численность пришлого, главным образом, русского населения, возросла с 651 тыс. душ м. п. до 2310 тыс. душ м. п., или на 354,8 %. За этот же отрезок времени численность коренного населения увеличилась с 220 тыс. душ м. п. до 413 тыс. душ м. п., или на 87,7 %. Таким образом, получается, что темпы прироста пришлого населения в 3,5 раза превышали темпы роста коренных жителей. Отмеченное обстоятельство приводило к снижению удель-

¹⁶⁰ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 44.

¹⁶¹ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1995. С. 31.

ного веса аборигенов в общей массе народонаселения региона с 25 % в 1816 г. до 15 % в 1897 г.¹⁶². Большая часть переселенцев оседала в районах Западной Сибири. Так, например, в период с 1816 по 1854 гг. в Сибирь (в границах начала XIX в.) переселилось около 119 тыс. душ м. п. (58,87 %), в Томскую губернию – 40 760 душ м. п. (34,3 %), а на долю Иркутской губернии пришлось лишь 8093 души (6,81 %)¹⁶³. Подобная же ситуация наблюдается и в пореформенные десятилетия. В период с 1861 по 1891 гг. в Сибири водворилось примерно 450 000 переселенцев, в том числе в Западной Сибири 350 000, а в Восточной Сибири – около 100 000¹⁶⁴. Объясняется это рядом обстоятельств. Западная Сибирь была расположена ближе к европейской части страны, здесь находились наиболее плодородные земли. В Восточной Сибири активно заселялась Енисейская губерния, особенно Минусинская котловина. Иркутская губерния и Забайкалье, в силу отдаленности от «коренных» губерний империи, сложности природно-климатических условий, малопривлекательных для земледелия, в меньшей степени привлекали внимание переселенцев. На протяжении всего XIX в. этническая граница проживания русского населения в Сибири постоянно расширялась. Этот процесс усилился в начале XX столетия после строительства Транссибирской железнодорожной магистрали и провозглашения новой переселенческой политики. Если с 1896 г., по 1906 г. в Сибирь переселилось 1,1 млн человек, то за 1906–1914 – 3 млн человек, или в 2,7 раза больше. Как и в дореформенный период, основная масса переселенцев (68 %) оседала в Западной Сибири, на долю Восточной Сибири приходилось 32 %. Отличительной чертой демографической картины Сибири является крайняя не-

¹⁶² Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 265; Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 1. С. 3.

¹⁶³ Кабузан В.М., Троицкий С.М. Указ. соч. С. 269.

¹⁶⁴ История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 24.

равномерность распределения населения. Если в губерниях Западной Сибири, составляющих 26 % территории региона, разместилось 8,8 млн человек, то в Восточной Сибири на 74 % территории проживало лишь 30 % населения. В 1912 г. средняя плотность населения составила 2,5 человек на 1 км² в Западной Сибири и 0,4 человека на 1 км² в Восточной Сибири.

Для сравнения укажем, что в 1913 г. в Англии приходилось 130 жителей на 1 км², Германии – 102, США – 8, России – 6. Еще одной особенностью демографических процессов в Сибири было явное преобладание сельского населения над городским. Она отражала характер развития экономических отношений в регионе. Сибирские города, возникшие как военные и административные центры, к началу XIX в. утратили эти функции и все больше превращались в места сосредоточения промышленности и торговли. В предреформенные годы в Азиатской России насчитывалось около четырех десятков городов, однако все они находились на разных ступенях развития. Лишь в шести из них население превышало 10 тыс. человек. В Западной Сибири это Тобольск – 16 тыс., Омск – 18 тыс., Томск – 15 тыс., Барнаул – 12 тыс.; в Восточной Сибири – Иркутск – 28 тыс., Красноярск – 10 тыс. Такие города, как Тобольск и Иркутск, стали настоящими торгово-промышленными центрами. В то же время в Сибири было немало и «сельских» городов, население которых не превышало 1–3 тыс. человек. Это Ишим, Ялуторовск, Кузнецк в Западной Сибири, Киренск в Иркутской губернии и др. Некоторые города выполняли роль пограничных форпостов на юго-востоке Азии. В целом же удельный вес городского населения в пореформенной Сибири был вполне сопоставим с Европейской Россией и находился на уровне 10 %. К концу XIX – началу XX вв. в результате интенсивного притока переселенцев в Сибирь, оседавших преимущественно в сельской местности, это соотношение изменилось. Если в Европейской России в 1900 г. удельный вес горожан

вырос до 12 %, то в Сибири, наоборот, снизился до 8 %. Накануне Первой мировой войны эти показатели составляли соответственно 27 и 13 %¹⁶⁵. Крестьянское движение на Восток объективно приводило к изменению этнической картины Азиатской периферии, которая в этом отношении все больше напоминала Европейскую метрополию. Дальнейшее нарастание потока переселенцев в начале XX в. породило острый спрос на удобные для занятия сельским хозяйством земли, образовался дефицит пригодных для заселения земель. В этих условиях правительство приступило к землеустройству аборигенов на принципиально новых основаниях. Тем самым был провозглашен курс на ликвидацию сословия «иностранцев», слияние их с русским крестьянским населением. Реализация этой идеи, по замыслу ее петербургских творцов, не ограничивалась одной Сибирью. Воплощение на практике проекта «большой русской нации», о котором пишет Л.И. Горизонтов¹⁶⁶, предусматривало постоянное расширение имперского ядра за счет поглощения окраин. Вариации этой политики можно проследить на примере других окраин империи¹⁶⁷. Задача хозяйственного освоения Сибири посредством переселений дополнялась и коррелировалась идеей интеграции окраин в единое экономическое и социокультурное пространство. Тем самым решалась стратегическая задача окраинной политики – усиление политического единства империи. Представляется также, что сам факт опережающих темпов роста сельского населения Сибири по сравнению с Европейской Россией свидетельствует о том, что темпы аграрной колонизации существенно опережали индустриальную¹⁶⁸.

¹⁶⁵ Винокуров М.А., Суходолов А.П. Указ. соч. С. 69.

¹⁶⁶ Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*. М., 2001. С. 129–150.

¹⁶⁷ Бахтурина А.Ю. Институты и структура управления национальными окраинами // *Административно-территориальное устройство России*. С. 169–201.

¹⁶⁸ Зиновьев В.П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // *Сибирское общество в контексте модернизации XVII–*

Изучение экономического развития Сибири свидетельствует о том, что со времени присоединения ее к России и вплоть до начала XX в. основные отрасли производства – сельское хозяйство, промышленность, промыслы – развивались весьма однобоко, выступая в качестве поставщиков сырья для Европейского центра. Интересы последнего защищала экономическая стратегия правительства в регионе, находившая свое выражение в разработке и практическом осуществлении законодательства в финансовой, в том числе налоговой политике, во внешнеэкономической деятельности. Для московских, а затем и петербургских царей и императоров Сибирь на протяжении XVII и XVIII столетий оставалась неисчерпаемым поставщиком столь необходимой государству пушнины¹⁶⁹. После того, как соболь – наиболее ценный объект пушного промысла – был почти повсеместно выбит, на смену пушнине пришли драгоценные металлы.

Начавшаяся в середине XVIII в. сибирская золотодобыча к середине XIX в. выдвинула Россию в число ведущих золотодобывающих государств мира. Этот процесс шел весьма интенсивно. Если в 1831–1835 гг. из 378 т. пуд. золота, добытого в России, доля Сибири составляла 45 пуд., или 11,9 %, то к 1856–1860 гг. эти показатели составляли уже соответственно 1343 и 1048 пуд. Доля сибирской золотодобычи в масштабах государства составляла 78 %. Основными районами добычи и выплавки цветных металлов были Алтайский и Нерчинский горные округа, принадлежащие императорскому Кабинету¹⁷⁰. Накануне отмены крепостного права на заводах этих округов выплавлялось свыше 95 % общероссийского производства серебра, свинца и меди¹⁷¹. В пореформенный период, в связи с отменой подневольного тру-

XX вв.: сб. материалов Всерос. конф. «Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX в.». (Новосибирск. 22–23 сентября 2003 г.). Новосибирск, 2003. С. 185–193.

¹⁶⁹ Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972.

¹⁷⁰ Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917). Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. С. 27.

¹⁷¹ Мухин А.А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972. С. 119.

да и примитивной технологией, производство цветных металлов резко сократилось – свинца в 4 раза, меди – в 2 раза. Из горнодобывающей отрасли, получившей сравнительно быстрое развитие в начале XX в., следует отметить соледобывающую и каменноугольную, доля которых в общероссийском производстве составляла соответственно 12 и 14,5 %. Остальные отрасли горнодобывающей промышленности развивались слабо и неритмично. В конце XIX – нач. XX вв. из этой плоскости выходит обрабатывающая промышленность, особенно те ее отрасли, которые были связаны с обработкой местного сырья. В.А. Скубневский пришел к обоснованному выводу о том, что «наиболее значительный отряд рабочих обрабатывающей промышленности был сосредоточен в пищевом и овчинно-шубном производствах». Сопоставляя показатели о числе занятых рабочих в обрабатывающей промышленности Сибири с «ведущими промышленными районами страны», историк характеризует их как «мизерное», но в то же время «вполне сопоставимое» с аналогичными показателями других окраин государства, например, Средней Азии, Кавказа, Закавказья, Дальнего Востока¹⁷². Такое совпадение не случайно. Оно было порождено основными принципами экономической политики империи в отношении азиатских окраин государства, которое рассматривало эти территории как сырьевой придаток промышленно развитого центра. В.Г. Тюкавкин, И.А. Асалханов, Л.М. Горюшкин, авторы коллективных работ, на основе изучения развития земледелия Сибири конца XIX – нач. XX вв., приходят к выводу о резком возрастании товарности земледелия в рассматриваемый период. Это выразилось в общем увеличении посевных площадей, преимущественном росте посевов пшеницы и овса в частности. За период с 1901 по 1913 гг. размер посевных площадей в Сибири вырос с 3,6 до 7,1 млн дес., т. е. почти на 170 %. Преимущественный

¹⁷² Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 гг.).

рост посевов пшеницы за эти же годы составил от 1,4 до 3,5 млн дес. В структуре посевных площадей около половины приходилось на пшеницу, что свидетельствовало о развитии товарного производства. Рост посевных площадей приводил к увеличению валовых сборов зерна. В Акмолинской, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях валовые сборы составили: в 1901–1905 гг. – 158 млн пуд., в 1906–1910 гг. – 204 млн пуд., 1913 – 305 млн пуд. Увеличение валовых сборов пшеницы за соответствующие годы выразилось в следующих показателях – 64, 89, 148 млн пуд¹⁷³. Сибирский хлеб, особенно после завершения строительства Транссиба, буквально хлынул на российский рынок, что составило серьезную конкуренцию помещичьим хозяйствам Европейской России. Однако тарифная политика правительства (челябинский тарифный перелом 1896–1911 гг., искусственное завышение цен на ввозимый в Европейскую Россию сибирский хлеб) снижала конкурентоспособность последнего и сдерживала экспорт. Сохранение помещичьего землевладения в Европейской России накладывало отпечаток на экономическую политику правительства в Сибири.

Тенденции, связанные с ростом товарности, происходили и в мясомолочном скотоводстве. Сибирское маслоделие росло столь стремительно, что за короткий срок обогнало многие известные маслодельческие центры страны. Ввоз масла на территорию Европейской России не облагался пошлинами. В результате прибыли от ввоза масла были столь значительными, что в Сибири началась «масляная лихорадка». Бурными темпами шел процесс перегруппировки стад, приобреталось оборудование для переработки молока, создавались частные и кооперативные маслодельческие заводы. За два неполных десятилетия XX в. экспорт масла из Сибири вырос до 4,5 млн пуд., что в стоимостном выражении составило

¹⁷³ История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 318.

68 млн р.¹⁷⁴ Значительная часть масла шла на внешний рынок. Только в одном 1913 г. за границу было отправлено 4448,7 тыс. пуд., или 74,1 % произведенного в Сибири масла¹⁷⁵.

Развитие сибирской экономики было невозможно без создания устойчивой системы коммуникаций, связывающих Сибирь с основными промышленными и финансовыми центрами империи. В этом смысле существенную роль сыграло установление почтовой и телеграфной связи региона с Европейской Россией. Первой по времени была установлена почтовая связь. Еще в 1800 г. Павел I учредил особый сибирский почтамт в Тобольске, а в 1804 г. в Иркутске открывается экспедиция почтовых сообщений. В 1830 г. в России были образованы почтовые округа, в том числе и сибирский. В 1862 г. решением правительства округ разделили на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский, а в 1880 г. был образован Иркутский почтово-телеграфный округ, компетенция которого распространялась на все административные образования Восточной Сибири¹⁷⁶. Однако гораздо более значимым стало установление телеграфного сообщения Сибири с губерниями Европейской России. В 1863 г. была установлена телеграфная связь между Екатеринбургом и Омском, спустя два года телеграф появился в Томске, в следующем году – в Иркутске, в 1866 г. телеграф связал Тюмень с Тобольском. Однако отметим, что «возможности и характер торговли в значительной степени определялись состоянием транспорта»¹⁷⁷.

Главной экономической артерией, связывающей Сибирь с промышленно развитыми районами Европейской России, оставался Московский тракт. По нему шел основной поток грузов внутренней и внешней торговли. Однако скорость движения была невысокой – от 30 до

¹⁷⁴ Горюшкин Л.М. Экономическое развитие Сибири в конце XIX – начале XX веков. Новосибирск. 1990. С. 3–11.

¹⁷⁵ История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 318.

¹⁷⁶ Гольдфарб С. Иркутская почта. Иркутск, 1998. С. 264–267.

¹⁷⁷ Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 147.

55 верст в день в зависимости от качества дороги. При слабой развитости гужевого транспорта стоимость перевозок зачастую превышала стоимость самого товара. Поэтому исключительно важным стало начало технического переворота на транспорте, связанного со строительством сети железных дорог.

Первой из сибирских железных дорог стала Екатеринбург-Тюменская, сданная в эксплуатацию в 1885 г. Однако в последующие годы строительство железных дорог в Сибири велось очень быстрыми темпами. К 1913 г. в Азиатской России функционировали Амурская, Уссурийская, Китайско-Восточная, Забайкальская, Сибирская, Алтайская и ряд других железных дорог. В этом же году была сдана в эксплуатацию железнодорожная ветка Тюмень – Омск, проходившая по густонаселенным уездам с развитым маслоделием и излишками товарного хлеба, строились Алтайская, Кальчугинская, Кулундинская и Минусинская железные дороги. Всего в 1915–1917 гг. на территории Сибири функционировали Омская (2318 км), Томская (1815 км), Забайкальская (1720 км) железные дороги, принадлежащие казне. Кроме того, четыре дороги, которые принадлежали частным акционерным обществам: Алтайская (750 км), Кальчугинская (245 км), Минусинская (454 км)¹⁷⁸, соединяли важные экономические районы с Транссибирской магистралью. Таким образом, в первые 10 лет XX в. в Сибири было построено около 6000 км железных дорог, или около 700 км. в год, и 45 крупных мостов через реки Иртыш, Обь, Енисей. Транссибирская магистраль прочно связывала Сибирь с центром страны. Она являлась основной артерией, по которой в обоих направлениях непрерывно перемещались потоки грузов. Стремительно растущий водный транспорт уступал ей по грузообороту, обслуживал внутренние потребности. К 1917 г. общее число транспортных рабочих Сибири достигло 160 тыс.

¹⁷⁸ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск. 1982. С. 365.

человек. Из этого числа железнодорожники составляли 118,5 тыс., водники – примерно 40–45 тыс.¹⁷⁹

На протяжении всего имперского периода место Сибири как поставщика сырья в экономике России оставалось неизменным. Правда, само понятие «сырье» менялось. Если на протяжении XVII и первой половины XVIII в. это была пушнина, то затем золото стало основной статьей сибирского «экспорта» в Европейскую Россию. Во второй половине XIX и начале XX столетий на первое место по значимости выходит продукция сельского хозяйства – прежде всего это масло. Именно это аграрное сырье служило основным источником для работы местной перерабатывающей промышленности и основной статьей внутреннего вывоза и экспорта за границу.

Ко времени крушения монархии население Сибири составляло примерно 7 % от общей массы народонаселения империи. При этом Сибирь давала около шестой части валового производства хлеба и около 2 % стоимости промышленного производства. На долю Сибири приходилось 8,3 % длины железных дорог, 6,5 % числа перевозок, 5,5 % торговых заведений, 4 % наемных рабочих России. В городах проживало 12 % населения. Таким образом, Сибирь имела относительно развитое сельское хозяйство, средний по уровню развития транспорт и весьма слабую промышленность¹⁸⁰.

¹⁷⁹ Мухин А.А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972. С. 148.

¹⁸⁰ Зиновьев В.П. Рабочие Сибири 1907–1917 гг. // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С. 5–7.

ГЛАВА II

М.М. Сперанский и становление имперского регионализма в России

Особое место в творческом наследии Л.М. Дамешека занимает изучение сибирского периода деятельности выдающего государственного деятеля и реформатора России первой половины XIX в. М.М. Сперанского. Впервые к этой теме Л.М. Дамешек обратился в начале 70-х годов XX в., будучи аспирантом кафедры истории СССР (так тогда она называлась), в связи с анализом Устава об управлении инородцев 1822 г. Как известно, этот закон является одним из основных результатов реформы М.М. Сперанского в Сибири. Изучение его привело молодого исследователя к мысли о необходимости расширения объекта и предмета исследования не только с точки зрения хронологии, конкретного анализа этого выдающегося памятника законодательства М.М. Сперанского, но прежде всего в концептуальном плане изучения методологии разработки и результатов сибирской реформы 1822 г. не только для Азиатской части империи, но и для России в целом. Уже тогда у Л.М. Дамешека зародился замысел подготовки цикла публикаций, посвященных анализу предпосылок, проведения, результатов и итогов реформы 1822 г. в целом. Так появился цикл статей и первых монографий¹⁸¹, переросший затем в два хорошо известных на сегодня фунда-

¹⁸¹ Устав об управлении инородцев М.М. Сперанского и Г.С. Батенькова // Памяти декабристов. Иркутск, 1975. С. 21–46; 175 лет Сибирских реформ М.М. Сперанского. 60 лет Иркутской области и проблемы регионального управления. Иркутск, 1997. 283 с.; Кодификация норм обычного права народов Сибири как источник по истории политики царизма в Сибири в XIX в. // Источниковедение государства и права дореволюционной России. Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 1983. С. 29–41; Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – начала XX в. Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 1986. 165 с.; Рецензия на книгу: Чибиряев Г. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М., Наука, 1989. 216 с. // Историография народов Сибири

ментальные издания¹⁸², основные положения которых вошли в коллективные работы сибирских историков и энциклопедические труды¹⁸³. Кроме того, в связи с подготовкой открытия памятника М.М. Сперанскому в Иркутске, Л.М. Дамешек совместно с профессором И.Л. Дамешек по поручению мэра города Иркутска Д.В. Бердникова была подготовлена специальная брошюра¹⁸⁴, получившая широкое признание иркутян. В 2015–2017 гг., в связи со 195-летием со времени проведения реформ 1822 г., Л.М. Дамешек в академических и университетских изданиях опубликовал ряд статей, посвященных анализу природы имперского регионализма в России¹⁸⁵. Именно эти публикации, основанные на широком круге использованных архивных делопроизводственных источников, нормативных документов, мемуаристики, глубоком знании отечественной и зарубежной литературы, печатаются в настоящем издании.

1. Сибирские реформы 1822 года в отечественной и зарубежной историографии

За сто девяносто пять лет, которые отделяют нас от изучаемой эпохи, накопилось немало документальных публикаций и исследований. Историки, публицисты, ме-

XIX – начала XX в.: Сб. науч. трудов. Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 1990. С. 116–120. и др.

¹⁸² Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Ремнев А.В., Перцева Т.А. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. 262 с.; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. 341 с.; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX веков. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 303 с.

¹⁸³ История Бурятии. В 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. Т. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.; Иркутский край. Четыре века. Иркутск, 2012. Изд-во Востсибкнига. 797 с.; Северная энциклопедия. М., 2004. Европейские издания. Северные просторы. 1196 с.; Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. Ст. 716; Т. 2. Ст. 808; Т. 3. Ст. 784. Новосибирск, 2009.

¹⁸⁴ М.М. Сперанский в Иркутске 1819–1822. Иркутск: Отгиск, 2016. 46 с.

¹⁸⁵ Окраинная политика империи и методы инкорпорации коренного населения сопредельных территорий России XVIII – начала XX в. // Там же. С. 35–48; Россия и народы Сибири в меняющемся пространстве империи // Известия Иркутского государственного университета. № 16.

муаристы неоднократно обращались к событиям 1819–1822 гг. Вокруг сибирской деятельности и реформ М.М. Сперанского шла, а отчасти и до сих пор идет оживленная дискуссия, высказываются различные оценки, сталкиваются идеи и мнения. Сибирская реформа 1822 г. стала, таким образом, заметной историографической темой, заслуживающей специального рассмотрения.

Сибирские преобразования 1822 г. стали объектом изучения еще в рамках дворянской историографии. Произошло это в переломные моменты отечественной истории, когда падение крепостного права поставило перед всеми течениями русской общественной мысли вопрос о соотношении революции и реформ. В этих условиях интерес к личности и делам признанного реформатора Сперанского был вполне понятен. Вокруг имени Сперанского развернулась полемика, поводом к которой послужило двухтомное сочинение М.А. Корфа «Жизнь графа Сперанского», изданное в 1861 г.

Барон Корф был представителем высшей бюрократии николаевского царствования. Он лично знал Сперанского и служил под его началом во Втором отделении императорской канцелярии.

Ревизия и реформы Сперанского в Сибири рассматривались Корфом как эпизод из жизни этого деятеля, тем не менее книга Корфа давала значительный по тому времени фактический материал, довольно обстоятельное внешнее описание людей, дел, событий. Корф писал биографию Сперанского в условиях большого общественного подъема. И поскольку он повествовал о событиях сорокалетней давности, то мог позволить себе строго дозированной критичности. Это относится, в частности, к обрисованному им состоянию сибирской администрации до ревизии 1819 г. Из сочинения Корфа широкая публика узнала о «деятельности» нижеудинского исправника Лоскутова, железной рукой зажавшего целый уезд; о том, как енисейский городничий прокатился по городу

на чиновниках, осмелившихся просить начальство о его замене, и других подобных вещах¹⁸⁶.

Корф не без укоризны отметил заигрывания Сперанского с Аракчеевым, признал, что «Сибирское учреждение» готовилось торопливо, и т. д. «Смелость» Корфа отнюдь не противоречит, однако, его монархической концепции. Это составная часть его общего замысла. Злоупотребления сибирской администрации выступают у него как аномалия, как местное искривление, устранить которое и был послан Сперанский. Инициатива преобразования идет от императора, и задача Сперанского – обеспечить управление по «правде монаршей». Поэтому и оценка деятельности Сперанского как «поворотного столба» в сибирской истории приобрела политическое звучание: власть сама осуществит реформы, когда в них назреет необходимость.

Н.Г. Чернышевский откликнулся на книгу Корфа статьей-рецензией «Русский реформатор». Хотя статья Чернышевского рассматривает деятельность Сперанского во всероссийском масштабе, она имеет значение и для сибирского периода. Для Корфа политическая программа Сперанского казалась радикальной, а для Чернышевского – более чем умеренной. Но и эти умеренные проекты преобразований Сперанский не мог осуществить. «Он совершенно забыл о характере и размере сил, какие были бы нужны для задуманных им преобразований, – подчеркнул Чернышевский, – поэтому он не успел исполнить ровно ничего и оказался «мечтателем»¹⁸⁷. Для сравнения приведем еще высказывание А.И. Герцена, хотя оно и не связано прямо с книгой Корфа. «Чиновничество, – писал Герцен, – царит в северо-восточных губерниях Руси и Сибири; тут оно раскинулось беспрепятственно, без оглядки... Сперанский пробовал облегчить участь сибирского народа. Он ввел всюду коллегияльное начало; как будто дело зависело от того, кто

¹⁸⁶ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. В 2 т. СПб., 1861. Ч. 1, 2. С. 201, 235.

¹⁸⁷ Чернышевский Н.Г. Собр. соч. Т. 7. С. 811.

как крадет – поодиночке или шайками... Он сотнями от-
решал старых плутов и сотнями принял новых... Года
через три чиновники наживались по новым формам не
хуже, как по старым»¹⁸⁸.

В последующие годы интерес к деятельности Сперанского не угас. Это объяснялось тем, что буржуазные реформы 60-х гг. мало коснулись Сибири. Сибирь продолжала жить по учреждениям и уставам 1822 г. В связи с этим перед прогрессивными кругами сибирской общественности встал вопрос об оценке преобразований Сперанского как в историческом, так и в современном политическом аспекте. Ответом на эту потребность явился изданный в 1872 г., к 100-летию реформатора, капитальный труд В.И. Вагина «Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год».

В.И. Вагин – уроженец и житель Сибири, сотрудничал в сибирской и столичной печати, был активным членом Сибирского, а затем Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, редактировал некоторое время газету «Сибирь».

Труд Вагина основан на изучении обширного круга источников, большую часть которых он впервые ввел в научный оборот. Наряду с традиционными источниками (отчет Сперанского в «Обзрении Сибири», законодательные акты 1822 г., «Обозрение главных оснований местного управления Сибири» и пр.) Вагин использовал некоторые материалы Первого Сибирского комитета и многочисленные дела Главного управления Восточной Сибири, которые почти полностью были утрачены в результате иркутского пожара 1879 г. С фактической стороны сочинение Вагина до сих пор остается самым полным сводом данных о ревизии и реформах Сперанского в Сибири. Не случайно «Исторические сведения...» указаны не только во всех российских, но и в зарубежных библиографических справочниках как одно из основных

¹⁸⁸ Герцен А.И. Былое и думы. М.: Б-ка всемирной литературы, 1969. С. 219.

пособий при изучении вопроса. Практически нет ни одного автора, который, занимаясь данной проблемой, не опирался бы впоследствии на исследование Вагина.

В предисловии к книге В.И. Вагин скромно оценил свой труд, как «материалы для истории, и при том далеко не полные». Авторская скромность, конечно, имела под собой некоторые основания. Однако «Исторические сведения...» нельзя рассматривать только как материал для будущей истории. Это одно из самых крупных явлений в отечественной историографии вопроса.

Наряду с массой конкретных сведений монография Вагина дает анализ и оценку реформы 1822 г., ее предпосылок и значения.

Вагин, в отличие от Корфа, гораздо шире поставил вопрос о предпосылках реформы 1822 г. Корф, по существу, свел его к злоупотреблению «неблагонамеренных» чиновников в отдаленном крае и попечениях «высшей власти» о «благех» сибирского населения. Вагин же рисует подробную картину общего положения Сибири и вводит в литературу популярный впоследствии сюжет борьбы двух партий: чиновничьей и местного купечества.

Он значительно детальнее своих предшественников раскрывает ход ревизии Сперанского, его распорядительную деятельность в качестве генерал-губернатора края. Вагин рассматривает подготовку реформы, хотя из-за недоступности ему ряда важных источников эта сторона показана у него слабее.

Вагин дал довольно подробный анализ сибирского «учреждения» и «уставов» 1822 г. Стоит отметить, что Вагин был знаком с ними не только как историк, но и как практик-администратор, знавший их в действии. Прослеживает Вагин и дальнейшую судьбу «Учреждения» Сперанского. «Исторические сведения...» написаны не только большим знатоком прошлого Сибири, но и ее горячим патриотом. Поэтому угол зрения Вагина заметно отличается от подхода Корфа. Вагин увидел многие слабые стороны преобразований 1822 г. Он указал,

в частности, на вырождение совещательных советов, введенных Сперанским, и вообще на несостоятельность принципа бюрократической коллегиальности. Вагин отметил нежизненность отдельных положений 1822 г. («Устав об устройстве сухопутных сообщений»). Но в целом Вагин дал деятельности Сперанского в Сибири положительную оценку и признал реформы 1822 г. одним из выдающихся событий сибирской истории. Он высоко оценил нравственное влияние личности Сперанского на сибирское общество. В то же время труд Вагина объективно ставил перед читателями вопрос о необходимости новых реформ, появления, так сказать, «второго Сперанского». Не случайно поэтому труд Вагина привлек внимание сибирской общественности и вызвал оживленный обмен мнениями¹⁸⁹. Особый интерес представляет в этой связи сочинение А.П. Щапова «Сибирское общество до Сперанского». По форме это рецензия, на деле же – большая и оригинальная статья, для которой труд Вагина явился частью источником, а частью – предметом полемики. Работа Щапова создавалась на последнем этапе его творческого пути и отражала хотя и противоречивый, но в целом безусловно демократический подход к оценке исторического процесса. Щапов поставил две главные проблемы: состояние сибирского общества накануне реформ Сперанского и оценка этих реформ. Он дал хотя эскизно, но яркими мазками панораму сибирской жизни конца XVIII – начала XIX вв. Исходя из своих общих представлений об особенностях Сибири, Щапов полагал, что характерной чертой сибирского населения было хищническое стремление к наживе, «эгоистические инстинкты», как назвал их историк. Общей колорит сибирской жизни и нравов он изобразил довольно мрачными красками. Носителями «эгоистических инстинктов» Щапов признавал, в первую очередь, сибирское купечество, хотя находил их и в других со-

¹⁸⁹ Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. В 2 т. СПб., 1872.

словиях. В соответствии с этим он гораздо резче, чем Вагин, ставит вопрос о борьбе местной администрации и купечества и решает его с иных позиций. Вагин квалифицировал их борьбу как конфликт местной власти с «народной партией» в широком смысле. Щапов отказался признать за сибирским, точнее, иркутским купечеством роль выразителя народных интересов. Он утверждал, что в иркутском обществе в конце XVIII и начале XIX столетия главной действующей силой «была вовсе не демократическая сила массы городского населения, а буржуазная олигархия довольно могущественной купеческой партии»¹⁹⁰. Подоплеку борьбы купечества с чиновничеством А.П. Щапов видел в экономике, связывал ее с «торговыми интересами». Они боролись за то, кому торговать с «инородцами», «за преимущественное право эксплуатировать народ». Отметив, что сибирская администрация широко занималась торговлей с инородцами, Щапов указал, что интересы в этой сфере должны были столкнуться с купеческими, чиновничество или должно было действовать с купцами заодно, вступить с ними в союз, или же встретить оппозицию со стороны купеческой монополии и вести с ней борьбу»¹⁹¹. Щапов подчеркивал эксплуататорскую сущность буржуазии. Косвенно возражая Вагину, он писал: «Капиталистическое буржуазное сословие... по самому существу своему не может допустить общественной равноправности и экономического равновесия низших, рабочих и промышленных сословий, составляющих источник: обогащения, предмет эксплуатации, основание капиталистической общественной пирамиды»¹⁹². Щапову была, разумеется, совершенно чужда всякая идеализация сибирского чиновничества. Но он, однако, полагал, что из чиновника может, хотя и редко, выйти «филантроп и просветитель Сперанский», «друг колодников и черни», своекорыстная же буржуазия в состоянии только угнетать народ.

¹⁹⁰ Щапов А.П. Соч. Т. 3. СПб., 1908. С. 154.

¹⁹¹ Там же. С. 663.

¹⁹² Там же. С. 670.

Исходя из этого, историк дал в общем положительную оценку преобразованиям Сперанского в Сибири и нравственному влиянию его личности на местное общество. Шапов отметил, что Сперанский обнаружил в Сибири «полнейшее господство чиновничьего самовластия и деспотизма». «Чтобы в корне пресечь развитие всего этого зла, Сперанский, как реформатор по призванию, ввел так называемые «сибирские учреждения», с некоторым ограничением произвола администрации»¹⁹³. Шапов высказал одновременно сожаление, что Сперанский ограничился тем, что ввел «новые лучшие административные учреждения в Сибири», но даже не намечал социально-экономической реформы. Исследователь не ставит вопроса о первоначальном замысле преобразований и их законодательной реализации в 1822 г. Он рассматривает реформы Сперанского в их окончательном виде и считает, что сибирское общество того времени было не в состоянии воспринять их. Он убежден, что «общеевропейская идея этих реформ, их гуманно-филантропическое направление до такой степени еще чужды были азиатскому умонастроению и буржуазно-эгоистическим наклонностям сибирского общества, что почти большинство современников Сперанского не поняли его: и не умели надлежащим образом оценить его значение и влияние на Сибирь»¹⁹⁴. Историографическое место статьи Шапова весьма значительно. Для него характерно стремление оценивать реформы 1822 г. с точки зрения интересов трудящихся масс и защиты этих интересов.

Тема преобразований 1822 г. должна была, естественно, привлечь внимание областнической историографии и публицистики. Следует сказать, что областники также отталкивались от книги Вагина. Одним из первых откликнулся на нее крупнейший представитель общественной мысли Сибири Н.М. Ядринцев. Его статья «Сперанский и его реформы в Сибири» была опубликована в

¹⁹³ Шапов А.П. Соч. Т. 3. СПб., 1908. С. 677.

¹⁹⁴ Там же. С. 674–677.

«Вестнике Европы», а затем с некоторыми вариациями вошла в знаменитую книгу «Сибирь как колония».

У Ядринцева нет принципиальных расхождений с Вагиным в оценке реформы, хотя общий тон Ядринцева более критичен. В целом совпадают структура работ и поставленные в них вопросы. В то же время следует сказать, что Ядринцев подошел к своей задаче в теоретическом плане глубже, чем Вагин.

Если у Вагина превалирует фактическая сторона дела, а оценка дается, как правило, одной-двумя фразами, то Ядринцев, опираясь на материалы Вагина, старается полнее подойти к теме с разных сторон. В качестве примера можно указать, в частности, постановку вопроса о произволе сибирской администрации, которую Н.М. Ядринцев наряду с другими причинами объяснил колониальным положением Сибири. Ядринцев подчеркивал, что местное общество даже в тяжелую пору правления Пестеля и Трескина «пыталось вести подземную борьбу». С легкой руки Екатерины II в правительственных сферах за сибиряками утвердилась репутация ябедников. Ядринцев вслед за Вагиным показал, что «донос» был своеобразной формой «борьбы против произвола, когда отняты были все средства гласности»¹⁹⁵. Итоги ревизии Сперанского в Сибири Ядринцев оценивал более чем скромно. «Причины злоупотреблений лежали не в людях, а в целой системе». «Ревизия осталась почти без последствий». Примерно так же оценивает Ядринцев и деятельность М.М. Сперанского на посту генерал-губернатора в Сибири. Он не соглашается с теми биографами Сперанского, которые, «увлекаясь личными качествами и достоинствами этого администратора», предполагали, «что одно пребывание Сперанского в Сибири уже могло изменить порядок дел». Так же как и Щапов, Ядринцев считал, что Сперанский не смог воздействовать на социально-экономическую жизнь Сибири. «Торговая кабала над инородцем и крестьянином до последнего времени

¹⁹⁵ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 319–320.

составляет язву страны... Реформа Сперанского ничего здесь не сделала»¹⁹⁶.

Систему управления Сибири до Сперанского Ядринцев характеризует следующим образом: «Централизация здесь приводила к одним злоупотреблениям, а предоставление независимой власти начальникам на месте – к другим. Таков был давнишний сфинкс сибирской истории»¹⁹⁷.

Задача Сперанского состояла в том, чтобы рассечь гордиев узел 200-летнего сибирского управления и навсегда прекратить злоупотребления. Только «ревизия Сперанского, хотя и лучшего человека своего времени», не помогла, поэтому, считает Ядринцев, нужно было устранить «причины зла» и «создать новые основания управления». Изложив разработанную Сперанским программу реформ управления, Ядринцев признает ее цели достойными уважения, но подчеркивает, что «при всех благих намерениях важнее всего их выполнение». Так он подходит к вопросу о путях, какими Сперанский стремился достичь цели. План преобразования Сперанского «основывался на введении коллегиального управления во всех частях вместо единоличного и опирался на взаимный контроль одних учреждений над другими». Ядринцев вполне согласился с Вагиным, что создание совещательных советов в системе местного управления «нисколько не ослабило исполнительной власти». Ядринцев справедливо отметил, что эти советы очень незначительно отличались от прочих присутственных мест в России, «принципиального же различия между ними не было». Замысел Сперанского он рассматривал как попытку защитить Сибирь от злоупотреблений путем «обыкновенной комбинации: при помощи зависимости одних чиновников от других». «В общем, – говорит Ядринцев, – изменения Сперанского были столь скромны и столь соответственны обыкновенному кан-

¹⁹⁶ Ядринцев Н.М. Указ. соч С. 328–337.

¹⁹⁷ Там же. С. 342.

целярскому порядку, что прошли чрезвычайно легко». Исключение составлял только проект об освобождении заводских крестьян, отклоненный Сибирским комитетом. Поэтому вслед за Вагиным Ядринцев поставил вопрос: «Вышли ли проекты Сперанского в том виде, в каком они были представлены, или были значительно изменены?» Вагин, основываясь на рассказах старожилов, полагал, что «изданное учреждение о Сибири значительно разнится от первоначального проекта». По преданиям, проект предполагал «дать простор выборному началу» и устройству управления, гораздо более свободного от централизации, «учредить особый департамент Сената» для Сибири и т. д. Поэтому Вагин предполагал, что Сперанский увез из Сибири только черновой вариант проекта и уже в Петербурге, видя невозможность провести их целиком, решился на переделку. Однако Ядринцев, исходя из имевшихся в его время материалов, биографий, сведений и писем Сперанского, пришел к выводу, что нет оснований предполагать, что его проекты были изменены. Он предложил более простое объяснение. Сперанский, по его мнению, опасался, что «вследствие потери его влияния и вследствие оппозиции ему в Петербурге Аракчеева даже самые незначительные его проекты будут отвергнуты»¹⁹⁸. Ядринцев отмечает, что изданное Сперанским «новое учреждение Сибирского управления не удовлетворило ожидания». Оно сразу же подверглось обвинению как из лагеря консерваторов, так и со стороны людей, ожидавших от Сперанского большей реформаторской инициативы. Вместе с Вагиным Ядринцев указал на очевидные противоречия между целями Сперанского и предложенными им средствами. Программа Сперанского провозглашала «гласность и публичность действия власти, что никогда не было осуществлено». Аналогичное положение сложилось и с правом протеста со стороны советов управлений, которые на практике зависели от генерал-губернатора и чи-

¹⁹⁸ Ядринцев Н.М. Указ. соч. С. 343–345.

новников. Важнейшим недостатком реформы Ядринцев, как и Вагин, считал отказ от идеи ввести «выборный элемент в высшее сибирское управление». Ядринцев пришел к заключению, что стремления Сперанского «ограничивались... устранением произвола и взяточничества в администрации», поэтому он признал эти стремления до известной степени прогрессивными. Сперанский стремился к введению законности вместо прежнего произвола, хотя обстоятельства и не оправдали его ожиданий.

В заключение Ядринцев дает оценку административному учреждению Сперанского, основываясь на 50-летнем опыте его практического применения. «Мы не ошибемся, — замечает историк, — если скажем, что сибирские законы Сперанского никогда не действовали в полной силе. Некоторые части их даже не были приведены в исполнение». Он имеет в виду особые законы для суда над «инородцами» и особое сельское положение для суда крестьян, которые никогда не были изданы; показывает, что степные думы на практике подчинялись земским судам и сделались чем-то вроде волостных правлений. «Вмешательство земской полиции в дела инородцев, устраняемое Сперанским, явилось прежнее». «Устав об управлении инородцев» был, по мысли Ядринцева, «гуманным» и «замечательно доброжелательным по духу». «Однако он не мог осуществиться и повел только к недоразумениям». «Заселение ссыльными Сибири и приучение их к оседлости... вовсе не удалось»; «Сибирские генерал-губернаторы приобрели прежнюю силу и независимость... проявлялись отпрыски прежнего произвола и злоупотреблений». «Таким образом, даже те слабые предположения облегчения, к которым стремился Сперанский, не оправдались»¹⁹⁹.

Однако Ядринцев отнюдь не склонен возложить за это на Сперанского единоличную ответственность. В этой связи он делает следующее глубокое замечание: «Невозможно было также, чтобы положение дел вдруг

¹⁹⁹ Ядринцев Н.М. Указ. соч. 107–108, 349–351.

изменилось, потому только, что Сибири даны новые законы, тогда как все другие условия сибирской жизни остались по-старому». Следует подчеркнуть, что в оценке преобразований Сперанского Ядринцев исходил из общей концепции раннего областничества. Он смотрел на них глазами не только беспристрастного историка, но и общественного деятеля, убежденного в том, что учреждения 1822 г. «отжили свое время». Ядринцев был убежден, что Сперанский не достиг своих целей, так как «ошибки были допущены в принципе», он «слишком положился на одни официальные коллегиальные учреждения». Исходя из этого, Ядринцев развертывал не только критику этих учреждений, но и намечал областническую программу реформ в современной ему Сибири. Его воззрения в той или иной степени разделяли и другие представители областнического движения²⁰⁰.

Взгляды Ядринцева оказали влияние и на С. Прутченко, труд которого «Сибирские окраины» увидел свет в 1899 г. Вместе с тем на автора этой книги воздействовали и идеи «государственно-юридической школы». Это определило как сильные, так и слабые стороны исследования. Там, где речь идет о конкретном анализе законодательных актов, историк делает ценные наблюдения, тонко подмечает связи и преемственность между старыми и новыми учреждениями. Однако в общем представлении об эволюции управления Сибирью ощущается эклектический подход. Для историка-идеалиста было характерно преувеличение роли государственных учреждений и правовых установлений. С. Прутченко собрал большой материал по истории управления Сибирью с момента ее включения в состав России. Неурядицы сибирского управления до Сперанского он связывал с неспособностью центральной и краевой администрации учитывать своеобразие местных условий и потребностей. Проводя ревизию и расследуя многочисленные злоупотребления, Сперанский сблизился с неизвестной ему

²⁰⁰ Ядринцев Н.М. Указ. соч. С. 350, 355–369.

ранее жизнью Сибири, извлек «поучения из непосредственно полученного опыта»²⁰¹. По мысли С. Прутченко, Сперанский пришел к выводу, что Сибирь нуждается в такой организации, которая «в себе самой находила бы достаточно энергии, знания, освоенности с местными условиями и силы для удовлетворения своеобразных нужд и потребностей края». «Сибирское учреждение» Сперанского вносило в русское законодательство признание необходимости областной организации внутри Российской империи²⁰². Но практическое разрешение этого вопроса оказалось малоудачным. По разным причинам «Сперанское учреждение» было развернуто по схеме бюрократического управления. Суд остался в зависимости от администрации, органы самоуправления так и не были созданы²⁰³.

Подводя итоги изучения вопроса в дооктябрьский период, необходимо отметить, что он привлек внимание авторов различных идейных течений. Тема сибирских реформ 1822 г. входит в историческую литературу в связи с личностью Сперанского и трактуется Корфом в биографическом плане. Сибирь выступает у него полем для приложения реформаторских усилий Сперанского, а сам Сперанский изображается как исполнитель «воли монаршей». Труд Вагина смещает акценты, превращает вопрос о реформах 1822 г. в предмет собственно сибирской историографии. Этот подход углубляется и закрепляется Ядринцевым. Деятельность Сперанского в Сибири оценивается областнической мыслью с точки зрения нужд и потребностей края, интересов ее демократических слоев. Апологетика реформ сменяется их трезвой оценкой, показом противоречий между словом и делом, целями и результатами. Критика преобразований Сперанского в Сибири увязывается с программой областничества, выступает как одно из ее исторических обоснований. Этим

²⁰¹ Прутченко С. Сибирские окраины. В 2 т. СПб., 1899. Т. 1. С. 100.

²⁰² Там же. С. 279.

²⁰³ Там же. С. 231–235.

определялись как достижения, так и слабости областной историкографии сибирских реформ 1822 г.

После октябрьского переворота, в 20–30-е гг., советская историческая наука основное внимание сосредоточила на изучении истории народов Сибири как области, мало затронутой серьезными исследователями. В 40–50-х гг. усилия исследователей направлялись, главным образом, на разработку проблем социально-экономической истории. Поэтому вопросы внутренней политики, текущего управления и реформ затрагивались в этот период или мимоходом, или в общих трудах по истории отдельных народов Сибири. Этим и объясняется то обстоятельство, что теме реформ 1822 г. до начала 50-х гг. не было посвящено ни одного специального исследования.

Отсутствие специальных работ не означает, однако, что изучение вопроса вообще стояло на месте. Уже в 20-е гг. были сделаны попытки дать новую оценку некоторых проблем, связанных с реформами 1822 г. Наиболее интересным опытом в этом отношении были работы С.В. Бахрушина по истории русской колонизации Сибири. Большая часть их хронологически относится к XVII в., но в статье «Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г.» он рассматривает одну из важнейших составных частей реформы 1822 г. – «Устав об управлении инородцев». Бахрушин, показывая колониальный характер правительственной политики в отношении коренного населения Сибири, сделал для этого документа определенные исключения и дал ему в целом высокую оценку: «Устав остается важным памятником, свидетельствующим о добросовестной попытке урегулировать жизнь туземных масс в Сибири и их отношение с русскими колонизаторами». «С начала до конца, – писал С.В. Бахрушин, – «Устав» проникнут стремлением охранить не только экономическое благосостояние, но и самобытный строй туземцев. Автор «Устава», знаменитый Сперанский, по-видимому, понимал опасность административного вмешательства в жизнь туземных

обществ и стремился оградить их от такового». Историк отметил и оборотную сторону «Устава», – стремление русского правительства «властвовать над туземцами посредством наследственных родовых князцов и старшин». В этом плане реформы Сперанского не меняли сути дела по существу. Продолжая традиции, унаследованные от XVII в., «Устав об управлении инородцев» охранял «привилегии туземной родовой знати различных племен»²⁰⁴. Для С.В. Бахрушина характерно некоторое преувеличение позитивных элементов «Устава». Однако в советской историографии он первым указал на внутреннюю противоречивость памятника, на сплетение в нем прогрессивных и консервативных начал. Этот подход оказался плодотворным и был воспринят советской наукой.

Вопросы, связанные с реформами 1822 г., нашли отражение и в работе Ф.А. Кудрявцева «История бурят-монгольского народа». Автор рассматривает историю бурят не изолированно от русского и других народов Сибири, освещая попутно и общие проблемы сибирской истории. Это относится и к реформам Сперанского. Ф.А. Кудрявцев дал обзор положения Восточной Сибири накануне реформ, показал причины ревизии 1819 г. и вскрытые ею злоупотребления сибирской администрации. В связи с основной темой книги исследователь особое внимание уделил «инородческому уставу». Как отмечает Ф.А. Кудрявцев, «Устав» 1822 г. обобщил и систематизировал то, что сложилось в процессе административной практики. К новым элементам, содержавшимся в нем, автор относит введения самоуправления и некоторых выборных должностей «инородческих родонаачальников». Исследователь указывает, что составители «Устава» исходили из таких положительных принципов, как ограничение административного вмешательства, упорядочение взимания сборов и податей и «ограничение личной власти инородческих родонаачальников».

²⁰⁴ Бахрушин С.В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. 1929. № 1. С. 87–89, 91, 92.

Оценивая нововведения Сперанского, Ф.А. Кудрявцев замечает, что «отдельные мероприятия против злоупотребления» сибирских сатрапов «частично и временно разряжали напряженную атмосферу административного произвола: но не затрагивали самой системы управления, создавшей почву для подобных злоупотреблений. Эта система определялась классовым характером крепостнического государства»²⁰⁵.

Первой послевоенной работой по нашей теме явилась опубликованная в 1950 г. статья А.И. Мурзиной «Реформы Сперанского в Западной Сибири». Автор сосредоточивает свое внимание на «Уставе об управлении инородцев». Другие вопросы, связанные с преобразованиями 1822 г., освещаются эскизно. На первый план А.И. Мурзина выдвигает не анализ «Устава» как законодательного памятника, а вопрос о его проведении в жизнь на территории Западной Сибири²⁰⁶. Историк признает «Устав» «наиболее значительным из памятников законодательной деятельности Сперанского в Сибири» и напоминает об участии в его составлении будущего декабриста Батенькова. А.И. Мурзина отмечает «известную двойственность» «Устава». «С одной стороны, царизм оформил в этом законе свою политику опоры на местную полуфеодальную и родовую знать: в этом была сущность устава. С другой стороны, нельзя пройти мимо прогрессивных элементов в уставе». Автор видит эти элементы в охране земельных и промысловых угодий, в обеспечении свободы вероисповедания и богослужения. Однако «Устав» 1822 г., по мнению А.И. Мурзиной, «не вносил существенных изменений во внутреннее устройство народов Сибири. Он скорее стремился сохранить самобытный строй народов Севера»²⁰⁷.

Таким образом, в общей оценке памятника А.И. Мурзина близка к С.В. Бахрушину. Обращаясь к проведению

²⁰⁵ Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа. М.:Л., 1940. С. 198.

²⁰⁶ Мурзина А.И. Реформа Сперанского в Западной Сибири // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1950. № 115. Вып. 1. С. 101.

²⁰⁷ Там же. С. 104–105.

в жизнь «Устава» 1822 г., историк констатирует, что оно «вызвало большие трудности» и недовольство населения. Разделение коренных жителей на разряды было проведено местной администрацией неправильно, перевод части их в крестьянский оклад сопровождался усилением налогового гнета и ростом недоимок. Ясачная комиссия, посланная для изучения дел на месте, признала, что «в Западной Сибири племена инородцев разделены на разряды вопреки указаниям в Уставе, неосновательно и неверно, многие из сих племен в крестьянский оклад «вносились» без отбора состоятельных и несостоятельных»²⁰⁸. Задержалось на долгое время и введение предусмотренной «Уставом» системы управления. А.И. Мурзина объясняет это различием в уровнях общественного развития народов Западной Сибири. У племен, сохранивших прочные родовые отношения «введение управления в соответствии с Уставом особых трудностей не вызвало». Напротив, «разложение родового строя было основной причиной, в силу которой так медленно у обских угров создавались родовые управления и инородные управы»²⁰⁹.

Стремление проследить реализацию положений 1822 г., выяснить их практическое воздействие на жизнь населения Сибири – положительная сторона работы А.И. Мурзиной. В то же время статья не свободна от некоторых упрощений и неточностей. Автор склонен подчас принимать временную последовательность явлений за их причинно-следственную связь. А.И. Мурзина считает, например, что «земские повинности, установленные Сперанским, являлись одним из тяжелых видов податей в XIX в. Не случайно поэтому появляется ежегодная недоимка по земским повинностям»²¹⁰. Но Сперанский отнюдь не устанавливал в Сибири этих повинностей, они существовали задолго до него и всегда были обременительны. «Положение» 1822 г. прямо не касалось и размеров земского обложения. Сперанский стремился только

²⁰⁸ Мурзина А.И. Указ. соч. С. 105.

²⁰⁹ Там же. С. 107.

²¹⁰ Там же. С. 114.

к четкой регламентации земских повинностей и способов их отнесения: личным трудом или денежным сбором. Предполагалось, что перевод части натуральных обязательств в денежные сузит сферу административных злоупотреблений и облегчит положение населения. Связь между «Положением» Сперанского и ростом земских повинностей в 20–40-х гг. XIX в. гораздо сложнее, чем это представлялось А.И. Мурзиной.

В 50-х гг. реформы Сперанского рассматривались в работах Л.И. Светличной. Ее кандидатская диссертация не опубликована²¹¹, но основные положения изложены в отдельных статьях, на которые мы и будем ссылаться.

Л.И. Светличная исходит из признания Сибири колонией Центральной России. Под влиянием хозяйственных связей с Европейской Россией в экономике Сибири складывались капиталистические тенденции. Однако благоприятные для буржуазного развития предпосылки (отсутствие крепостного права, богатые природные условия) сочетались здесь с военно-феодальными методами эксплуатации.

Коренную причину преобразований 1822 г. Л.И. Светличная ищет в экономической сфере, в сокращении государственных доходов от Сибири. Необходимо было изыскивать новые, более эффективные методы эксплуатации сибирской колонии. Все это требовало от правительства проведения общей ревизии Сибири и реформ во всех областях сибирской жизни. Сперанский, по мнению исследователя, заметил в Сибири тенденцию к капиталистическому развитию и, не меняя основ колониальной политики царизма, попытался приспособить эту тенденцию для более эффективной эксплуатации сибирской колонии²¹².

«Если А.Н. Радищев и декабристы, – пишет Светличная, – стремились революционным путем поставить

²¹¹ Светличная Л.И. Преобразовательные планы и административная деятельность Сперанского в Сибири (1819–1822 гг.). Автореф. дис. : канд. ист. наук. М., 1952.

²¹² Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1983. С. 55–56.

Россию на путь буржуазного развития, то либералы... предлагали постепенное реформирование феодальной России в буржуазном направлении». Историк считает, что в первой четверти XIX в. выявились «симптомы колебаний в политике верхов». Боязнь революции обусловила оформление либеральной идеологии. Одним из представителей раннего либерализма и был Сперанский. Поскольку «либерализм в первой половине XIX в. был прогрессивным общественным течением, то и законопроекты М.М. Сперанского являются объективно-прогрессивными проектами». Л.И. Светличная отмечает «ограниченность буржуазных начал в преобразовательных планах Сперанского» 1809 г. и еще большую осторожность его сибирских проектов. Вместе с тем историк полагает, что и в Сибири Сперанский «оставался деятелем объективно-буржуазного направления»²¹³.

Подтверждение этой мысли Л.И. Светличная ищет в «Уставе об инородцах». Как считает исследователь, «Устав» должен был, в первую очередь, поднять платежеспособность инородцев. «Но добиться этого Сперанский попытался путем реформирования всех сторон жизни коренных народов, почему «Устав» касался не только экономической стороны, но и административной, судебной, культурно-бытовой». Сперанский стремился ослабить патриархально-феодальные основы хозяйственного быта инородцев через поощрение товарно-денежных отношений. «Устав» подтвердил замену натурального ясака денежным налогом и вводил деление коренных народов Сибири на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. Основным критерием для определения хозяйственной состоятельности инородцев становились земледелие и скотоводство, дававшее постоянный доход. «Конечной целью «Устава» был перевод кочевых и охотничьих народов в разряд оседлых, т. е. приравнивание инородцев к русскому населению Сибири»²¹⁴.

²¹³ Дамешек Л.М. Ясачная политика... С. 53–55.

²¹⁴ Там же. С. 62–63.

Историк отмечает, что «порозрядная система: преследовала защиту финансовых интересов казны, так как кочевые народы вводились в более высокий оклад государственных крестьян». Она преследовала и ассимиляторные цели. «Но приравнивание коренных народов к русскому населению Сибири имело объективно-прогрессивное значение... Этот принцип положительным образом отличал «Устав» Сперанского от законодательства западноевропейских государства и США в отношении колониальных народов, которые подвергались национальной дискриминации». Сперанский стремился учесть национальные особенности инородцев, что и отразилось в статьях об управлении, торговле, религии, образовании²¹⁵. Но Л.И. Светличная не согласна с утверждением С.В. Бахрушина о стремлении «Устава» к сохранению самобытности народов Сибири. По ее мнению, мероприятия Сперанского объективно должны были ослабить их родовое устройство, поощрить элементы нового, приравнять их к русскому населению²¹⁶. Л.И. Светличная указывала на противоречивость «Устава», которая «обрекала на неудачу и его слабо выраженные прогрессивные элементы». Порозрядная система не всегда соответствовала уровню и типам хозяйственного развития народов Сибири, а местное чиновничество, распределяя инородцев по разрядам, не смогло справиться со своей задачей. «Поэтому введение «Устава» отрицательно отразилось на положении инородцев. Возросло налоговое обложение каждой группы». Но в целом хозяйственное развитие сибирских народов после 1822 г. «подтвердило правильность направления, взятого «Уставом»²¹⁷.

Стремление рассматривать законодательство 1822 г. сквозь толщу социально-экономических процессов, в связи с ростом товарно-денежных отношений и формированием буржуазного уклада в Сибири – сильная сторона исследования Л.И. Светличной. Однако не все

²¹⁵ Дамешек Л.М. Ясачная политика... С. 64–65.

²¹⁶ Там же. С. 71–72.

²¹⁷ Там же. С. 72–73.

выдвинутые автором положения достаточно убедительны. Неправоммерно сводить причины ревизии и реформ 1819–1822 гг. только к фискальным потребностям казны, хотя значение этого фактора и было, видимо, немаловажным. Автор склонен переоценивать уровень развития капиталистических отношений в Сибири начала XIX в. Поэтому утверждение о союзе царизма с «обуржуазившейся верхушкой оседлых инородцев», будто бы закрепленном «Уставом» 1822 г., представляется, по меньшей мере, спорным. Л.И. Светличная не учитывает особенностей колониального положения Сибири. Поэтому тезис о «военно-феодальной эксплуатации» и «ограблении колониальных народов» не получает мотивировки²¹⁸. Ссылка на рост налогов малоубедительна. Из материалов, приведенных самим автором, явствует, что податное положение русского населения было выше инородческого. Несмотря на недостаточную аргументированность положений, работы Л.И. Светличной отличаются нешаблонным подходом и заслуживают внимания исследователей.

В 60-е гг. интересующий нас вопрос рассматривался в большой статье А.И. Парусова «Ревизия и реформа аппарата управления Сибири в 1819–1822 гг.». Статья примыкает к другим публикациям этого автора о местном управлении в России при Александре I. Работа основана на традиционных источниках и новых сведениях фактического порядка не дает.

Обратившись к содержанию статьи, обнаружим противоречивость авторской позиции. Начав с утверждения, что ревизия и реформы 1819–1822 гг. «явились значительным событием в истории местного управления в России», историк посвятил всю работу доказательству обратного. В конечном счете он пришел к выводу, что «ревизия Сперанского и последовавшая за ней реформа аппарата Сибири не произвели каких-либо радикальных изменений в крепостническом аппарате управления этой

²¹⁸ Дамешек Л.М. Ясачная политика... С. 72–73.

части Российской империи, но он был в какой-то степени усовершенствован и укреплен»²¹⁹.

Автор абстрагировался от социально-экономической обстановки в Сибири, и в этом, на наш взгляд, основной просчет историка. Предпосылки и содержание реформы рассматриваются А.И. Парусовым в чисто административной плоскости, хотя в работах советских исследователей уже были заложены основы более широкого подхода к проблеме. Что представляла собой Сибирь времен Сперанского; как выглядел классовый и сословный состав сибирского населения; каковы были главные тенденции экономического развития края; в каких переменмах объективно нуждалась Сибирь; осознавалась ли потребность изменений; в какой степени проведенные преобразования отвечали назревшим потребностям? Без ответа на эти и некоторые другие вопросы нельзя правильно понять место реформ 1822 г. в истории Сибири.

В построениях А.И. Парусова важную роль играет определение классового характера идеологии Сперанского. Историк не согласен с теми, кто видит в Сперанском представителя буржуазно-либерального течения. По его мнению, Сперанский в Сибири, как и в другие периоды своей деятельности, был только «выразителем интересов господствующего класса помещиков-крепостников и его политической диктатуры – царского самодержавия»²²⁰. Обсуждение вопроса о характере общественно-политических взглядов Сперанского выходит за рамки наших задач. Но если и согласиться с утверждением А.И. Парусова, это мало подвинет нас вперед. Ведь историк не делал даже попытки выяснить, в чем конкретно заключались интересы крепостников в Сибири, где не было ни помещичьего землевладения, ни крепостного права, где в административном аппарате дворяне составляли весьма немногочисленную прослойку. А.И. Парусов не учитывает и относительной самосто-

²¹⁹ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – начала XX века. Иркутск, 1986. С. 41, 92.

²²⁰ Там же. С. 91–92.

тельности самодержавия, его способности к социальному лавированию, к определенным уступкам в сторону буржуазного развития, к экономическому и политическому маневру. Конечно, Сперанский действовал в Сибири как агент царского правительства. Но ведь такими же агентами были и его предшественники, знаменитые «сибирские сатрапы».

Важным фактом историографии реформ 1822 г. является «История Сибири», которая представляет итог развития советского сибиреведения за полувековой период советской власти. Мы коснемся здесь только интересующих нас параграфов второго тома, автором которых является В.Г. Карцов²²¹.

Здесь следует оговориться, что освещение отдельной проблемы в рамках обобщающего труда имеет обычно свои плюсы и минусы, определенные характером такого издания. Данный случай не является исключением. Говоря о преимуществах, мы имели в виду, что впервые в нашей литературе реформы 1822 г. получили освещение как часть целостной концепции истории Сибири, показаны на широком фоне всей жизни восточной окраины. С другой стороны, автор и редакция стояли перед необходимостью тщательного отбора и ограничения конкретного материала, подачи его в оценочном плане. Требовать полноты и всесторонности изложения в этом случае, разумеется, нельзя. Наш разбор поэтому должен относиться к постановке и принципиальному решению проблемы.

«История Сибири» значительно шире, чем вся предшествующая литература по данному вопросу, вскрывает предпосылки реформ 1822 г. Дореволюционные исследователи сосредотачивали свое внимание на борьбе местных сил против административного произвола. Л.И. Светличная связывает преобразования Сперанского непосредственно с социально-экономическим развитием

²²¹ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 453–465.

Сибири, укреплением товарно-денежных отношений и ростками капитализма в крае. В методологическом отношении «История Сибири» стоит на более точных позициях, связывая предпосылки реформ не непосредственно с экономикой, а с обострившейся на ее почве классово-вой борьбой в целом по стране и в Сибири в частности. Влияние войн России с наполеоновской Францией на Сибирь, волнения в Ишимском округе в 1812 г., на Кольванских заводах в 1813 г., заговор в Томске в 1814 г. и другие проявления социального протеста в Сибири следует, бесспорно, рассматривать как важные причины, заставившие Петербург назначить ревизию сибирского управления и начать подготовку реформ. Следует, однако, отметить, что, стремясь избежать узко традиционной трактовки вопроса, В.Г. Карцов допустил, на наш взгляд, определенное упрощение. Он отказался от характеристики борьбы купечества и администрации, вследствие чего ближайшая причина ревизии не получила должного освещения. Автор совершенно правильно указывает на борьбу двух тенденций развития Сибири: феодально-охранительной и буржуазно-либеральной. Время управления Пестеля и Трескина ознаменовалось победой первой тенденции. Но в этом случае возникает вопрос: было ли генерал-губернаторство Сперанского и реформы 1822 г. победой буржуазно-либеральной тенденции или хотя бы благоприятным для нее компромиссом?

Поскольку В.Г. Карцов отказался от оценки роли местной буржуазии в общественной борьбе, развернувшейся в Сибири, он лишил себя возможности проследить отражение этой борьбы в реформах 1822 г.

Давняя традиция представляла Сперанского чуть ли не единоличным автором всего законодательства 1822 г. Как в специальной работе о Батенькове, так и в «Истории Сибири» Карцов убедительно доказал, что Сперанский привлек к подготовке реформы «местные силы», широко

использовал знания и опыт декабриста Г.С. Батенькова²²². Это, безусловно, важная заслуга исследователя. Вызывает, однако, удивление, что автор ограничился только упоминанием о расхождении между Батеньковым и Сперанским и отказался от раскрытия такого важного вопроса, как разница между первоначальными проектами преобразований и их законодательным оформлением в 1822 г. Это несколько умаляет сложность подготовки реформ. Думается, что автор имел возможность более широкого, чем это сделано в книге, сравнения проектов сибирских реформ с различными предложениями (в том числе декабристскими), относившимися к Сибири. Содержание проведенных реформ раскрыто автором с достаточной обстоятельностью, учитывая возможность издания. Как и большинство советских историков, Карцов особенно выделил из законодательства 1822 г. «Устав об управлении инородцев», разработанный в основном Г.С. Батеньковым. Он подчеркивает, что «Устав» решительно противостоит апартеистическим тенденциям Трескина и других представителей «феодално-охранительного направления». По характеристике автора, «Устав» «пресекал попытки местных властей изолировать коренное население Сибири от русского», способствовал развитию товарного ясака. «Устав» давал ясачным право отдавать своих детей в правительственные учебные заведения и открывать свои училища. Автор совершенно прав, когда утверждает, что это положение было глубоко прогрессивно для своего времени²²³.

Существенное значение имеет и то обстоятельство, что Карцов довольно обстоятельно изложил историю издания степных законов, которые должны были представлять собой ряд прогрессивных продолжений «инородческого Устава». На других составных частях реформы автор останавливается меньше, отмечая только, что ее «собственно-административная сторона... выглядит

²²² Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 458.

²²³ Там же. С. 459–461.

значительно консервативнее». Карцов показывает, что «Устав о ссыльных» был хоть и мизерной, но единственно возможной попыткой хоть чем-нибудь улучшить положение ссылаемых.

Отмечая слабые стороны административных реформ, Карцов в то же время указывает, что перед страной тогда стояла задача буржуазных преобразований и, «становясь на их путь, авторы реформы так или иначе содействовали социально-экономическому развитию Сибири». Не возражая в принципе против этого утверждения, считаем нужным отметить, что тезис о буржуазном характере реформ 1822 г. нуждается в более солидном фактическом обосновании.

Очерк реформы 1822 г., данный в «Истории Сибири», является по существу единственной сводной работой советских историков на эту тему. Он показывает достижения советской историографии и одновременно помогает понять, что тема на тот момент была далеко не исчерпана.

Следует отметить вклад в разработку проблемы реформ 1822 г. и авторов данной монографии. В середине 1980-х – 2000-х гг. они опубликовали ряд монографических исследований, в которых рассмотрели конкретные вопросы реформ Сперанского в Сибири²²⁴.

Зарубежная литература, в которой рассматривается деятельность Сперанского в Сибири, представлена несколькими монографическими исследованиями. Два из них принадлежат перу М. Раева, известного американского ученого. Глава VIII «Michael Speransky...» – об «управлении русскими провинциями» – посвящена в основном Сибири, а в следующей, IX главе рассматриваются «проекты реформирования провинциальной администрации». Именно эти разделы монографии потребовали от Раева

²²⁴ Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1983; Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – начала XX века. Иркутск, 1986; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 459–461; Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск: Отгиск, 2002.

дополнительного изучения Сибири, что вылилось в отдельную работу «Сибирь и реформы 1822 г.».

Прежде всего отметим, что оба исследования основаны на солидной источниковой базе. Автор хорошо знаком с российской литературой, свободно ориентируется в ней. Очевидно, это обстоятельство позволило ему с горечью заметить, что «поглощенные драматическими сюжетами революционного и идейного движения, историки перестали серьезно изучать государственно-политическую эволюцию» России XVIII–XIX вв. Именно данный вывод заставил Раева прежде всего поставить вопрос об эволюции системы управления русскими окраинами и России в целом.

Если в начальный период русской Сибири она интересовала правительство прежде всего как источник меха, то к началу XIX в. в связи с изменениями в экономике Сибири становилось совершенно очевидно, что она «может предложить нечто большее, чем некоторое количество дорогих мехов», и что она может стать «большим, чем принудительной резиденцией для преступников и нежелательных лиц»²²⁵. Изменение взглядов на роль Сибири происходило наравне с изменением общегосударственной философии. Раев решительно подчеркивает свое несогласие с теми, кто считает, что в «1905 г. самодержавие было тем же самым, что и после Петра Великого в 1725 г.» Идеи Сперанского, по мнению Раева, оказали исключительное влияние на политическую эволюцию России. Не случайно именно ему, «одной из наиболее крупных фигур в истории России XIX в.», Александр I поручил на примере Сибири выявить все недостатки и трудности управления отдаленными регионами²²⁶.

Основную причину ревизии Раев видит в упадке платежеспособности Сибири, прежде всего в сокращении ясачных поступлений пушнинаой. «До тех пор, пока

²²⁵ Raeff M. *Siberia and reforms of 1822*. Seattle, University of Washington press, 1956. 210 p. С. 244.

²²⁶ Там же. С. 252.

местные правители ухитрялись доставлять пушнину в должном количестве, центральная власть оставляла их в покое», — отмечает он.

Однако «отсутствие четких инструкций и правил деятельности» превратило сибирских губернаторов в «подлинных сатрапов». Отдаленность окраины от центра, отсутствие надзора и контроля, «ясно очерченных законов, норм и установленных гарантий» оставляли губернаторам «полную свободу действий»²²⁷.

Итоги преобразовательной деятельности Сперанского в Сибири Раев оценивает очень высоко. О значении «Сибирского учреждения» американский историк говорит следующее: «Реформированная система управления, которая была введена в 1822 г., оставалась без серьезных перемен — базисом политической, социальной и экономической жизни Сибири вплоть до конца режима империи в 1917 г.»²²⁸ С этим утверждением Раева трудно не согласиться.

В последней по времени появления монографии, принадлежащей перу Д. Стефана, вышедшей в Калифорнии в 1994 г., в комплексе рассматриваются основные вопросы истории Дальнего Востока от появления там первых русских землепроходцев до наших дней. Тем не менее в первых двух главах автор высказал некоторые суждения по интересующим нас вопросам.

Д. Стефан прежде всего отметил, что по мере расширения территории русского государства, входящая в его состав новых окраинных земель, перед московским правительством прежде всего встала задача организации системы управления и административного устройства на новых территориях. Уже с самого начала «Москва пыталась усилить контроль в Сибири» путем деления этой территории на маленькие остроги, сменой воевод и насаждением бюрократического принципа соподчиненности

²²⁷ Raeff M. *Siberia and reforms...* P. 244.

²²⁸ Raeff M. *Siberia and reforms...* P. 260.

местных администраторов²²⁹. Не имея перед собой задачи специального изучения истории административного устройства на Востоке России, Д. Стефан тем не менее метко подмечает, что Пестель был на посту генерал-губернатора более 10 лет и, проводя большую часть этого времени в Петербурге, оставил по себе недобрую память. Сперанский же «в течение короткого периода управления Сибирью» «представил рациональные идеи просвещения в сибирскую администрацию»²³⁰. Цель этих «рациональных» идей Стефан видит прежде всего в четкой регламентации прав и обязанностей представителей местной администрации, в разделении функций и полномочий различных ветвей и ступеней властных органов²³¹.

Таким образом, на сегодняшний день потребность в новой монографической разработке вопроса о реформах 1822 г. ощущается достаточно явственно. Проводившееся в последнее время углубленное изучение вопросов внутренней политики имперского правительства открывает возможность нового подхода к теме. Следует указать, что интерес к преобразованиям Сперанского объясняется не только значимостью их содержания, но и тем обстоятельством, что реформы 1822 г. так или иначе связаны с проблемой реформирования аппарата власти в современной России. Изучение исторического опыта организации взаимоотношений центра и периферии в области управления и административного устройства приобретает несомненную общественно-политическую актуальность и практическую значимость.

2. У истоков имперского регионализма

Имперская тема в целом, как и ее составные части – имперское управление, взаимоотношение имперского

²²⁹ Stephan J.J. The Russian Far East. A History. Stanford University Press. Stanford, California, 1994. 481 p. С. 21–22.

²³⁰ Там же. С. 18–39.

²³¹ Там же. С. 39.

центра и регионов – переживает эпоху ренессанса в России и за рубежом. Имперский подход актуализировался в связи с мировыми процессами глобализации, а также как своего рода альтернатива национальной истории, когда идея национального государства подверглась серьезным испытаниям на Балканах и на бывшей территории СССР. В появившихся в последние два десятилетия перспективных исследованиях по имперской проблематике одно из важных мест занимает изучение имперской идеологии и практики. Однако мы по-прежнему в начале пути, и история России как империи все еще не написана. В этом ряду нерешенных задач «новой имперской истории» стоит и история одного из самых крупных регионов Российской империи – Сибири. «Сибирский вопрос» в Российской империи был в значительной мере лишь частным случаем окраинной политики, принципы и методы которой во многом зависели от господствовавших в то или иное время взглядов на природу взаимоотношений центра и регионов. Реальное содержание региональной политики определялось сложным сочетанием не только ведомственных и территориальных интересов, но и соотношением сил «централистов» и «регионалистов» в центральном и местном аппарате управления. Заметное влияние на региональную политику и региональные общественные настроения оказывали западные теоретические конструкции и западный опыт управления. В определении основ окраинной политики самодержавие постоянно находилось перед выбором: ввести общегосударственную систему управления или предоставить регионам некоторую административную автономию. Признание их особого статуса в составе империи вело к законодательному закреплению их отдельности. Именно поэтому в силу своей сложности и вариативности изучение истории Российской империи неизбежно требует не только национального, но и регионального измерения. Отдельные регионы в силу их специфики (времени вхождения в состав империи, географических и природно-климатиче-

ских факторов, различной удаленности от имперского центра, этнического и конфессионального состава населения, уровня социально-экономического развития, влияния внешнеполитического окружения) представляли разные варианты протекания имперских процессов. С управленческой точки зрения Российская империя представляла собой сложно организованное государственное пространство. Его длительная устойчивость объяснима именно с позиции поливариантности властных структур, многообразия правовых, государственных, институциональных управленческих форм, асимметричности связей различных народов и территориальных образований. И чем больше правительство добивалось успехов на путях централизации и унификации управления (к чему оно, несомненно, стремилось), тем более оно теряло гибкость и становилось неповоротливым, неспособным эффективно и адекватно реагировать на быстро меняющуюся политическую и социально-экономическую конъюнктуру, отвечать на национальные и модернизационные вызовы.

Культурное, конфессиональное и этническое разнообразие империи имело свое региональное измерение, существовавшее в реальной политике и плохо представленное в российской правовой и исторической мысли. Известный правовед Б.Э. Нольде подчеркивал, что русское право «никогда само не разбиралось систематически в том, что оно здесь [на окраинах] творило., наше право знало лишь отдельные земли и индивидуально характеризовало их отношение к целому русско-го государства»²³². Путь отыскать «осуществление одной и той же государственно-правовой мысли», полагал он, «лежит через изучение каждой из автономных земель, взятой в отдельности». Это касалось и необходимости учета особенностей окраин при организации их управ-

²³² Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 280–281. Сам Б.Э. Нольде одним из первых попытался дать комплексную характеристику Российской империи. Nolde B. La formation de l' Empire russe. Paris, 1952–1953. Vol. 1–2.

ления при ясном понимании того, что административной политике самодержавия на окраинах были присущи некоторые общие принципы, характерные в целом для российского государственного управления. «Кость от кости и плоть от плоти общерусского управления, – подчеркивал исследователь истории управления Сибири С.М. Прутченко, – система сибирского управления находилась в непосредственной зависимости от того, в какой мере представлялись разрешенными в коренных областях государства те трудности, которые неразлучны с постановкой управления слагающегося государства»²³³. Вполне разделяя высказанные известными предшественными исследователями вопроса суждения, авторы, по согласованию с редакцией, предлагают вниманию читателей настоящего «вестника» цикл статей, посвященных проблемам имперского регионализма в России XVIII – начала XX вв.

В истории Российской империи первый опыт разработки законодательства, основанного на географических, природно-климатических факторах, этнических, конфессиональных, внешнеполитических и иных особенностях региона, связан с именем М.М. Сперанского, 195-летие со дня назначения которого сибирским генерал-губернатором отмечается в марте сего года.

Среди выдающихся государственных деятелей России XIX в. одно из первых мест несомненно принадлежит М.М. Сперанскому. Безвестный выходец из «жеребьячьего» сословия, благодаря природному уму и трудолюбию Сперанский в короткий срок сделал блестящую карьеру, познав высочайшие взлеты и горечь падения, оставив по себе память признанного реформатора и выдающегося юриста. По воле судеб оказавшись в марте 1819 г. генерал-губернатором в огромном зауральском крае, Сперанский и здесь занялся реформами, благотворное влияние которых сибиряки ощущают и сегодня.

²³³ Прутченко С.М. Сибирские окраины. СПб., 1899. Т. 1. С. 5–6.

Бескорыстное стремление к благу страны надолго остается в людской памяти!

Сибирским генерал-губернатором Сперанский был назначен указом Александра I от 22 марта 1819 г. Одновременно с этим Сперанскому, находившемуся в то время в опале и занимавшему скромный пост пензенского губернатора, была поручена ревизия огромного уральского края. Вместе с царским рескриптом 31 марта с фельдъегерем М.М. Сперанскому были доставлены в Пензу письма (частное и официальное) А.А. Аракчеева, выписка из положения Комитета по делам Сибирского края, инструкция для ревизии и еще ряд бумаг²³⁴. Не касаясь здесь вопроса о причинах и реакции современников на назначение Сперанского, отметим, что сам М.М. Сперанский принял назначение в Сибирь без энтузиазма: Хотя М.М. Сперанский и был назначен генерал-губернатором, но его пребывание в крае было оговорено как временное – год – полтора. Получив назначение, он отчетливо сознавал, что управлять Сибирью при существующем порядке вещей невозможно. «Как вы могли себе представить, – писал М.М. Сперанский 13 мая 1819 г. А.А. Столыпину, – что я пущусь управлять Сибирью, коею никто и никогда управить не мог?»²³⁵. Впрочем, и само царское правительство пришло к пониманию, что улучшение не наступит без изменения системы управления. Александр I предписал М.М. Сперанскому наряду с ревизией «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края и сделать оному начертание на бумаге»²³⁶.

М.М. Сперанский воплощал в себе идеальный тип бюрократа-реформатора, основные черты которого под-

²³⁴ ОР РНБ. Ф. 731. № 479. Л. 1. Ход ревизии и ее результаты хорошо известны. См.: Фатеев А. Сперанский – генерал-губернатор Сибири. Прага, 1942. Вып. II (Управление Сибирью); Дамешек Л.М., Кузнецов А.С. Сибирская реформа 1822 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 3. Иркутск, 1973; Чибираев С.А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М., 1989 и др.

²³⁵ Русский архив. 1871. № 4. С. 462.

²³⁶ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. С. 175–176.

метил еще С.М. Середонин: «своеобразная универсальность, энциклопедичность, гибкость характера и ума, удивительная работоспособность и самоуверенность»²³⁷. Оказавшись в Пензе губернатором, он смог сверх своих значительных теоретических познаний приобрести практический опыт местного управления, на себе почувствовать все пороки губернской администрации. Здесь у М.М. Сперанского созрел свой подход к реформированию местного управления. В лучшем устройстве губернских учреждений ему виделся способ улучшить управление в стране в целом, предварить административными преобразованиями реформы политические, дабы избежать серьезных потрясений. «Словом, – считал он, – добрая администрация есть первый шаг, а в администрации правила и учреждения занимают первое место; выбор и наряд исполнителей – второе; следовательно, начинать с них есть начинать дело с конца»²³⁸.

Как бы предвосхищая свои ближайшие действия в Сибири, М.М. Сперанский писал еще 21 мая 1818 г. А.А. Столыпину о необходимости прежде назначения генерал-губернатора дать этому лицу поручение на правах сенатора-ревизора познакомиться с краем, изучить его, а затем уж – представить свои соображения верховной власти. «Сие было бы, – заключал он, – средством начать исправление с истинных его оснований. В полгода сим образом более можно было сделать истинного добра, нежели в целый век работы отрывочной и случайной; из чего можно бы было вывести самое благотворное и обширное учреждение»²³⁹. Этим сибирская ревизия М.М. Сперанского существенно отличалась от многочисленных сенаторских ревизий, направленных на выявление и устранение недостатков и злоупотреблений, а не на перестройку самой системы управления.

²³⁷ Середонин С.М. Граф М.М. Сперанский. СПб., 1909. С. 118.

²³⁸ М.М. Сперанский – В.П. Кочубею. 21 сент. 1818 г. // Цит. по: Томсинов В.А. Светило российской бюрократии. М., 1991. С. 243.

²³⁹ Цит. по: Фатеев А. Сперанский – генерал-губернатор Сибири. Прага, 1942. Вып. I. (Пензенское губернаторство, как ступень к сибирскому генерал-губернаторству). С. 28–29.

Отличалась ревизия М.М. Сперанского и хорошей организацией. Основная работа была сосредоточена в канцелярии сибирского генерал-губернатора, куда М.М. Сперанскому удалось привлечь несколько талантливых сотрудников (в их числе был и будущий декабрист сибиряк Г.С. Батеньков). Канцелярия разделялась на четыре отделения, в которых дела распределялись по отраслевому принципу: I отделение занималось делами по министерствам полиции и юстиции; II отделение – по министерству финансов; III отделение по министерствам внутренних дел, духовных дел и народного просвещения, а также иностранных дел; IV отделение – по военному министерству²⁴⁰. Однако общий состав чиновников оставался неудовлетворительным. М.М. Сперанский жаловался, что не может даже «составить своей канцелярии» и должен довольствоваться теми сотрудниками, которых в основном подыскал в Сибири. Значительную часть работы ему пришлось проделать самому. Он зачастую не мог положиться на своих подчиненных не только по их неспособности («кому у меня писать, когда и переписать даже некому»), но и по враждебности некоторых из них, объясняемой приверженностью к прежнему сибирскому правлению²⁴¹.

М.М. Сперанский лично объехал большую часть Сибири, посетил кроме губернских городов Омск, Верхнеудинск, Кяхту, Семипалатинск и др. Для расследования наиболее сложных и запутанных дел в отдельных местностях были учреждены специальные комиссии: Нижнеудинская, Верхнеудинская, Иркутская. Специальные чиновники были отправлены с ревизией в Нарым, Туруханск и Киренский уезд, были подготовлены записки о состоянии дел в Охотско-Камчатском крае. Ревизия выявила вопиющие случаи произвола, казнокрадства и взяточничества. Но решимость карать виновных у М.М. Сперанского улетучивалась по мере продвижения на

²⁴⁰ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 351. Л. 2–4.

²⁴¹ Вагин В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 133.

восток. В.И. Вагин отмечал, что «жалоб на лихоимство было так много, а законы против него так жестоки, что М.М. Сперанский решился исключить слово взятки из сибирской ревизии»²⁴². В итоге – два губернатора (томский и иркутский) и 48 чиновников были отданы под суд, 681 человек оказались замешанными в противозаконных действиях (в том числе 174 чиновника и 256 «инородческих начальника»). Сумма взысканий простиралась до трех миллионов рублей. И.Б. Пестеля же обвинили лишь в том, что он, находясь в Петербурге, передоверил управление своим подчиненным, и поэтому ограничились удалением его от службы.

Наиболее важную причину М.М. Сперанский видел в несоответствии образа управления условиям Сибири. Непосредственное знакомство с краем укрепило М.М. Сперанского в мысли, что «различие между Сибирью и внутренними губерниями столь велико, что никакое учреждение, для сих губерний изданное, не может быть свойственно Сибири без значительных изъятий и применений»²⁴³. Недостатки, заложенные в самом «Учреждении о губерниях» 1775 г., считал он, в Сибири усиливались отсутствием дворянства, большими расстояниями, малочисленностью населения, недостатком чиновников и отсутствием действенного надзора за администрацией²⁴⁴. В отчете о ревизии специально подчеркивалась необходимость установления законности в сибирском управлении, четкой организации государственного механизма.

Уже к январю 1820 г. (а прибыл он в Сибирь в мае 1819 г.) М.М. Сперанский посчитал свою миссию выполненной и доложил царю, что ему «делать в Сибири совершенно нечего. Управлять ею невозможно; к сему надобны люди и другой порядок»²⁴⁵. Несмотря на это, он пробыл в Сибири еще год. По возвращении М.М. Сперанского в

²⁴² Вагин В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 108.

²⁴³ Прутченко С.М. Указ. соч. Т. 2. С. 23.

²⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 637. № 784. Л. 103.

²⁴⁵ Письма Сперанского к дочери... С. 104.

Петербург для рассмотрения его отчета и плана реформ 21 июня 1821 г был создан I Сибирский комитет²⁴⁶. Деятельности особых комитетов по управлению окраинами империи, в том числе и Сибирских, авторы предполагают посвятить следующую статью. Здесь же отметим, что при поддержке влиятельных членов Сибирского комитета министра внутренних дел В.П. Кочубея, министра народного просвещения и духовных дел А.Н. Голицына, а главное всесильного А.А. Аракчеева М.М. Сперанскому удалось быстро провести через Сибирский комитет свои реформаторские проекты.

В день рождения А.А. Аракчеева (23 сентября) М.М. Сперанский отправил ему «вместо дара» только что отпечатанное «Сибирское учреждение» со словами благодарности: «Уверен, что вам приятно будет взглянуть, в свободные минуты, на дело, которое вам большею частию обязано успешным его движением и совершением»²⁴⁷. За короткий срок (с 28 июля 1821 г. по 19 мая 1822 г.)²⁴⁸ в Сибирском комитете был рассмотрен целый пакет законодательных актов. Всего 22 июля 1822 г. было утверждено царем 10 законов, составивших особое «Сибирское учреждение» («Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцев», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городских казаках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами»)²⁴⁹.

Комплекс законов 1822 г., вошедший в литературу вопроса под названием «Сибирского учреждения» или

²⁴⁶ Окунь С.Б. Сибирский комитет // Архивное дело. 1936. № 1. С. 92–103.

²⁴⁷ Корф М.А. Указ. соч. Т. 2. С. 266.

²⁴⁸ В дневнике М.М. Сперанского 28 июля 1821 г. записано, что состоялось первое заседание Сибирского комитета, а уже 10–13 апреля 1822 г. – об окончании работы над «Сибирским учреждением» (ОР РНБ. Ф. 731. № 42. Л. 2, 21).

²⁴⁹ Кюдан С.В. М.М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX в. Иркутск, 1988.

«сибирских реформ» 1822 г., является по-своему уникальным памятником законодательного творчества империи. Итоговый пакет документов в окончательном виде включает в себя 10 законопроектов, состоящих их 4019 параграфов и отличается исключительно высоким для своего времени качеством проработки правового материала. Мотивы, характерные для политики имперского регионализма, наиболее отчетливо проявились в двух документах этого уникального законодательного комплекса – «Учреждении для управления Сибирских губерний» и «Уставе об управлении инородцев». «Сибирское учреждение» – это не просто территориальная привязка юридических норм империи к определенной территории, а концентрированное выражение политики государства применительно к данному региону. Вот почему в обоих законах нашли отражение принципы формирования регионального государственного устройства как на общеимперском, местном, так и на обычно-правовом уровнях. Об этом свидетельствует не только внутренняя структура документов, но и само название и содержание конкретных статей этих законов.

Они содержат такие важные с точки зрения юриспруденции понятия, как «территория», «законодательство», «управление», «устройство», «сословие». Не случайно уже первые статьи «Сибирского учреждения» содержат определение географических рамок Западной и Восточной Сибири, характеристику различных уровней управления регионом²⁵⁰, а в «Уставе об управлении инородцев» прежде всего дается юридическое и экономическое обоснование необходимости введения нового сословия в России – «сибирских инородцев», разделения их на разряды – оседлых, кочевых и бродячих, – определяются права и обязанности каждого из разрядов²⁵¹.

Необходимо подчеркнуть, что сибирское законодательство 1822 г., как и ряд иных нормативных актов по

²⁵⁰ ПСЗ-1, Т. 38. № 29125. § 1–8.

²⁵¹ Там же. № 29126. § 1–4.

управлению окраинами империи, например, конституция Польши 1815 г., законы первой половины XIX в. об управлении Кавказом и Финляндией, несли в себе черты как прагматизма, так и толерантности. Они были призваны не только теснее увязать окраинные территории с историческим ядром государства, но и обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность этих территорий, их социальную стабильность в рамках империи. Иными словами, при разработке отмеченных нормативных актов приоритет отдавался решению геополитических задач при одновременном стремлении законодателя интегрировать региональную систему управления в общегосударственные механизмы власти.

Корпоративный анализ нормативных актов империи по управлению окраинными территориями позволяет утверждать, что региональное законодательство не только не нарушало государственное устройство России, но наоборот дополняло и корректировало его в соответствии со сложными внутри- и внешнеполитическими задачами, стоящими перед многонациональным государством.

Согласно «Сибирскому учреждению» 1822 г., Азиатская Россия разделялась на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское с центром в Тобольске и Восточно-Сибирское с центром в Иркутске. К Западной Сибири были отнесены Тобольская, Томская губернии и Омская область, к Восточной Сибири – Иркутская, вновь образованная Енисейская губерния, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления и Троицкосавское пограничное управление. Губернии делились на округа, а последние – на волости и инородные управы.

Разделение Сибири на две большие административные группы не было совершенно новой идеей. Отчасти это было возвращением к прежней административной практике Тобольского и Иркутского наместничеств. В отчете о ревизии М.М. Сперанский ссылался как на прежний опыт, так и на рекомендации известных ученых П. Пал-

ласа и И. Гмелина. При обосновании разделения Сибири на две части законодатель постарался учесть целый ряд факторов: невозможность управлять краем из одного регионального центра, естественно-географические условия, численность, размещение и этнический характер населения, развитие торговли и промышленности, горного промысла, снабжение продовольствием, пограничное управление.

Если задача установления законности в управлении, по мнению М.М. Сперанского, достигалась созданием ряда особых сибирских уставов и положений, то вторая задача предусматривала создание такой административной системы, которая бы смогла сдерживать личный произвол в управлении. Г.С. Батеньков определял эту задачу как стремление поставить генерал-губернатора в правовые рамки, разделить «власть и исполнение».

Существенной особенностью генерал-губернаторского управления в Сибири стала реализация в виде Советов Главных управлений, губернских и окружных советов идеи создания при территориальных начальниках коллегиальных совещательных органов, которые бы корректировали действие единоличной власти. Совет Главного управления учреждался под председательством генерал-губернатора, в его состав входили три члена от министерств (внутренних дел, юстиции и финансов) и три члена в качестве производителей дел, назначаемых по представлению генерал-губернатора. М.М. Сперанский в начале планировал довольно широкий состав Совета, предлагая кроме вышеназванных советников включить в него представителя военного министерства (начальника внутренней стражи), окружного начальника путей сообщения, губернатора, председателей основных губернских учреждений, прокурора. Но в окончательной редакции проекта он отказался от этой мысли. Небольшой состав совета показался предпочтительней, чтобы обеспечить более высокую оперативность в обсуждении дел.

Отказ от выборного начала при формировании сибирских советов разных уровней управления М.М. Сперанский объяснял отсутствием в Сибири дворянства и достаточного количества купечества. Основной задачей Главного управления должно было стать осуществление общего надзора за деятельностью местной администрации. Совет Главного управления имел лишь совещательные функции, и генерал-губернатор не был связан его решением. При разногласии генерал-губернатора с Советом по этой категории дел высшей инстанцией выступал уже Сенат. Но все это были весьма робкие попытки юридически ограничить произвол генерал-губернаторов. Создание Советов Главных управлений не было в чистом виде возвращением к коллегиальности в местном управлении, это была бюрократическая комбинация, в которой мнения членов без труда поглощались высшей властью председателя.

Аналогичная Главному управлению модель устанавливалась на губернском и окружном уровнях. В губерниях различалось так называемое общее и частное (отраслевое) управление. В губернский совет под председательством губернатора вошли председатели губернских учреждений и губернский прокурор. Упразднялась должность вице-губернатора, он превращался в председателя казенной палаты. Вторым же лицом в губернии после губернатора теперь стал председатель губернского правления. М.М. Сперанский именовал губернатора «хозяином» губернии и предпринял конкретные шаги к объединению частных управлений в губернии, «чтоб части сии одна другой способствовали, и чтоб весь состав губернского управления представлял нечто целое и совокупное»²⁵².

Существенной функцией губернатора и губернского совета являлся надзор над всей губернской и окружной администрацией. В непосредственной власти губернатора оставались наиболее важные вопросы управления,

²⁵² Там же. С. 85.

надзора и даже судопроизводства. Основным средством надзора губернатора оставались обозрения губернских и окружных учреждений и ревизия делопроизводства в них. От него фактически зависело назначение и увольнение большинства чиновников в губернии, представление их к наградам. Губернатору было предоставлено право пересмотра уголовных дел, закрепляющее вмешательство администрации в судебный процесс. Все вышеизложенное свидетельствовало о преимущественном положении в управлении полиции, подведомственной губернатору и губернскому правлению.

Областные учреждения являлись по сути приспособлением губернского управления к местным условиям²⁵³. Уезды в Сибири были переименованы в округа. В зависимости от количества населения окружные и городские управления делились на три категории: многолюдные, средние и малолюдные. Лишь в многолюдных округах и городах предусматривался полный набор учреждений.

В своих планах дать для Сибири особое управление М.М. Сперанский опирался как на общие идеи об устройстве государственного управления, так и на частные предложения об исправлении сибирского административного аппарата. М.М. Сперанский не собирался ограничивать генерал-губернаторскую власть в Сибири, значение силы и самостоятельности которой он вполне сознавал. Он намеревался строить эту власть на несколько иных принципах: законность, разделение и единство власти, создание противовесов единоличной власти на всех уровнях управления. Осторожность, умение лавировать, учитывать всевозможные влияния и мнения — эти качества всегда были присущи М.М. Сперанскому. Опала и Сибирь лишь обострили их.

Главным итогом ревизии и реформ Сперанского применительно к народам края стал «Устав об управлении

²⁵³ Кузнецова Е.А. Область как единица административно-территориального деления Сибири в 1822–1858 гг. // История и общество в панораме веков: Материалы Всесоюзной Байкальской исторической школы. Иркутск, 1990. С. 35–39.

инородцев» – один из важнейших памятников законодательной деятельности империи в Сибири, разработанный на основе учета геополитических, этнических и иных особенностей Азиатской России. «Устав» свидетельствует об известной гибкости правительственного курса, понимании им особой роли государства и его институтов в организации жизни подвластного населения, дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводила империя народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин государства. «Устав» 1822 г. явился самым широким законодательным актом правительства по отношению к народам Сибири. Он действовал вплоть до начала XX столетия, регламентируя все стороны жизни коренного населения: экономическую, административную, судебную-правовую и культурно-бытовую.

В соответствии с «Уставом» 1822 г. коренное население Сибири делилось на три разряда: «оседлых», «кочевых» и «бродячих». В основу деления был положен принцип хозяйственного развития. Поразрядная система обуславливала и гражданское состояние аборигенов, причем «оседлые инородцы» приравнивались к сословию государственных крестьян во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской.

«Кочевые» приравнивались к крестьянам в налоговом отношении, но сохраняли самостоятельность в управлении и суде. На «бродячих жителей» распространялись правила, «для кочующих постановленные». Допускались лишь незначительные исключения из этих правил. Конечной целью поразрядной системы был переход «бродячих» в оседлых. Это отражало финансовые интересы империи, так как подобный перевод сопровождался возведением аборигенов в более высокий податный оклад государственных крестьян. Наряду с этим поразрядная система преследовала и русификаторские цели. Однако нельзя не отметить, что «приравнивание» народов Сиби-

ри к русскому населению имело и прогрессивное значение. Задача постепенного перехода бродячих и кочевых племен в оседлые была основана на успехах в хлебопашестве, а распространение земледелия в хозяйстве коренного населения уже само по себе было положительным явлением.

Законодательство 1822 г. предусматривало обязательное наделение землей «инородцев» всех разрядов, как подданных государства. Организацию управления народов Сибири авторы «Устава» стремились построить на основе учета некоторых национальных особенностей нерусского населения края. Органы самоуправления кочевых народов разделились на три ступени: низшая – родовое управление, средняя – инородная управа, высшая – степная дума. Должностные лица в состав «инородческого» управления избирались на общем собрании, к участию в котором допускались все члены общины.

Хозяйственная деятельность управления касалась прежде всего сбора налогов и податей. Судебные функции состояли в разборе незначительных гражданских дел. Суд и расправа производились на основе законов обычного права, кодификация которого предусматривалась «Уставом». Политические и криминальные дела подлежали разбирательству русскими чинами.

«Устав» сохранял почетные звания кочевников. «Звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным», – говорилось в «Уставе». Принцип наследственности допускался и при замещении должностных лиц на выборах. В случае отсутствия прямого наследника разрешалось избрание ближайшего родственника.

Сохраняя, таким образом, патриархально-феодалные отношения, «Устав» в ряде случаев отходил от принципа наследственности, давал определенную свободу выборному началу.

Самодержавие в своей политике по отношению к народам Сибири по-прежнему опиралось на феодальную

верхушку «инородческого» общества. Предоставляя «почетным инородцам» различные льготы и привилегии, царизм стремился заручиться их поддержкой. Указом Сибирского Комитета от 1 ноября 1832 г. «инородцы», пользующиеся правами личного дворянства, и их дети освобождались от уплаты ясака. В целом «Устав» ослаблял патриархально-феодалные отношения, но не уничтожал их.

«Устав» предусматривал ряд протекционистских мер по отношению к торговле. Вводился принцип свободной частной торговли с сибирскими «инородцами». Свободная торговля разрешалась не только на сугланах и ярмарках, но и в русских городах и селениях. В целях пресечения различного рода злоупотреблений запрещалась торговля чиновников с коренным населением.

Правительство понимало, что без успешного развития торговли в условиях упадка роли и значения пушного промысла бездоимочное взимание податей и повинностей с населения края становилось невозможным. Поэтому в «Уставе» 1822 г. делалась попытка, не изменяя патриархально-феодалной основы «инородческого» общества, учесть те буржуазные тенденции, которые уже обозначились в первой четверти XIX в.

Стремясь поднять платежеспособность «инородцев», Сперанский попытался на основе поощрения буржуазных начал построить налоговое обложение аборигенов. Тем самым делалась попытка оградить их от злоупотреблений со стороны чиновников, столь обычных при приеме в ясак «мягкой рухляди». В «Уставе» отмечалось, что «казенные комиссионеры... на ярмарках инородцев выдерживают цены наравне с прочими покупателями». Наряду с денежными взносами разрешалось сдавать ясак пушниной, которая при оценке делилась на два сорта: «обыкновенную» и «дорогую».

«Устав» регламентировал государственные, земские, уездные и частные сборы. Подчеркивая самобытность народов Сибири, автор «Устава» оговорился, что «никакой

новый общий по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет предписано».

Приравнивая кочевых «инородцев» к крестьянскому сословию в гражданских правах, «Устав» сближал их и в налоговом обложении. «Кочующие инородцы участвуют в общих по губернии повинностях», – гласил документ. Кроме того, они должны были содержать за свой счет и родовое управление.

Подробное исчисление всех сборов составлялось гражданским губернатором или областным начальником и утверждалось генерал-губернатором. Сборы на содержание родового управления производились на основании общественных приговоров, а на земские повинности – на основании особого положения, выработанного «местным главным управлением». Для точного учета всех сборов вводились специальные «шнуровые книги», хранившиеся в земском суде.

Специальная глава «Устава» была посвящена взысканию недоимок, но и тут реформатор стремился ограничить вмешательство администрации. Недоимки надлежало взыскивать «не иначе, как на ярмарках и суглавах». Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами, как «настоятельное убеждение», задержание старосты или его сына, ближайшего родственника, задержание части пушнины, предназначенной для продажи.

Ряд статей «Устава» был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии «Устав» стоял на позициях веротерпимости. Реформатор отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства. «Земское начальство обязано не допускать стеснения инородцев под предлогом обращения в христианскую веру», – говорилось в «Уставе». Некрещенные «инородцы» получали «свободу отправлять богослужение по их закону и обрядам». Вместе с тем «Устав» подчинил «иноверческое духовенство... местной полиции

наравне с прочими инородцами». Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но вместе с тем «Устав» не наделял никакими привилегиями крестившихся «инородцев». Уже позднее, в 1832 г., последовало предписание Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступающих в христианскую веру».

Устав предоставлял ясачным право отдавать детей в правительственные учебные заведения и открывать свои училища. Школа, полностью подконтрольная государству, рассматривалась как важный составной элемент политики русификации нерусского населения. Однако в подобных действиях правительства нельзя не видеть и известный социокультурный аспект, связанный с приобретением народов Сибири к грамотности и русской культуре в целом. Таковы основные положения «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в области хозяйственной, административной, судебной и культурно-бытовой.

В итоге отметим, что разработанный М.М. Сперанским «Устав об управлении инородцев» стал первым в России сводом комплексного регионального законодательства, разработанного для одного из самых обширных регионов империи. Он появился в то время, когда в России, за исключением ее западных окраин, действовали общие для империи юридические нормы, регламентирующие права и обязанности населения и рассеянные в бесчисленном множестве указов.

Устав имел ряд недостатков, на что в ходе его реализации не раз указывали сибирские чиновники различного ранга. Тем не менее этот закон вплоть до конца XIX в. закрепил основные принципы административной, финансовой, национальной политики империи применительно у сибирским аборигенам. Он стал первым в империи опытом разработки и принятия свода законов, основанного на национальных традициях и особенностях народов Азиатской России.

Одним из важных последствий ведения Устава 1822 г. в практику стала кодификация норм обычного права сибирских народов, что и предусматривалось М.М. Сперанским. В итоге было создано два законодательных памятника – «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и «Сборник обычного права Сибирских инородцев для Западной Сибири».

До присоединения к России народы Сибири не знали письменных законов. Общественная жизнь регулировалась на основе обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение. С течением времени эти традиционные нормы, правила поведения, взаимоотношения внутри рода и т. д. приняли нормы права. Кодификацию норм обычного права народов Сибири и предусматривал Устав Сперанского. Сама идея кодификации отражала существующее на тот момент стремление правительства в своей практике взаимоотношения с сибирскими «инородцами» учитывать традиционные институты власти аборигенов, их права и обычаи. Полное подчинение народов Сибири действию общероссийского законодательства авторам Устава казалось абсолютно невозможным.

Началом работ по кодификации стало распоряжение губернской администрации о переводе «Устава» Сперанского на «инородческие» языки. Затем в губернских городах были образованы специальные комитеты по сбору сведений о юридических нормах аборигенов. Сбор сведений осуществлялся в соответствии с программой, разработанной в Петербурге. В качестве информаторов выступали представители родовой знати. По полноте собранных сведений выделяется проект Иркутской губернии, который в первоначальной редакции насчитывал 844 параграфа и подразделялся на 52 главы. В 1825 г. все собранные материалы были представлены на обсуждение в Сибирский комитет. Дальнейшая судьба идеи кодификации норм обычного права «инородцев» весьма показательна. Она свидетельствует о противоречивости взглядов, существовавших в высших правительствен-

ных инстанциях на будущее Сибири и ее населения в составе империи. По сути дела споры велись о путях инкорпорации Сибири в общероссийскую государственную и экономическую систему. Камнем преткновения стал вопрос о земле. Чиновники второго отделения императорской канцелярии настаивали на включении в проект положения о признании верховных прав казны и Кабинета на инородческие земли. Противоположного мнения придерживался начальник этого отделения Д.Н. Блудов. Опасаясь возможных волнений аборигенов в далекой и пока плохо управляемой Сибири, он предложил исключить это положение из проекта свода законов. Правительство всерьез волновала и теоретическая возможность перекочевки части приграничных племен в Монголию и Китай. Это заставляло сановный Петербург с особой осторожностью рассматривать все проекты, касающиеся «крайних» народов.

Вопрос о кодификации норм обычного права народов Сибири в высших правительственных сферах – императорский Кабинет, императорская канцелярия, Государственный совет – обсуждался вплоть до конца 40-х гг. XIX в. В конечном итоге в 1847 г. правительство признало, что кодификация норм обычного права народов Сибири в том виде, как это предусматривал в 1822 г. Сперанский, будет «не полезным, а вредным». Она послужит лишь консервации наиболее отсталых юридических норм и родовых традиций аборигенов. За четверть века, прошедшую со времени принятия Устава, поток русских переселенцев в Азиатскую Россию существенно увеличился. Под влиянием контактов с русским населением в хозяйственной, общественной жизни и быту народов Сибири наметились значительные изменения. На это прямо указал вновь назначенный генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, предложивший управление «инородцами» подчинить общеимперскому законодательству.

В середине XIX в. обычное право для большинства народов было уже пройденным этапом. Сибирь все больше превращалась в край сплошной крестьянской колонизации. Правительство постепенно склонялось к мысли о необходимости ускорения темпов интеграции русского и коренного населения Сибири. Разногласия касались лишь вопроса о том, как эту меру осуществить.

Административные преобразования М.М. Сперанского обозначили определенный поворот в «окраинной» политике самодержавия, что свидетельствовало о признании необходимости установления для Сибири особой системы управления. Это была первая попытка подойти к проблемам управления огромным, богатым ресурсами краем комплексно, что указывало на определенное стремление выработать правительственную «концепцию Сибири».

Первая четверть XIX в. ознаменовалась обострением внимания самодержавия к организации управления окраинами. Появился целый ряд законодательных актов, предусматривавших широкий диапазон методов региональной политики: от федеративных принципов до простой деконцентрации административного аппарата. В 1809 г. были приняты особые законы для Финляндии, в 1815 г. – Царству Польскому была «дарована» конституция; автономное управление существовало в 1812–1828 гг. в Бессарабии; действовало особое законодательство по управлению Прибалтийскими губерниями; разрабатываются специальные положения об управлении Закавказьем, Оренбургским краем, Областью Войска Донского. В 1819 г. при Министерстве иностранных дел был учрежден Азиатский комитет, который, помимо внешнеполитических вопросов, занимался делами по управлению казахов. В русле этих преобразований следует рассматривать и административную политику самодержавия в Сибири. «Сибирский вопрос», таким образом, стал составной частью правительственных планов по реорганизации управления национальными окраинами и олицетворял собой «азиат-

ское» направление в административной политике царизма²⁵⁴.

Реформа государственного управления в Сибири, проведенная М.М. Сперанским, стала отражением правительственных поисков оптимального административного устройства регионального управления. В этом смысле она связана с целым рядом проектов, выдвинутых в начале XIX в., и находится в русле общих процессов перестройки системы государственного механизма. «Сибирское учреждение» 1822 г. вплоть до конца XIX в. определило основные принципы административно-территориального устройства региона. Преобразования М.М. Сперанского обозначили определенный поворот в «окраинной» политике самодержавия, что свидетельствовало о признании необходимости установления для Сибири особой системы управления. Это была первая попытка подойти к проблемам управления огромным, богатым ресурсами краем комплексно, что указывало на определенное стремление выработать правительственную «концепцию Сибири».

3. Сибирская реформа М.М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма

В июне 2017 г. исполнилось 195 лет со времени проведения известных реформ М.М. Сперанского в Сибири. Преобразования 1822 г. оказали существенное влияние на многие стороны жизни огромного зауральского края и в своих основных положениях действовали вплоть до падения империи в 1917 г. Не будет преувеличением утверждение о том, что отдельные положения административной реформы М.М. Сперанского 1822 г., например, разделение Сибири на Западную и Восточную и

²⁵⁴ Хоч А.А. Административная политика М.М. Сперанского в Сибири и «Устав об управлении инородцев» 1822 г. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1990. № 5. С. 41.

некоторые другие, в известной степени сохраняют свое значение и сегодня. За 195 лет, которые отделяют нас от изучаемой эпохи, накопилось немало документальных публикаций и исследований, посвященных деятельности М.М. Сперанского в Сибири. Историки, публицисты, мемуаристы неоднократно обращались к событиям 1819–1822 гг. Вокруг сибирской деятельности и реформ М.М. Сперанского шла, а отчасти и до сих пор идет оживленная дискуссия, высказываются различные оценки, сталкиваются идеи и мнения. Сибирская реформа 1822 г. стала, таким образом, заметной историографической темой, заслуживающей специального рассмотрения. Несомненно, требует особого прочтения и история создания в 1822 г. Советов Главных управлений Западной и Восточной Сибири, равно как губернских и окружных советов, их компетенция, состав, взаимоотношения с «главными начальниками края» и т. д. Все вышесказанное дает основания еще раз обратиться к оценке сибирских реформ М.М. Сперанского в той их части, которая в исторической литературе получила название «принципа имперского регионализма»²⁵⁵.

В истории Российской империи первый опыт разработки законодательства, основанного на географических, природно-климатических факторах, этнических, конфессиональных, внешнеполитических и иных особенностях региона, связан с именем М.М. Сперанского. За трехлетний срок пребывания в Иркутске Сперанским и его помощниками был разработан пакет из 10 законопроектов, вошедший в литературу вопроса под названием «Сибирского учреждения» или «сибирских реформ» 1822 г. Это «Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцев», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городских казаках», «Положение о земских

²⁵⁵ Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Ремнев А.В., Перцева Т.А. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. 262 с.

повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами»²⁵⁶.

Итоговый пакет документов в окончательном виде включает в себя 10 законопроектов, состоящих их 4019 параграфов, и отличается исключительно высоким для своего времени качеством проработки правового материала. Мотивы, характерные для политики имперского регионализма, наиболее отчетливо проявились в двух документах этого уникального законодательного комплекса – «Учреждении для управления Сибирских губерний» и «Уставе об управлении инородцев». В обоих законах нашли отражение принципы формирования регионального государственного устройства как на общеимперском, местном, так и на обычно-правовом уровнях. Об этом свидетельствует не только внутренняя структура документов, но и само название и содержание конкретных статей этих законов. Они содержат такие важные, с точки зрения юриспруденции, понятия, как «территория», «законодательство», «управление», «устройство», «сословие». Не случайно уже первые статьи «сибирского учреждения» содержат определение географических рамок Западной и Восточной Сибири, характеристику различных уровней управления регионом²⁵⁷, а в «Уставе об управлении инородцев», прежде всего, дается юридическое и экономическое обоснование необходимости введения нового сословия в России – «сибирских инородцев», разделения их на разряды – оседлых, кочевых и бродячих, – определяются права и обязанности каждого из разрядов²⁵⁸.

Необходимо подчеркнуть, что сибирское законодательство 1822 г., как и ряд иных нормативных актов по управлению окраинами империи, например, конститу-

²⁵⁶ Кодан С.В. М.М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX в. Иркутск, 1988. С. 114–123.

²⁵⁷ ПСЗ-И. СПб., 1830. Т. 38. № 29125. С. 345–394. § 1–8.

²⁵⁸ ПСЗ-И. СПб., 1830. Т. 38. № 29126. С. 394–417. § 1–4.

ция Польши 1815 г., законы первой половины XIX в. об управлении Кавказом и Финляндией, несли в себе черты как прагматизма, так и толерантности. Они были призваны не только теснее увязать окраинные территории с историческим ядром государства, но и обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность этих территорий, их социальную стабильность в рамках империи. Иными словами, при разработке отмеченных нормативных актов приоритет отдавался решению геополитических задач при одновременном стремлении законодателя интегрировать региональную систему управления в общегосударственные механизмы власти. Компаративный анализ нормативных актов империи по управлению окраинными территориями позволяет утверждать, что региональное законодательство не только не нарушало государственное устройство России, но наоборот дополняло и корректировало его в соответствии со сложными внутри- и внешнеполитическими задачами, стоящими перед многонациональным государством. Согласно «Сибирскому учреждению» 1822 г., Азиатская Россия разделялась на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское с центром в Тобольске и Восточно-Сибирское с центром в Иркутске. К Западной Сибири были отнесены Тобольская, Томская губернии и Омская область, к Восточной Сибири – Иркутская, вновь образованная Енисейская губерния, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления и Троицкосавское пограничное управление.

Губернии делились на округа, а последние – на волости и инородные управы. Разделение Сибири на две большие административные группы не было совершенно новой идеей. Отчасти это было возвращением к прежней административной практике Тобольского и Иркутского наместничеств. В отчете о ревизии М.М. Сперанский ссылался как на прежний опыт, так и на рекомендации известных ученых П. Палласа и И. Гмелина. При обосновании разделения Сибири на две части законодатель

постарался учесть целый ряд факторов: невозможность управлять краем из одного регионального центра, естественно-географические условия, численность, размещение и этнический характер населения, развитие торговли и промышленности, горного промысла, снабжение продовольствием, пограничное управление. Если задача установления законности в управлении, по мнению М.М. Сперанского, достигалась созданием ряда особых сибирских уставов и положений, то вторая задача предусматривала создание такой административной системы, которая бы смогла сдерживать личный произвол в управлении. Г.С. Батеньков определял эту задачу как стремление поставить генерал-губернатора в правовые рамки, разделить «власть и исполнение». Существенной особенностью генерал-губернаторского управления в Сибири стала реализация в виде Советов Главных управлений, губернских и окружных советов идеи создания при территориальных начальниках коллегиальных совещательных органов, которые бы корректировали действия единоличной власти.

Совет Главного управления учреждался под председательством генерал-губернатора, в его состав входили три члена от министерств (внутренних дел, юстиции и финансов) и три члена в качестве производителей дел, назначаемых по представлению генерал-губернатора. М.М. Сперанский в начале планировал довольно широкий состав Совета, предлагая кроме вышеназванных советников включить в него представителя военного министерства (начальника внутренней стражи), окружного начальника путей сообщения, губернатора, председателей основных губернских учреждений, прокурора. Но в окончательной редакции проекта он отказался от этой мысли. Небольшой состав совета показался предпочтительней, чтобы обеспечить более высокую оперативность в обсуждении дел. Отказ от выборного начала при формировании сибирских советов разных уровней управления М.М. Сперанский объяснял отсутствием в

Сибири дворянства и достаточного количества купечества.

Основной задачей Главного управления должно было стать осуществление общего надзора за деятельностью местной администрации. Совет Главного управления имел лишь совещательные функции, и генерал-губернатор не был связан его решением. При разногласии генерал-губернатора с Советом по этой категории дел высшей инстанцией выступал уже Сенат. Создание Советов Главных управлений не было в чистом виде возвращением к коллегиальности в местном управлении, это была бюрократическая комбинация, в которой мнения членов без труда поглощались высшей властью председателя.

Аналогичная Главному управлению модель устанавливалась на губернском и окружном уровнях. В губерниях различалось так называемое общее и частное (отраслевое) управление. В губернский совет под председательством губернатора вошли председатели губернских учреждений и губернский прокурор. Упразднялась должность вице-губернатора, он превращался в председателя казенной палаты. Вторым же лицом в губернии после губернатора теперь становился председатель губернского правления. М.М. Сперанский именовал губернатора «хозяином» губернии и предпринял конкретные шаги к объединению частных управлений в губернии, «чтоб части сии одна другой способствовали, и чтоб весь состав губернского управления представлял нечто целое и совокупное»²⁵⁹. Существенной функцией губернатора и губернского совета являлся надзор над всей губернской и окружной администрацией. В непосредственной власти губернатора оставались наиболее важные вопросы управления, надзора и даже судопроизводства.

Основным средством надзора губернатора оставались обозрения губернских и окружных учреждений и ревизия делопроизводства в них. От него фактически зависело назначение и увольнение большинства чиновников

²⁵⁹ ПСЗ-I СПб., 1830. Т. 38. № 29125. С. 345–394. § 85.

в губернии, представление их к наградам. Губернатору было предоставлено право пересмотра уголовных дел, закрепляющее вмешательство администрации в судебный процесс. Все вышеизложенное свидетельствовало о преимущественном положении в управлении полиции, подведомственной губернатору и губернскому правлению.

Областные учреждения являлись по сути приспособлением губернского управления к местным условиям²⁶⁰. Уезды в Сибири были переименованы в округа. В зависимости от количества населения окружные и городские управления делились на три категории: многолюдные, средние и малолюдные. Лишь в многолюдных округах и городах предусматривался полный набор учреждений.

М.М. Сперанский не собирался ограничивать генерал-губернаторскую власть в Сибири, значение силы и самостоятельности которой он вполне сознавал. Он намеревался строить эту власть на несколько иных принципах: законность, разделение и единство власти, создание противовесов единоличной власти на всех уровнях управления. Осторожность, умение лавировать, учитывать всевозможные влияния и мнения – эти качества всегда были присущи М.М. Сперанскому. Опала и Сибирь лишь обострили их.

Главным итогом ревизии и реформ Сперанского применительно к народам края стал «Устав об управлении инородцев» – один из важнейших памятников законодательной деятельности империи в Сибири, разработанный на основе учета геополитических, этнических и иных особенностей Азиатской России. «Устав» свидетельствует об известной гибкости правительственного курса, понимании им особой роли государства и его институтов в организации жизни подвластного населения, дает возможность понять правительственный взгляд на коренное

²⁶⁰ Кузнецова Е.А. Область как единица административно-территориального деления Сибири в 1822–1858 гг. // История и общество в панораме веков: Материалы Всесоюзной Байкальской исторической школы. Иркутск, 1990. С. 35–39.

население Сибири, определить ту роль, которую отводила империя народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин государства. «Устав» 1822 г. явился самым широким законодательным актом правительства по отношению к народам Сибири. Он действовал вплоть до начала XX столетия, регламентируя все стороны жизни коренного населения: экономическую, административную, судебную-правовую и культурно-бытовую.

В соответствии с «Уставом» 1822 г. коренное население Сибири делилось на три разряда: «оседлых», «кочевых» и «бродячих». В основу деления был положен принцип хозяйственного развития. Поразрядная система обуславливала и гражданское состояние аборигенов, причем «оседлые инородцы» приравнивались к сословию государственных крестьян во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской. «Кочевые» приравнивались к крестьянам в налоговом отношении, но сохраняли самостоятельность в управлении и суде. На «бродячих жителей» распространялись правила, «для кочующих постановленные». Допускались лишь незначительные исключения из этих правил. Конечной целью поразрядной системы был переход «бродячих и кочевых жителей» в категорию оседлых. Это отражало финансовые интересы империи, так как подобный перевод сопровождался возведением аборигенов в более высокий податной оклад государственных крестьян. Наряду с этим поразрядная система преследовала и русификаторские цели. Однако нельзя не отметить, что «приравнивание» народов Сибири к русскому населению имело и прогрессивное значение. Задача постепенного перехода бродячих и кочевых племен в оседлые была основана на успехах в хлебопашестве, а распространение земледелия в хозяйстве коренного населения уже само по себе было положительным явлением.

Законодательство 1822 г. предусматривало обязательное наделение землей «инородцев» всех разрядов,

как подданных государства. Организацию управления народов Сибири авторы «Устава» стремились построить на основе учета некоторых национальных особенностей нерусского населения края. Органы самоуправления кочевых народов разделились на три ступени: низшая – родовое управление, средняя – инородная управа, высшая – степная дума. Должностные лица в состав «инородческого» управления избирались на общем собрании, к участию в котором допускались все члены общины. Хозяйственная деятельность управления касалась прежде всего сбора налогов и податей. Судебные функции состояли в разборе незначительных гражданских дел. Суд и расправа производились на основе законов обычного права, кодификация которого предусматривалась «Уставом». Политические и криминальные дела подлежали разбирательству русскими чинами.

«Устав» сохранял почетные звания кочевников. «Звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным», – говорилось в «Уставе». Принцип наследственности допускался и при замещении должностных лиц на выборах. В случае отсутствия прямого наследника разрешалось избрание ближайшего родственника. Сохраняя, таким образом, патриархально-феодалные отношения, «Устав» в ряде случаев отходил от принципа наследственности, давал определенную свободу выборному началу. Самодержавие в своей политике по отношению к народам Сибири по-прежнему опиралось на феодальную верхушку «инородческого» общества. Предоставляя «почетным инородцам» различные льготы и привилегии, царизм стремился заручиться их поддержкой. Указом Сибирского Комитета от 1 ноября 1832 г. «инородцы», пользующиеся правами личного дворянства, и их дети освобождались от уплаты ясака. В целом «Устав» ослаблял патриархально-феодалные отношения, но не уничтожал их.

«Устав» предусматривал ряд протекционистских мер по отношению к торговле. Вводился принцип свободной

частной торговли с сибирскими «инородцами». Свободная торговля разрешалась не только на сугланах и ярмарках, но и в русских городах и селениях. В целях пресечения различного рода злоупотреблений запрещалась торговля чиновников с коренным населением.

Стремясь поднять платежеспособность «инородцев», Сперанский попытался на основе поощрения буржуазных начал построить налоговое обложение аборигенов. Тем самым делалась попытка оградить их от злоупотреблений со стороны чиновников, столь обычных при приеме в ясак «мягкой рухляди». В «Уставе» отмечалось, что «казенные комиссионеры... на ярмарках инородцев выдерживают цены наравне с прочими покупателями». Наряду с денежными взносами разрешалось сдавать ясак пушниной, которая при оценке делилась на два сорта: «обыкновенную» и «дорогую». «Устав» регламентировал государственные, земские, уездные и частные сборы. Подчеркивая самобытность народов Сибири, автор «Устава» оговорился, что «никакой новый общий по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет предписано».

Приравнивая кочевых «инородцев» к крестьянскому сословию в гражданских правах, «Устав» сближал их и в налоговом обложении. «Кочующие инородцы участвуют в общих по губерний повинностях», – гласил документ. Кроме того, они должны были содержать за свой счет и родовое управление.

Специальная глава «Устава» была посвящена взысканию недоимок, но и тут реформатор стремился ограничить вмешательство администрации. Недоимки надлежало взыскивать «не иначе, как на ярмарках и сугланах». Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами, как «настоятельное убеждение», задержание старосты или его сына, ближайшего родственника, задержание части пушнины, предназначенной для продажи.

Ряд статей «Устава» был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии «Устав» стоял на позициях веротерпимости. Реформатор отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства. «Земское начальство обязано не допускать стеснения инородцев под предлогом обращения в христианскую веру», – говорилось в «Уставе». Некрещенные «инородцы» получали «свободу отправлять богослужение по их закону и обрядам». Вместе с тем «Устав» подчинил «иноверческое духовенство... местной полиции наравне с прочими инородцами». Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но вместе с тем «Устав» не наделял никакими привилегиями крестившихся «инородцев». Уже позднее, в 1832 г., последовало предписание Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступающих в христианскую веру».

Устав предоставлял ясачным право отдавать детей в правительственные учебные заведения и открывать свои училища. Школа, полностью подконтрольная государству, рассматривалась как важный составной элемент политики русификации нерусского населения. Однако в подобных действиях правительства нельзя не видеть и известный социокультурный аспект, связанный с приобщением народов Сибири к грамотности и русской культуре в целом. Таковы основные положения «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в области хозяйственной, административной, судебной и культурно-бытовой. В итоге отметим, что разработанный М.М. Сперанским «Устав об управлении инородцев» стал первым в России сводом комплексного регионального законодательства, разработанного для одного из самых обширных регионов империи. Он появился в то время, когда в России, за исключением ее западных окраин, действовали общие для империи юридические нормы, регламентирующие права и обязанности населения и рассеянные в бесчисленном множестве указов. Данный закон вплоть до конца

ХІХ в. закрепил основные принципы административной, финансовой, национальной политики империи применительно к сибирским аборигенам. Он стал первым в империи опытом разработки и принятия свода законов, основанного на национальных традициях и особенностях народов Азиатской России.

Одним из важных последствий введения Устава 1822 г. в практику стала кодификация норм обычного права сибирских народов, что и предусматривалось М.М. Сперанским. В итоге было создано два законодательных памятника – «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и «Сборник обычного права Сибирских инородцев для Западной Сибири». До присоединения к России народы Сибири не знали письменных законов. Общественная жизнь регулировалась на основе обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение. С течением времени эти традиционные нормы, правила поведения, взаимоотношения внутри рода и т. д. принимали нормы права. Кодификацию норм обычного права народов Сибири и предусматривал Устав Сперанского. Сама идея кодификации отражала существовавшее на тот момент стремление правительства в своей практике взаимоотношения с сибирскими «инородцами» учитывать традиционные институты власти аборигенов, их права и обычаи²⁶¹.

Полное подчинение народов Сибири действию общероссийского законодательства авторам «Устава» казалось абсолютно невозможным.

Началом работ по кодификации стало распоряжение губернской администрации о переводе «Устава» Сперанского на «инородческие» языки. Затем в губернских городах были образованы специальные комитеты по сбору сведений о юридических нормах аборигенов. Сбор сведений осуществлялся в соответствии с программой, разработанной в Петербурге. В качестве информаторов

²⁶¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 548 с. С. 30.

выступали представители родовой знати. По полноте собранных сведений выделяется проект Иркутской губернии, который в первоначальной редакции насчитывал 844 параграфа и подразделялся на 52 главы. В 1825 г. все собранные материалы были представлены на обсуждение в Сибирский комитет.

Дальнейшая судьба идеи кодификации норм обычного права «иностранцев» весьма показательна. Она свидетельствует о противоречивости взглядов, существовавших в высших правительственных инстанциях на будущее Сибири и ее населения в составе империи. По сути дела споры велись о путях инкорпорации Сибири в общероссийскую государственную и экономическую систему. Камнем преткновения стал вопрос о земле. Чиновники второго отделения императорской канцелярии настаивали на включении в проект положения о признании верховных прав казны и Кабинета на иностранческие земли. Противоположного мнения придерживался начальник этого отделения Д.Н. Блудов. Опасаясь возможных волнений аборигенов в далекой и пока плохо управляемой Сибири, он предложил исключить это положение из проекта свода законов. Правительство всерьез волновала и теоретическая возможность перекочевки части приграничных племен в Монголию и Китай. Это заставляло сановный Петербург с особой осторожностью рассматривать все проекты, касающиеся «окраинных» народов.

Вопрос о кодификации норм обычного права народов Сибири в высших правительственных сферах – императорский Кабинет, императорская канцелярия, Государственный совет – обсуждался вплоть до конца 40-х гг. XIX в. В конечном итоге в 1847 г. правительство признало, что кодификация норм обычного права народов Сибири в том виде, как это предусматривал в 1822 г. Сперанский, будет «не полезным, а вредным». Она послужит лишь консервации наиболее отсталых юридических норм и родовых традиций аборигенов. За четверть века, прошедшую со времени принятия «Устава», поток

русских переселенцев в Азиатскую Россию существенно увеличился. Под влиянием контактов с русским населением в хозяйственной, общественной жизни и быту народов Сибири наметились значительные изменения. На это прямо указал вновь назначенный генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, предложивший управление «инородцами» подчинить общеимперскому законодательству.

В середине XIX в. обычное право для большинства народов было уже пройденным этапом. Сибирь все больше превращалась в край сплошной крестьянской колонизации. Правительство постепенно склонялось к мысли о необходимости ускорения темпов интеграции русского и коренного населения Сибири. Разногласия касались лишь вопроса о том, как эту меру осуществить.

Административные преобразования М.М. Сперанского обозначили определенный поворот в «окраинной» политике самодержавия, что свидетельствовало о признании необходимости установления для Сибири особой системы управления. Это была первая попытка подойти к проблемам управления огромным, богатым ресурсами краем комплексно, что указывало на определенное стремление выработать правительственную «концепцию Сибири», окраинной политики государства в целом. Первая четверть XIX в. ознаменовалась обострением внимания самодержавия к организации управления окраинами. Появился целый ряд законодательных актов, предусматривавших широкий диапазон методов региональной политики: от федеративных принципов до простой децентрации административного аппарата. В 1809 г. были приняты особые законы для Финляндии, в 1815 г. – Царству Польскому была «дарована» конституция; автономное управление существовало в 1812–1828 гг. в Бессарабии; действовало особое законодательство по управлению Прибалтийскими губерниями; разрабатываются специальные положения об управлении Закавказья.

казьем, Оренбургским краем, Областью Войска Донского²⁶².

В 1819 г. при Министерстве иностранных дел был учрежден Азиатский комитет, который, помимо внешне-политических вопросов, занимался делами по управлению казахов. В русле этих преобразований следует рассматривать и административную политику самодержавия в Сибири. «Сибирский вопрос», таким образом, стал составной частью правительственных планов по реорганизации управления национальными окраинами и олицетворял собой «азиатское» направление в административной политике царизма. Реформа государственного управления в Сибири, проведенная М.М. Сперанским, стала отражением правительственных поисков оптимального административного устройства регионального управления. В этом смысле она связана с целым рядом проектов, выдвинутых в начале XIX в., и находится в русле общих процессов перестройки системы государственного механизма. «Сибирское учреждение» 1822 г. вплоть до конца XIX в. определило основные принципы административно-территориального устройства региона. Преобразования М.М. Сперанского обозначили определенный поворот в «окраинной» политике самодержавия, что свидетельствовало о признании необходимости установления для Сибири особой системы управления. Это была первая попытка подойти к проблемам управления огромным, богатым ресурсами краем комплексно, что указывало на определенное стремление выработать правительственную политику не только в отношении Сибири, но и окраин империи в целом.

²⁶² Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2005. 264 с.

4. М.М. Сперанский в Иркутске 1819–1822

Небольшое предисловие

Среди выдающихся государственных деятелей России XIX в. одно из первых мест принадлежит Михаилу Михайловичу Сперанскому (1772–1839 гг.). Безродный выходец из среды низшего православного духовенства, благодаря природному уму и трудолюбию Сперанский в короткий срок сделал блестящую карьеру, познал высочайшие взлеты, горечь падения и возвращения к вершинам власти, оставив по себе память признанного реформатора и выдающегося юриста. Уже в начале XIX в. став одним из ближайших сотрудников императора Александра I, Сперанский выступил с известным и сегодня планом государственных преобразований, предусматривающим трансформацию абсолютной монархии в России в конституционную монархию по английскому образцу, введение Государственного совета, министерской системы и принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. В 20–30-х гг. XIX в. Сперанский возглавил работы по кодификации российского законодательства, завершившиеся публикацией 40-томного Полного собрания законов Российской империи – уникального мирового памятника права. По воле судеб оказавшись в 1819 г. генерал-губернатором в огромном зауральском крае, Сперанский и здесь занялся реформами, благодатное влияние которых сибиряки и иркутяне ощущают и сегодня.

Бескорыстное стремление М.М. Сперанского к благу страны и Сибири живет в людской памяти до сих пор. Именно поэтому общественность Иркутска, стремясь увековечить и подчеркнуть заслуги Сперанского в истории города, на протяжении ряда лет добивалась установления памятника этому человеку. Сегодня можно с уверенностью сказать: этот вопрос, благодаря поддержке городской администрации, решен, и в непродолжительном будущем в Иркутске, в самом центре города,

на пересечении улиц Сухэ-Батора и Желябова появится бронзовый бюст М.М. Сперанского. Установление памятника послужило побудительным мотивом и для появления этой книги: мы хотели бы рассказать иркутянам о городе того времени, о пребывании М.М. Сперанского в Иркутске и его преобразовательской деятельности.

Глава I Иркутск времен М.М. Сперанского

Развитие Иркутска как центра Восточной Сибири. Иркутск, основанный в 1661 г., как и большинство сибирских городов, в качестве военно-административного пункта, одной из основных своих функций имел сбор ясака с местных бурятских племен. Однако особенностью Иркутска, отличавшей его от остальных городов Восточной Сибири, стало сочетание тенденций городского развития с наметившимися административными преобразованиями в крае. Уже с 1682 г. Иркутск – центр самостоятельного воеводства, в 1686 г. он утверждается в звании «города», в 1722 г. становится провинциальным, а в 1764 г. – губернским центром. С конца XVIII в. Иркутск – столица огромного Иркутского наместничества, протянувшегося от Енисея до берегов Тихого океана. Именно этот «административный» аспект породил такой благоприятный факт городской истории Иркутска, как сосредоточение здесь значительного слоя дворян и чиновников, которые своими запросами и потребностями содействовали градообразовательным процессам. Не случайно в момент образования Иркутского наместничества в 1784 г. дворянство в Иркутске составляло 7,1 %, а крестьянство – 7,4 % от общего числа жителей.

Население Иркутска росло быстрыми темпами. Если в конце XVII в. оно исчислялось в 1 тыс. человек, то в 1825 г. т. е. ко времени отъезда М.М. Сперанского из Сибири, в городе насчитывалось уже свыше 14 тыс. жителей. В предреформенную эпоху Иркутск стал самым крупным городом России за Уралом с населением в 28

тыс. человек. В последующее время население Иркутска составляло: в 1875 г. – 32 600, в 1897 г. – 51 473, в 1917 г. – 90 413 человек. Росту населения Иркутска и увеличению его экономического и административного влияния содействовало выгодное географическое положение. Иркутск с момента возникновения являлся воротами России в Азию, а с возрастанием экономического влияния превратился в форпост Российского государства на востоке.

Город Иркутск являлся важнейшим коммуникационным узлом Восточной Сибири, в нем заканчивался знаменитый Московский тракт, а вспомогательные ветки его вели на северо-восток – в Якутск и на юго-восток в Забайкалье – на Нерчинск и Кяхту. Кроме сухопутных дорог имелись еще речные, которые дополняли трактовый комплекс в меридиональном направлении.

Принципиальной особенностью Иркутска стал факт сосредоточения в нем на протяжении всего XIX и начала XX вв. властей трех уровней: городского самоуправления, губернской администрации и Восточно-Сибирского, впоследствии Иркутского, генерал-губернаторства. Эти обстоятельства находили прямое выражение в социальном составе населения города. По официальным данным 1823 г., жители Иркутска делились на следующие группы: духовенство – 481, чиновники – 1147, военные – 5521, купцы – 306, мещане – 4496, цеховые – 1937, мастеровые – 463, дворовые люди – 207, крестьяне – 365.

Наряду с этим с 1727 г. Иркутск являлся и центром Иркутской епархии Русской православной церкви. Это была настоящая «держава», территория которой значительно превышала площадь большинства европейских государств. Соседство и взаимодействие светских и духовных властей на огромной территории в глазах большинства современников придавали Иркутску особый статус, что находило выражение в различных сферах деятельности: дипломатической, экономической, адми-

нистративной, духовной, культурно-бытовой. Г.Н. Потанин, один из лучших знатоков дореволюционной Сибири, отмечал: «Ни один город в Сибири не был поставлен в такие условия, как Иркутск; ни в Томске, ни в Омске никогда не было такого хорошего подбора чиновников, какой был в Иркутске., эти чиновники иногда с университетским образованием... поднимали в местном обществе не только запросы внешней культуры, но и приучали его интересоваться и русской литературой, и вопросами общественной и государственной жизни».

Иркутские власти и общество до М.М. Сперанского. Роль Иркутска как центра инициатив важнейших административных преобразований на востоке Российской империи особенно сильно стала проявляться в начале XIX столетия. В истории России начало века ознаменовалось вступлением на трон императора Александра I, а в Сибири – назначением нового генерал-губернатора И.И. Селифонтова. Его основной задачей стала разработка проекта административного преобразования Азиатской России. В итоге в 1803 г. было образовано единое Сибирское генерал-губернаторство с центром в Иркутске. В руках генерал-губернатора сосредоточивалась огромная власть. Не случайно, что именно с этого времени генерал-губернатор стал именоваться «хозяином» вверенных его управлению губерний. Впоследствии генерал-губернатора стали называть еще более емким определением – «господин главный начальник края». Огромные полномочия и личностные качества Селифонтова привели к грубому вмешательству генерал-губернатора в дела городского и губернского управления. Жесткому бюрократическому надзору подвергались вопросы снабжения населения продовольствием, деятельность казенных палат и горного управления. Особую ретивость, опираясь на данную ему инструкцию, Селифонтов проявил в стремлении искоренить «дух ссоры и ябеды», якобы исконно присущий сибирякам.

Иркутское городское общество в полной мере испытало на себе действенность этого наказа. Увольнения и преследования неугодных чиновников и купечества приобрели масштабный последовательный характер. На практике эта борьба «с ябедой» свелась к замене одних чиновников другими, но лично известными и преданными Селифонтову. В тех же случаях, когда действия «ябедников» приобретали особенно «злостный» характер, Селифонтов требовал «ссылать их в отдаленнейшие места, где беспокойство их не может быть вредно».

Так, в 1804 г. Селифонтов как «главный прокурор вверенных ему губерний» потребовал удалить из края непокорного иркутского прокурора С.А. Горновского, осмелившегося подать на генерал-губернатора донос в столицу. Затянувшийся характер приобрела борьба Селифонтова с иркутским гражданским губернатором Б.Б. Леццано, закончившаяся отставкой последнего. На освободившуюся должность по рекомендации Селифонтова был назначен новый гражданский губернатор – Н.П. Картвелин. Однако уже через год Селифонтов охарактеризовал его как человека не только не имеющего «твердого познания в делах», но даже и не имеющего «охоты заниматься оными».

Характеризуя время пребывания Селифонтова в Иркутске, декабрист В.И. Штейнгель вспоминал, что тот «явился в Сибирь как вице-рой, все пало ниц и безмолвствовало». Довольно скоро вокруг Селифонтова образовался круг доверенных ему лиц, которые и вершили местное управление. Генерал-губернатор прибыл в Иркутск с сыном и фавориткой мадам Бойе с дочерью. «Отношения сей матери и дочери к отцу и сыну недолго оставались двусмысленными. Тотчас догадались, чрез кого надобно обдeldывать дела, – и обдeldывали, что хотели и как хотели», – писал В.И. Штейнгель.

Несмотря на отчаянную борьбу с «ябедниками» и «клеветниками», искоренить их полностью Селифонтову так и не удалось. Злоупотребления генерал-губернато-

ра и его окружения породили мощный поток анонимных жалоб иркутского купечества в столицу. В то время это был, пожалуй, единственный способ борьбы с административным произволом. Свободное от бюрократических предрассудков влиятельное иркутское купечество составило весомую оппозицию чиновничеству. А.П. Шапов, характеризуя деятельность органов городского самоуправления в Иркутске, писал даже о возникновении там «маленькой республики». Тот же Шапов отмечал, что местная буржуазия боролась с чиновниками за преимущественное право эксплуатировать народ. Это справедливо. Следует однако отметить, что, независимо от интересов иркутского купечества, эта борьба была направлена на расширение местного городского самоуправления, имела социальный характер. Борьба иркутской буржуазии с властью объективно имела прогрессивное значение, способствовала сплочению и росту оппозиционных настроений в различных слоях общества. В итоге Селифонтов был уволен со службы с запрещением въезда в столицу.

Новым генерал-губернатором Александр I назначил протеже влиятельного тогда А.А. Аракчева – тайного советника и сенатора И.Б. Пестеля. Последнего нисколько не обрадовала новая должность. Он был прекрасно осведомлен о том, что ни один из его предшественников в Иркутске «не кончил иначе, как вследствие доносов лишившись своего места и пробыв много лет

под судом». Однако надежда «поправить свое состояние» (из казны Пестелю было выдано 40 тыс. рублей сере-

бром для уплаты долгов – без залога и процентов) в конечном счете оказалась решающим фактором. Понимая, что из всех сибирских губерний для него наибольшую «опасность» имела Иркутская, которая всем его предшественникам «шею сломила», новый сибирский правитель решил обезопасить себя с этой стороны и для должности иркутского гражданского губернатора найти человека «совершенно надежнейшего». Таким чиновником стал Николай Иванович Трескин, «правая рука Пестеля».

За время 13-летнего управления Сибирью сам Пестель провел в крае лишь 10 месяцев. Прибыв в Иркутск в начале 1806 г., 18 августа 1807 г. он уже выехал из Иркутска, чтобы больше никогда сюда не возвращаться.

Все остальные 12 лет он управлял Сибирью, проживая в Санкт-Петербурге, под предлогом борьбы с многочисленными «ябедниками». Управление краем было отдано в руки Трескина, считавшегося «образцом для других губернаторов». Хотя Сибирь и находилась далеко от Петербурга, тем не менее система управления краем, созданная Пестелем в столице, а Трескиным в Иркутске, удивительно напоминала аракчеевские военные поселения Европейской России. Жестокое наказание и мелочная регламентация всех сторон жизни сибиряков – вот один из показателей этой системы.

Люди инакомыслящие карались немилосердно. Особенно преследовался «сибирский дух ябеды», при этом администраторам было абсолютно безразлично, кто являлись «жалобщиками» – именитые граждане или про-

стые обитатели. По прямому указанию Трескина было сфабриковано два дела против наиболее влиятельных представителей иркутского купечества – городского головы М.В. Сибирякова и его тестя Н.П. Мыльников, «как вредных нарушителей общественного спокойствия». По ходатайству Пестеля император предоставил генерал-губернатору право выслать этих людей из Иркутска по собственному «благоусмотрению». В одно прекрасное утро Сибиряков и Мыльников были приглашены в губернское правление, где их ожидало предписание И.Б. Пестеля о том, что они, «как вредные члены общества и составители комплотов против начальства», без суда и следствия ссылаются навсегда: Сибиряков – в Нерчинск, а Мыльников – в Баргузин.

М.В. Сибиряков, будучи по натуре железным человеком, вынес этот удар, а Мыльникова разбил паралич, и, уже больной, он был отвезен к месту своего заточения. Позднее, пытаясь, вероятно, оправдаться, Пестель в своих бумагах отмечал, что в Нерчинске Сибиряков имел «главную торговлю», а Баргузин был полезен Мыльникову минеральными источниками, поскольку последний страдал «ревматизмом и параличом». Вслед за этим из Иркутска были высланы еще некоторые представители «партии недовольных»: брат М.В. Сибирякова и купец Дудоровский.

Правящий архиерей Иркутской епархии епископ Михаил с возмущением сообщил обер-прокурору Святейшего Синода князю А.Н. Голицину о том, что по приказанию одного из ближайших соратников Трескина – нижеудинского исправника Лоскутова – казаки высекли протоиерея местной церкви Орлова.

Воспоминания современников и старожиллов Иркутска донесли до нас весьма противоречивые отзывы о Трескине. Наряду с резкой критикой, многие из них содержат весьма хвалебные оценки его деятельности, называя Трескина «гениальнейшим администратором», ума и деятельности которого хватило бы на «десять гу-

берний». Особую заслугу Трескина современники видели в том, что он приучил к «хлебопашеству и сенокосению» кочевых бурят и навел в Иркутске чистоту и порядок. В этих оценках содержится немалая доля истины. Ко времени приезда Трескина в Иркутск, город, «известный по своей знатной торговле», имел «вид первобытного состояния». Продуманные планировка и застройка городской черты отсутствовали, и даже на главных улицах и площадях нередко можно было наблюдать «в избытке» не только ветхие, но и «вышедшие из линии строения». Хаотичность застройки городских улиц доходила до того, что зачастую между домами сложно было проехать на обычной телеге. Во время дождей многие пешеходные места города превращались в настоящее болото.

По распоряжению Трескина улицы и площади Иркутска были подняты и высушены, на главных и даже второстепенных улицах проложены гати. Однако чтобы придать Иркутску «благопристойную наружность», необходимо было прежде всего исправить «кривизну и косину» улиц. Для этого Трескину пришлось проявить не только известную настойчивость, но и изобретательство. Он предписал полицейским чинам осуществлять строгое наблюдение за тем, «чтобы не в плане стоящие ветхие строения не позволять починять», уповая на то, что эта мера заставит нерадивых домовладельцев перенести дома на новое место «по плану» или продать их другому. Но четырехлетний опыт показал «совершенную неуспешность» исполнения этого предписания: городские жители стали поддерживать разваливающиеся дома изнутри подпорками. Тогда Трескин принимает принципиальное решение о сносе домов, стоящих не по плану. При этом согласия домовладельцев никто не спрашивал. За неполные два года, с 1810 по 1812 г., было разобрано 35 домов.

Спустя много лет старожилы Иркутска вспоминали, как специальная команда, оснащенная топорами и пилами, разбирала и отпиливала углы домов, «сколько нужно по линии улицы». В то время в Иркутске можно

было наблюдать удивительную картину, когда наполовину распиленный дом открытой частью выходил на улицу, а в другой части ютился хозяин с семьей. Исправлению подверглись не только обывательские строения, но и питейные дома, кабаки, многие из которых были «не только не в плане, но даже посреди самих улиц, ветхие и безобразные». Несомненной заслугой Трескина стало приведение в порядок казенных и публичных зданий губернского центра, в частности, постройка городских запасных магазинов для хранения стратегических запасов хлеба, здания городской полиции, пожарной команды и др.

Правление Н.И. Трескина в Иркутске хронологически совпало с тяжким испытанием в истории России – Отечественной войной 1812 г. Еще в 1806 г. после указа Александра I об усилении войск, сражающихся с французами, в Иркутске был сформирован батальон добровольцев из 600 человек. Зимой следующего года он отбыл на запад. Многие иркутяне стремились вступить в ополчение и в 1812 г. Но поскольку на территории Сибири ополчения не формировались, «охотникам» (добровольцам) приходилось добираться до Казани и уже там записываться в формирующиеся части. Буквально в первые недели войны в Иркутске было набрано 566 рекрутов, которых снаряжали и провожали горожане. Наряду с этим в городе проводились общественные сходы, на которых принимались решения о пожертвованиях «для отражения врагов Отечества».

В Государственном архиве Иркутской области сохранился список мещан с указанием пожертвованных каждым из них сумм. В сражениях Отечественной войны 1812 г. принимали участие сведенные в одну бригаду Иркутский и Сибирский драгунские полки. Иркутским полком командовал подполковник Южаков, получивший за участие в Бородинском сражении орден Святого Владимира IV степени. Воины полка покрыли себя неувядаемой славой, отличившись в кавалерийской схватке за главную позицию Бородинского сражения – батарею Раевского.

По словам военного министра Барклая де Толли, это была «кавалерийская битва из числа упорнейших когда-либо случавшихся». В этой битве полк потерял более 120 человек. Среди участников этого выдающегося сражения отличились и уроженцы Иркутска и губернии – Федор Башкевич, Михаил Харитонов, Иван Таюрский, Алексей Высокий и др. После окончания сражений 1812 г. драгунский полк был направлен на переформирование. В заграничных походах русской армии 1812–1814 гг. принимал участие уже Иркутский гусарский полк.

Очевидно, что именно такое сочетание хозяйственных и патриотических инициатив и методов их осуществления вызывало впоследствии снисходительные оценки деятельности Трескина в Иркутске.

Безусловно, такое мнение имеет право на существование. Однако нельзя забывать и другое – масштабные бесчинства, беззакония и злоупотребления чиновников. В Иркутске административный гнет ощущался особенно сильно. Здесь «Трескин и закон были синонимы, более был только Трескин, а закон был далеко, далеко!», – вспоминал современник. Но и в этих условиях среди жителей Иркутска нашлись последовательные противники деспотизма. Одним из них стал известный востоковед (монголовед и китаевед) А.В. Игумнов, вокруг которого образовался кружок единомышленников, недовольных административным произволом Пестеля и Трескина. Хотя на Игумнова и поступали доносы, он не испугался сообщить своим друзьям в столицу о творящихся в Иркутске беззакониях и просил их о заступничестве перед высшими властями. Иркутский мещанин Саламатов рискнул тайком пробраться в Петербург и подать жалобу императору Александру I.

Таким образом, столкновение чиновничьей партии и городского общества в Иркутске в начале XIX в. закончилось торжеством бюрократии. Однако само городское общество не было раздавлено самовластием. Оно протестовало и сопротивлялось всеми возможными для того

времени средствами, претензии иркутского купечества на монополию в торговле и власть в крае сохранялись.

Приезд М.М. Сперанского в Сибирь. В ноябре 1818 г. Комитет министров внял многочисленным жалобам и просил государя назначить в Сибирь нового генерал-губернатора. Безнаказанность местных властей подрывала авторитет самодержавной власти, что было чревато опасными социальными конфликтами. «Темные поборы», взяточничество, казнокрадство снижали платежеспособность сибирского населения, что наносило ощутимый ущерб финансовым интересам империи. Ревизия должна была выявить новые возможности повышения доходности сибирского края, успокоить население и водворить новый порядок в местном государственном аппарате.

Выбор Александра I пал на известного реформатора М.М. Сперанского, служившего в то время пензенским губернатором. В собственноручном письме к Сперанскому император сообщал, что до него доходят «самые неприятные известия насчет управления Сибирским краем». 22 марта 1819 г. последовал именной рескрипт о назначении М.М. Сперанского сибирским генерал-губернатором. Он должен был «сделать осмотр сибирских губерний», обличить всех «предающихся злоупотреблениям», подвергнуть их «законному осуждению». В то же время Александр I предписал Сперанскому «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края», сделать «оному начертание на бумаге» и самому привезти в Петербург.

М.М. Сперанский воспринял новое назначение без энтузиазма. Однако он хорошо понимал, что иного пути для реабилитации в глазах императора и возвращения в столицу нет. Сановный Петербург ожидал от Сперанского решительных действий и «видов государственных».

Путь из Европейской России в Сибирь в начале XIX в. был отнюдь не быстрый, и сопряжен с немалыми опасностями в виде многочисленных переправ через бурные

и многоводные сибирские реки, число которых доходило до семи в день, «проездов через леса и дичь», «сердитую тундру, головокружительных и опасных спусков с гор...» (из дневника М.М. Сперанского). 24 мая к исходу дня, «почти ночью», Сперанский с сопровождавшими его молодыми единомышленниками – К.Г. Репинским, Г.К. Вильде, Ф.И. Цейером прибыл в Тюмень и вступил в управление «сего отдаленного края», являющегося, по мнению большинства современников, «почти частью света».

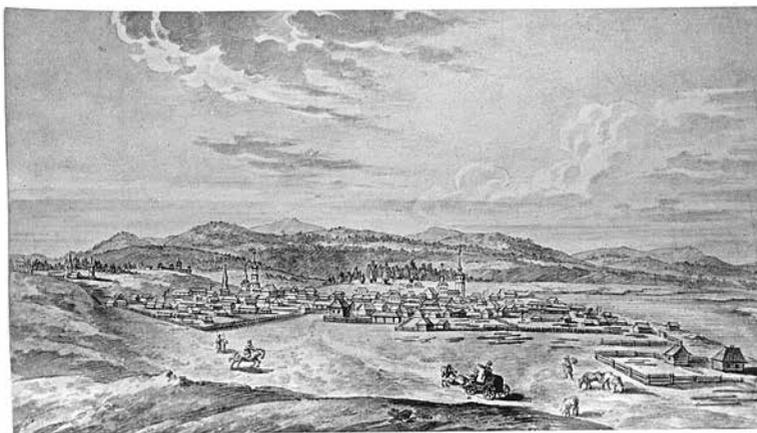
Город произвел на Сперанского «вид печальный», но купечество оказалось «изрядным». Именитые тюменские купцы преподнесли Сперанскому хлеб-соль на серебряном подносе. Однако Сперанский принял только хлеб, а блюдо вернул, чем поверг в замешательство всех присутствующих. По мере продвижения вглубь Сибири «вид здешних неустройств» и «железного правления» местной администрации все сильнее «возмущали душу» Сперанского. Приезд ревизора, и тем более в ранге генерал-губернатора – очень важное событие в жизни окраины. Однако новому генерал-губернатору не без труда удалось убедить местное население в том, «что жалобы на местное начальство не составляют преступления и что есть, наконец, возможность их принести».

М.М. Сперанский лично объехал большую часть Сибири, посетил кроме губернских городов Томска, Тобольска, Красноярска, еще и Енисейск Омск, Верхнеудинск, Кяхту, Семипалатинск и др. Для расследования наиболее сложных и запутанных дел в отдельных местностях были учреждены специальные комиссии: Нижнеудинская, Верхнеудинская, Иркутская. Специальные чиновники были отправлены с ревизией в Нарым, Туруханск и Киренский уезд, были подготовлены записки о состоянии дел в Охотско-Камчатском крае.

Ревизия выявила вопиющие случаи произвола, казнокрадства и взяточничества. При этом решимость карать виновных у М.М. Сперанского улетучивалась по

мере продвижения на восток. В.И. Вагин отмечал, что «жалоб на лихоимство было так много, а законы против него так жестоки, что М.М. Сперанский решился исключить слово взятки из сибирской ревизии».

М.М. Сперанский в Иркутске. Сперанский спешит в столицу сибирского края – Иркутск. К тому времени и сам «господин главный начальник края», и члены его экспедиции смертельно устали. «Хотелось оседлости», – пишет в дневнике Сперанский. Однако только спустя три месяца, в середине августа 1819 г., Сперанский и сопровождающие его лица прибыли на границу Иркутской губернии – в Нижнеудинск, где были встречены «первым министром» иркутского губернатора Н.И. Трескина местным исправником Лоскутовым.

Имя последнего приводило не только в трепет жителей волости, но и было хорошо известно многим сибирским и петербургским чиновникам. «Все трепетало его взгляда, и терроризм, карающий смертью, не мог бы внушить большего страха», – свидетельствовал известный иркутский историк и общественный деятель В.И. Вагин. Хотя Лоскутов и смог навести во вверенном ему правлении округе порядок: прекратились грабежи

и разбои на дорогах, села стали опрятнее, поубавилось пьянство, однако все это было достигнуто путем жесточайшего террора и беспримерной жестокости.

Накануне приезда Сперанского он приказал по всей округе отобрать бумагу и перья, дабы население не могло подать жалобы новому генерал-губернатору. Однако на Нижнеудинском тракте, когда Лоскутов уже сопровождал Сперанского, из-за кустов неожиданно вышли два старика с прошениями на голове. Нелегкая миссия им досталась, но община выбрала их ходоками по простым соображениям: старикам все равно умирать – не сегодня, так завтра. Пусть умрут, сделав доброе дело для оставшихся в живых односельчан. Каково же было их удивление, когда рядом со Сперанским они увидели Лоскутова. Ознакомившись с жалобой, Сперанский немедленно приказал арестовать Лоскутова. Тут уж стариков действительно чуть не хватил удар. На коленях они умоляли Сперанского отказаться от этого решения, причитая: «Что ты делаешь, батюшка, ведь это же сам Лоскутов... Как бы тебе за нас худо не было... Верно, ты не знаешь Лоскутова».

Между тем Иркутск активно готовился к приезду нового генерал-губернатора. На всех заставах по указанию Трескина были расставлены казачьи разъезды, обязанные незамедлительно извещать о всех передвижениях Сперанского и о принимаемых им в пути решениях. Наконец путешественники увидели в отдалении долгожданный Иркутск. По замыслу местного начальства, въезд нового генерал-губернатора в город был обставлен торжественно, как никогда. Он сопровождался невиданными ранее иркутскими жителями световыми эффектами и громом оркестров. Иркутянам надолго запомнилась встреча.

29 августа 1819 г., накануне Александрова дня, Сперанский прибыл в Иркутск. Основные сооружения города – Кафедральный собор, Триумфальные ворота и главные улицы – Большая (сегодня К. Маркса) и Замор-

ская (Ленина) – были буквально залиты огнями. На переправе через Ангару гремел оркестр, а среди огромного стечения народа выделялись губернатор Трескин с чиновниками в парадных мундирах и орденах. В дневнике Сперанский так описал впечатления об Иркутске: «Вид освещенного города из-за реки был великолепен». Ввиду отсутствия в городе специального дома для генерал-губернатора – Пестель в этом не нуждался, так как управлял Сибирью

из Петербурга и постоянно жил столице – было решено разместить Сперанского в доме золотопромышленника Е.А. Кузнецова (ныне «дом Сперанского», находится на тыльной стороне иркутского автовокзала).

Н.И. Трескин был столь предупредителен, что лично повез Сперанского через убранные иллюминацией центральные улицы к месту его проживания. Этот дом располагался отнюдь не в центре, а на окраине города, недалеко от р. Ушаковки. Единственной его достопримечательностью был заброшенный сад, ставший любимым местом прогулок Сперанского и сопровождавших его молодых людей. По воскресеньям Сперанский присутствовал на обедне в приходской церкви, любил выехать за город на речку Каю, а к вечеру запросто заглянуть на огонек к знакомым купцам. Уже много лет спустя старожилы Иркутска вспоминали прогуливавшегося на свежем воздухе в любую погоду высокого, чуть сутулого человека, одетого в простую шинель без всяких знаков отличия, скромную кожаную кепку. Трудно было ощу-

тить в этом одиноком страннике выдающегося мыслителя, в обмен на которого Наполеон предлагал Александру I отдать любое из принадлежащих ему государств Европы.

Ревизия губернии. 4 сентября 1819 г. Сперанский собрал общее присутствие губернского правления и палат и сообщил им о намерении приступить к ревизии Иркутской губернии на основании сенаторской инструкции. Уже через несколько дней Сперанский напишет ставшие впоследствии знаменитыми строки. «Если бы в Тобольске я отдал всех под суд., то здесь оставалось бы всех повесить». Кроме того, Сперанский объявил присутствию о создании под председательством Ф.И. Цейера следственной комиссии «по разным предметам губернского, областного и уездного управления». Комиссия эта проработала почти год, завершив свои занятия 20 июня 1820 г. – перед отъездом Сперанского из Иркутска. Комиссия занималась раскрытием злоупотреблений, но кроме этого ею была составлена историческая записка о земских повинностях, записка о хлебе казенных запасных магазинов и ведомость о перевозке хлеба по провиантским магазинам.

В первые дни пребывания Сперанского в Иркутске жители не спешили подавать жалобы на местные власти из-за опасения преследований со стороны бывшего губернатора Н.И. Трескина. Они боялись, что отстраненный от должности новым генерал-губернатором, он вернется на свое место и отомстит им. Однако, когда этот страх прошел, жалобы стали поступать в большом количестве. Вскоре в Иркутском казначействе вся гербовая бумага (на которой писались жалобы) была распродана.

Ревизионная деятельность чрезвычайно тяготила Сперанского, который «не мог ей сочувствовать ни по личному своему характеру, ни по прежнему роду занятий». Действительно, реформатору приходилось заниматься тем, что раньше было несвойственно его роду занятий, а именно: «разыскивать, преследовать, об-

личать, ловить преступления». Поэтому очевидно, что Сперанский «устал жить в непрерывных ябедах, следствиях и обвинениях». Положение генерал-губернатора было тем тяжелее, что он видел всю невозможность уничтожить зло, укоренившееся годами.

Проводимая ревизия была более совестливой, нежели формальной, так как Сперанский не мог подходить к этому делу с позиций черствого формализма. Он видел, что злоупотребления, кажущиеся большими с точки зрения закона, в сущности не являлись таковыми. В одном из писем к А.А. Столыпину, обер-прокурору Сената, Сперанский отмечал, что закон, одинаково карающий и начальника, и подчиненного – одного за тысячные взятки, другого за рублевые – «здесь не может быть приложен без явной несправедливости». Поэтому, за исключением «самых вопиющих и решительных случаев», Сперанский не отдавал обвиняемых под суд (всех обвиняемых предать суду было бы «просто невозможно»), а ограничивался отстранением их от должности.

Исключив слово «взятки» из лексикона сибирской ревизии, большую часть дел о лихоимстве Сперанский обращал в гражданские дела и приказывал удовлетворять поданные по ним иски. Тем не менее, по замечанию самого Сперанского, «предать суду 200 человек никогда не поздно», однако он не мог решиться на это, не испытывав всех средств, чтобы согласить закон с совестью». Эти слова отражают характер ревизии, основной целью которой было раскрытие злоупотреблений. Кроме того, Сперанский отчетливо понимал, что здесь «дело не во второстепенных и третьестепенных исполнителях <...>, а в главном виновнике, это – прежде всего, а потом – и здесь суть дела – во всем строе сибирского управления».

Общим следствием было «лихоимство в разных его видах». Число заведенных следственных дел достигло 74, сумма взысканий по которым составила 2 млн 874 тыс. рублей. «Все то, что о здешних делах говорили в Петербурге, не только есть истина, но – и это редко

бывает – истина не увеличенная», – писал Сперанский обер-прокурору Синода А.Н. Голицыну. Злоупотребления были столь велики, что, по мнению генерал-губернатора, «всякий другой край, менее обильный, был бы подавлен ими совершенно». Взятничество чинов было «почти всеобщим».

В составленном комиссией регистре о взятках, «вынужденных казаками и урядниками с крестьянских и инородческих обществ», отмечалось, что, например, в Верхнеудинском уезде тайшами, зайсанами и «разными бурятскими начальниками» было незаконно собрано с населения 83 тыс. 388 рублей, а с тункинских бурят за три года (до 1820 г.) – до 70 тыс. рублей. Эти цифры можно назвать колоссальными, поскольку в Сибири в то время деньги были очень редки и дороги. По завершении ревизии два губернатора и сорок восемь чиновников были отданы под суд, а всего «обвиняемых по всем следствиям» насчитывалось 680 человек.

В конце 1820 г. генерал-губернатор представил императору краткий отчет о ревизии, в котором обрисовал общий характер злоупотреблений, выявленных в ходе обозрения края. Основными из них были: злоупотребления в порядке заготовления хлеба для провиантских, винокуренных и запасных магазинов, в сборе налогов и т. д. Более подробно сведения о злоупотреблениях впоследствии были изложены в общем отчете М.М. Сперанского об обозрении Сибири и приложениях к нему.

Первая причина злоупотреблений, по мнению ревизора, состояла в образе управления, «краю этому не свойственном». В числе прочих причин Сперанским были названы недостаток «уставов» для отдаленных мест Сибири, недостаток устройства в волостном правлении, отсутствие общественного мнения, выразителем которого (по Сперанскому) являлось дворянство.

В это же время Сперанский приступил к более важному, нежели ревизия, делу – разработке проектов сибирских преобразований. Большинство из них обду-

мывал и писал сам реформатор, однако, за нехваткой времени и отсутствием «наклонности заниматься подробностями», часть дела поручал Г.С. Батенькову (сюда входили сбор сведений и предварительные наброски проектов преобразований). По словам самого реформатора, он не мог обойтись без Батенькова, как «мастер без ученика». Сперанский считал, что «должно обезопасить народ точными правилами». Уже к январю 1820 г. (а прибыл он в Сибирь в мае 1819 г.) М.М. Сперанский посчитал свою миссию выполненной и доложил царю, что ему «делать в Сибири совершенно нечего. Управлять ею невозможно, к сему надобны люди и другой порядок». Несмотря на это, он пробыл в Сибири еще год.

Глава II

Сибирские реформы М.М. Сперанского

Сибирский комитет. Для рассмотрения отчета М.М. Сперанского по обозрению Сибири, обсуждения планов и проектов реформ и проведения их в действие именным указом Александра I от 21 июля 1821 г. был образован специальный орган Первый Сибирский комитет. По указанию императора, в комитете были сосредоточены все сведения о Сибири, имеющиеся в распоряжении правительства. В первый состав учрежденного комитета вошли: министр внутренних дел граф В.П. Кочубей (председатель комитета), министр финансов граф Д.А. Гурьев, министр народного просвещения и образования князь А.Н. Голицын, граф А.А. Аракчеев, государственный контролер барон Б.Б. Кампенгаузен, сам М.М. Сперанский. Управляющим делами был назначен Г.С. Батеньков. В последующем состав комитета менялся. В период с 1823 по 1826 гг. его возглавлял А.А. Аракчеев, в 1828–1838 гг. — А.Н. Голицын. В разные годы в состав комитета входили: начальник Главного штаба И.И. Дибич, министры внутренних дел В.С. Ланской, А.А. Закревский, Д.Н. Блудов, военный министр А.И. Чернышев, шеф-жандармов А.Х. Бенкендорф и др. После ареста

Г.С. Батенькова в 1826 г. управляющим делами комитета стал А.П. Величко²⁶³. Персональный состав комитета, в который на протяжении всего времени существования входили виднейшие сановники империи, свидетельствует о том большом значении, которое придавали его деятельности российские самодержцы – Александр I и Николай I.

Некоторые члены Сибирского комитета заслуживают особого внимания по той роли, которую они играли в ходе подготовки и проведения реформы. В этом смысле первенствующее значение принадлежит А.А. Аракчееву, который с 1815 г. фактически руководил Государственным Советом, Комитетом министров, императорской канцелярией, став единственным докладчиком Александру I по большинству министерств и ведомств²⁶⁴. Сперанский хорошо сознавал влияние Аракчеева при дворе и стремился поддерживать с ним теплые личные отношения. Будучи в Сибири, Сперанский состоял с Аракчевым в переписке²⁶⁵, а позже, по возвращении в Петербург, в день рождения Аракчеева 23 сентября отправил ему только что отпечатанный экземпляр «Сибирского учреждения» со следующими словами благодарности: «Уверен, что Вам приятно будет взглянуть, в свободные минуты, на дело, которое Вам большею участию обязано успешным его движением и совершением»²⁶⁶.

Из остальных членов Сибирского комитета, покровительствующих Сперанскому, следует отметить В.П. Кочубея. Их сотрудничество имело давнюю историю. Еще в период организации Министерства внутренних дел, первым главой которого и был назначен Кочубей, Сперанский, по предложению последнего, принял активное участие в разработке организационных основ нового ве-

²⁶³ М.М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. С. 136.

²⁶⁴ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 99.

²⁶⁵ Корф М. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 178 и др.

²⁶⁶ Цит. по: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... Омск, 1995. С. 79; Корф М. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 266.

домства, а затем служил в этом министерстве. Несмотря на различные превратности судьбы, эти два незаурядных человека сохранили взаимное уважение друг к другу, о чем свидетельствует их личная переписка в период пребывания Сперанского на посту Сибирского генерал-губернатора в 1819–1821 гг.²⁶⁷ В давней переписке состоял Сперанский с еще одним влиятельным членом комитета – А.Н. Голицыным, который, после выхода Аракчеева в 1826 г. в отпуск «по болезни», возглавил Сибирский комитет.

Сибирский комитет изначально создавался как орган, непосредственно подчиненный императору, с широкой компетенцией и автономией. Сибирским генерал-губернаторам «повелено было» состоять в «прямом сношении с сим комитетом», а отчеты на высочайшее имя предоставлять только через него. Министерством надлежало «вносить в сей же комитет все вопросы, имеющие связь с новым устройством Сибири»²⁶⁸. Как видим, координирующая роль комитета в деле разрешения «сибирских вопросов» была очень велика. По сути дела он становился высшим правительственным органом по управлению Сибирью. Однако в отличие от других высших государственных органов – Государственного Совета и Комитета министров – Сибирский комитет не имел плановых заседаний, последние собирались по мере необходимости. В этом смысле он напоминал Негласный комитет, который не являлся организацией государственного учреждения. Мнения членов комитета фиксировались в специальном журнале, который предоставлялся на высочайшее утверждение. Эти журналы, сохранившиеся в фондах РГИА²⁶⁹ и частично опубликованные С. Прутченко²⁷⁰, являются важным источником для анализа деятельности этого «особого комитета».

²⁶⁷ Корф. Указ. соч.

²⁶⁸ ПСЗ-III. Т. 13. Отд. 1. № 10867.

²⁶⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 7–16.

²⁷⁰ Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899. С. 157–219.

Первое заседание комитета состоялось 5 августа 1821 г. На заседании 3 ноября того же года был составлен план работы и конкретизированы обязанности членов комитета. Основные из них сводились к следующему: «1) Подробное рассмотрение общего и частных предложений по предмету устройства Сибирского края. 2) Постепенное выведение оных в действие по мере соображения и утверждения начертанных и приличных к тому правил. 3) Рассмотрение новых мер, от имени Управления представляемых. 4) Разрешение затруднений, которые может встретить местное Управление при введении новых положений и руководство оною в высшем отношении на основании принятых начал»²⁷¹.

Таким образом, на первом этапе деятельности члены комитета свою основную задачу видели в изучении и разработке «общих и частных предложений» по преобразованию Сибири.

Логика реформ. Исследователи деятельности Первого Сибирского комитета единодушны в том мнении, что основные предложения Сперанского по реформированию Сибири не встретили серьезных возражений участников обсуждения и были довольно быстро утверждены. За период с августа 1821 по май 1822 г. был рассмотрен весь пакет предложений, состоящий из 10 законопроектов, насчитывающих в общей сложности свыше 4000 статей. В этом, по признанию самих членов комитета, заключалось их «главное упражнение»²⁷². На заседаниях 13, 20, 27 октября, 10, 17, 24 ноября были одобрены само «Сибирское учреждение» и 9 уставов и положений, составляющих суть сибирской реформы, в том числе «Устав об управлении инородцев», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городских казаках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Поло-

²⁷¹ Прутченко С. Указ соч. С. 168.

²⁷² Указ. соч. С. 195.

жение о долговых обязательствах». 22 июля все 10 законопроектов, в том числе «Учреждение для управления Сибирских губерний», были утверждены царем Александром I. На этом закончился первый этап деятельности Сибирского комитета.

«Сибирское учреждение» – это не просто территориальная привязка юридических норм империи к определенной территории, а концентрированное выражение политики государства применительно к данному региону. Вот почему в обоих законах нашли отражение принципы формирования регионального государственного устройства как на общеимперском, местном, так и на общеправовом уровнях. Об этом свидетельствует не только внутренняя структура документов, но и само название и содержание конкретных статей этих законов. Они содержат такие важные, с точки зрения юриспруденции, понятия, как «территория», «законодательство», «управление», «устройство», «сословие». Не случайно уже первые статьи «Сибирского учреждения» содержат определение географических рамок Западной и Восточной Сибири, характеристику различных уровней управления регионом²⁷³, а в «Уставе об управлении инородцев» прежде всего дается юридическое и экономическое обоснование необходимости введения нового сословия в России – «сибирских инородцев», разделения их на разряды – оседлых, кочевых и бродячих, определяются права и обязанности каждого из разрядов²⁷⁴. Необходимо подчеркнуть, что сибирское законодательство 1822 г., как и ряд иных нормативных актов по управлению окраинами империи, например конституция Польши 1815 г., законы первой половины XIX в. об управлении Кавказом и Финляндией, несли в себе черты как прагматизма, так и толерантности. Они были призваны не только теснее увязать окраинные территории с историческим ядром государства, но и обеспечить внешнюю

²⁷³ ПСЗ-1. Т. 38. № 29125. § 1–8.

²⁷⁴ Там же. № 29126. § 1–4.

и внутреннюю безопасность этих территорий, их социальную стабильность в рамках империи. Иными словами, при разработке отмеченных нормативных актов приоритет отдавался решению геополитических задач при одновременном стремлении законодателя интегрировать региональную систему управления в общегосударственные механизмы власти.

Анализ нормативных актов империи по управлению окраинными территориями позволяет утверждать, что региональное законодательство не только не нарушало государственное устройство России, но, наоборот, дополняло и корректировало его в соответствии со сложными внутри- и внешнеполитическими задачами, стоящими перед многонациональным государством. Согласно «Сибирскому учреждению» 1822 г., Азиатская Россия разделялась на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское с центром в Тобольске и Восточно-Сибирское с центром в Иркутске. К Западной Сибири были отне-

сены Тобольская, Томская губернии и Омская область, к Восточной Сибири – Иркутская, вновь образованная Енисейская губерния, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления и Троицкосавское пограничное управление. Губернии делились на округа, а последние – на волости и инородные управы.

Разделение Сибири на две большие административные группы не было совершенно новой идеей. Отчасти это было возвращением к прежней административной практике Тобольского и Иркутского наместничеств. В отчете о ревизии М.М. Сперанский ссылался как на прежний опыт, так и на рекомендации известных ученых П. Палласа и И. Гмелина. При обосновании разделения Сибири на две части законодатель постарался учесть целый ряд факторов: невозможность управлять краем из одного регионального центра, естественно-географические условия, численность, размещение и этнический характер населения, развитие торговли и промышленности, горного промысла, снабжение продовольствием, пограничное управление.

Если задача установления законности в управлении, по мнению М.М. Сперанского, достигалась созданием ряда особых сибирских уставов и положений, то вторая задача предусматривала создание такой административной системы, которая бы смогла сдерживать личный произвол в управлении. Г.С. Батеньков определял эту задачу как стремление поставить генерал-губернатора в правовые рамки, разделить «власть и исполнение». Существенной особенностью генерал-губернаторского управления в Сибири стала реализация идеи создания при территориальных начальниках коллегиальных совещательных органов, которые бы корректировали действие единоличной власти в виде Советов Главных управлений, губернских и окружных советов. Совет Главного управления учреждался под председательством генерал-губернатора, в его состав входили три члена от министерств (внутренних дел, юстиции и финансов) и три

члена в качестве производителей дел, назначаемых по представлению генерал-губернатора.

М.М. Сперанский вначале планировал довольно широкий состав Совета, предлагая кроме вышеназванных советников включить в него представителя Военного министерства (начальника внутренней стражи), окружного начальника путей сообщения, губернатора, председателей основных губернских учреждений, прокурора. Но в окончательной редакции проекта он отказался от этой мысли. Небольшой состав совета показался предпочтительней, чтобы обеспечить более высокую оперативность в обсуждении дел. Отказ от выборного начала при формировании сибирских советов разных уровней управления М.М. Сперанский объяснял отсутствием в Сибири дворянства и достаточного количества купечества.

Основной задачей Главного управления должно было стать осуществление общего надзора за деятельностью местной администрации. Совет Главного управления имел лишь совещательные функции, и генерал-губернатор не был связан его решением. При разногласии генерал-губернатора с Советом по этой категории дел высшей инстанцией выступал уже Сенат. Таким образом, это были весьма робкие попытки юридически ограничить произвол генерал-губернаторов. Создание Советов Главных управлений не было в чистом виде возвращением к коллегиальности в местном управлении, это была бюрократическая комбинация, в которой мнения членов без труда поглощались высшей властью председателя.

Аналогичная Главному управлению модель устанавливалась на губернском и окружном уровнях. В губерниях различалось так называемое общее и частное (отраслевое) управление. В губернский совет под председательством губернатора вошли председатели губернских учреждений и губернский прокурор. Упраздняясь должность вице-губернатора, он превращался в председателя казенной палаты. Вторым же лицом в губернии

после губернатора теперь стал председателем губернского правления. М.М. Сперанский именовал губернатора «хозяином» губернии и предпринял конкретные шаги к объединению частных управлений в губернии, «чтоб части сии одна другой способствовали, и чтоб весь состав губернского управления представлял нечто целое и совокупное»²⁷⁵.

Существенной функцией губернатора и губернского совета являлся надзор над всей губернской и окружной администрацией. В непосредственной власти губернатора оставались наиболее важные вопросы управления, надзора и даже судопроизводства. Основным средством надзора губернатора оставались обозрения губернских и окружных учреждений и ревизия делопроизводства в них. От него фактически зависело назначение и увольнение большинства чиновников в губернии, представление их к наградам. Губернатору было предоставлено право пересмотра уголовных дел, закрепляющее вмешательство администрации в судебный процесс. Все вышеизложенное свидетельствовало о преимущественном положении в управлении полиции, подведомственной губернатору и губернскому правлению.

Сперанский и Александр

Областные учреждения являлись, по сути, приспособлением губернского управления к местным условиям²⁷⁶. Уезды в Сибири были переименованы в округа. В зависимости от количества населения окружные и городские управления делились на три категории: многолюдные, средние и малолюдные. Лишь в многолюдных округах и городах предусматривался полный набор учреждений.

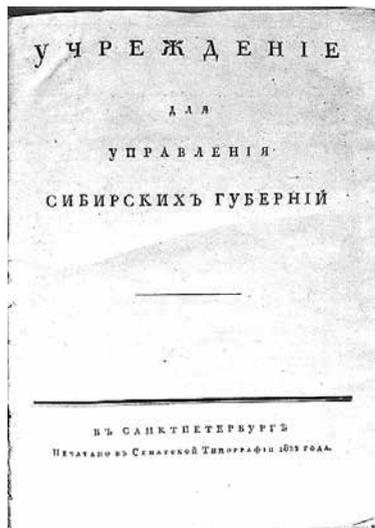
В своих планах дать для Сибири особое управление М.М. Сперанский опирался как на общие идеи об устрой-

²⁷⁵ Там же. С. 85.

²⁷⁶ Кузнецова Е.А. Область как единица административно-территориального деления Сибири в 1822–1858 гг. // История и общество в панораме веков: Материалы Всесоюзной Байкальской исторической школы. Иркутск, 1990. С. 35–39.

стве государственного управления, так и на частные предложения об исправлении сибирского административного аппарата. М.М. Сперанский не собирался ограничивать генерал-губернаторскую власть в Сибири, значение силы и самостоятельности которой он вполне сознавал. Он намеревался строить эту власть на несколько иных принципах: законность, разделение и единство власти, создание противовесов единоличной власти на всех уровнях управления. Осторожность, умение лавировать, учитывать всевозможные влияния и мнения – эти качества всегда были присущи М.М. Сперанскому. Царская опала и Сибирь лишь обострили их.

Законы о коренных народах Сибири. Главным итогом ревизии и реформ Сперанского применительно к народам края стал «Устав об управлении инородцев» – один из важнейших памятников законодательной деятельности империи в Сибири, разработанный на основе учета геополитических, этнических и иных особенностей Азиатской России. «Устав» свидетельствует об известной гибкости правительственного курса, понимании им особой роли государства и его институтов в организации жизни подвластного населения, дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводила империя народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин государства. «Устав» 1822 г. явился самым широким законодательным актом правительства по отношению к народам Сибири. Он действовал вплоть до начала

XX столетия, регламентируя все стороны жизни коренного населения: экономическую, административную, судебно-правовую и культурно-бытовую.

В соответствии с «Уставом» 1822 г. коренное население Сибири делилось на три разряда: «оседлых», «кочевых» и «бродячих». В основу деления был положен принцип хозяйственного развития. Поразрядная система обуславливала и гражданское состояние аборигенов, причем «оседлые инородцы» приравнивались к сословию государственных крестьян во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской.

«Кочевые» приравнивались к крестьянам в налоговом отношении, но сохраняли самостоятельность в управлении и суде. На «бродячих жителей» распространялись правила, «для кочующих постановленные». Допускались лишь незначительные исключения из этих правил.

Конечной целью поразрядной системы был переход «бродячих и кочевых жителей» в категорию оседлых. Это отражало финансовые интересы империи, так как подобный перевод сопровождался возведением аборигенов в более высокий податной оклад государственных крестьян. Наряду с этим поразрядная система преследовала и русификаторские цели. Однако нельзя не отметить, что «приравнивание» народов Сибири к русскому населению имело и прогрессивное значение. Задача постепенного перехода бродячих и кочевых племен в оседлые была основана на успехах в хлебопашестве, а распространение земледелия в хозяйстве коренного населения уже само по себе было положительным явлением.

Законодательство 1822 г. предусматривало обязательное наделение землей «инородцев» всех разрядов, как подданных государства. Организацию управления народов Сибири авторы «Устава» стремились построить на основе учета некоторых национальных особенностей нерусского населения края. Органы самоуправления кочевых народов разделились на три ступени: низшая – родовое управление, средняя – инородная управа, выс-

шая – степная дума. Должностные лица в состав «инородческого» управления избирались на общем собрании, к участию в котором допускались все члены общины.

Хозяйственная деятельность управления касалась прежде всего сбора налогов и податей. Судебные функции состояли в разборе незначительных гражданских дел. Суд и расправа производились на основе законов обычного права, кодификация которого предусматривалась «Уставом». Политические и криминальные дела подлежали разбирательству русскими чинами.

«Устав» сохранял почетные звания кочевников. «Звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным», – говорилось в «Уставе». Принцип наследственности допускался и

при замещении должностных лиц на выборах. В случае отсутствия прямого наследника разрешалось избрание ближайшего родственника.

Сохраняя таким образом патриархально-феодалные отношения, «Устав» в ряде случаев отходил от принципа

наследственности, давал определенную свободу выборному началу.

Как видим, самодержавие в своей политике по отношению к народам Сибири по-прежнему опиралось на феодальную верхушку «инородческого» общества. Предоставляя «почетным инородцам» различные льготы и привилегии, царизм стремился заручиться их поддержкой. Указом Сибирского комитета от 1 ноября 1832 г. «инородцы», пользующиеся правами личного дворянства и их дети, освобождались от уплаты ясака. В целом «Устав» ослаблял патриархально-феодальные отношения, но не уничтожал их.

«Устав» предусматривал ряд протекционистских мер по отношению к торговле. Вводился принцип свободной частной торговли с сибирскими «инородцами». Свободная торговля разрешалась не только на сугланах и ярмарках, но и в русских городах и селениях. В целях пресечения различного рода злоупотреблений запрещалась торговля чиновников с коренным населением.

Правительство понимало, что без успешного развития торговли в условиях упадка роли и значения пушного промысла бездоимочное взимание податей и повинностей с населения края становилось невозможным. Поэтому в «Уставе» 1822 г. делалась попытка, не изменяя патриархально-феодальной основы «инородческого» общества, учесть те буржуазные тенденции, которые уже обозначились в первой четверти XIX в.

Стремясь поднять платежеспособность «инородцев» Сперанский попытался на основе поощрения буржуазных начал построить налоговое обложение аборигенов. Тем самым делалась попытка оградить их от злоупотреблений со стороны чиновников, столь обычных при приеме в ясак «мягкой рухляди». В «Уставе» отмечалось, что «казенные комиссионеры.. на ярмарках инородцев выдерживают цены наравне с прочими покупателями». Наряду с денежными взносами, разрешалось сдавать

ясок пушминой, которая при оценке делилась на два сорта: «обыкновенную» и «дорогую».

«Устав» регламентировал государственные, земские, уездные и частные сборы. Подчеркивая самобытность народов Сибири, автор «Устава» оговорился, что «никакой новый общий по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет предписано».

Приравнивая кочевых «инородцев» к крестьянскому сословию в гражданских правах, «Устав» сближал их и в налоговом обложении. «Кочующие инородцы участвуют в общих по губернии повинностях», – гласил документ. Кроме того, они должны были содержать за свой счет и родовое управление.

Подробное исчисление всех сборов составлялось гражданским губернатором или областным начальником и утверждалось генерал-губернатором. Сборы на содержание родового управления производились на основании общественных приговоров, а на земские повинности – на основании особого положения, выработанного «местным главным управлением». Для точного учета всех сборов вводились специальные «шнуровые книги», хранившиеся в земском суде.

Специальная глава «Устава» была посвящена взысканию недоимок, но и тут реформатор стремился ограничить вмешательство администрации. Недоимки надлежало взыскивать «не иначе, как на ярмарках и суглавах». Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами, как «настоятельное убеждение», задержание старосты или его сына, ближайшего родственника, задержание части пушмины, предназначенной для продажи.

Ряд статей «Устава» был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии «Устав» стоял на позициях веротерпимости. Реформатор отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства. «Земское начальство обязано не до-

пускать стеснения инородцев под предлогом обращения в христианскую веру», – говорилось в «Уставе». Некрещенные «инородцы» получали «свободу отправлять богослужение по их закону и обрядам». Вместе с тем «Устав» подчинил «иноверческое духовенство... местной полиции наравне с прочими инородцами». Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но вместе с тем «Устав» не наделял никакими привилегиями крестившихся «инородцев». Уже позднее, в 1832 г., последовало предписание Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступающих в христианскую веру».

Устав предоставлял ясачным право отдавать детей в правительственные учебные заведения и открывать свои училища. Школа, полностью подконтрольная государству, рассматривалась как важный составной элемент политики русификации нерусского населения. Однако в подобных действиях правительства нельзя не видеть и известный социокультурный аспект, связанный с приобщением народов Сибири к грамотности и русской культуре в целом. Таковы основные положения «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в области хозяйственной, административной, судебной и культурно-бытовой²⁷⁷.

В итоге отметим, что разработанный М.М. Сперанским «Устав об управлении инородцев» стал первым в России сводом комплексного регионального законодательства, разработанного для одного из самых обширных регионов империи. Он появился в то время, когда в России, за исключением ее западных окраин, действовали общие для империи юридические нормы, регламентирующие права и обязанности населения и рассеянные в бесчисленном множестве указов.

Устав имел ряд недостатков, на что в ходе его реализации не раз указывали сибирские чиновники раз-

²⁷⁷ Устав об управлении инородцев М.М. Сперанского опубликован в Полном Собрании Законов Российской империи (ПСЗ), собрание 1, т. 38, № 29126. Подробный анализ устава см.: Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири... С. 35–45.

личного ранга. Тем не менее этот закон вплоть до конца XIX в. закрепил основные принципы административной, финансовой, национальной политики империи применительно к сибирским аборигенам. Он стал первым в империи опытом разработки и принятия свода законов, основанного на национальных традициях и особенностях народов Азиатской России.

Одним из важных последствий ведения Устава 1822 г. в практику стала кодификация норм обычного права сибирских народов, что и предусматривалось М.М. Сперанским. В итоге было создано два законодательных памятника – «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и «Сборник обычного права Сибирских инородцев для Западной Сибири».

До присоединения к России народы Сибири не знали письменных законов. Общественная жизнь регулировалась на основе обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение. С течением времени эти традиционные нормы, правила поведения, взаимоотношения внутри рода и т. д. приняли характер норм права. Кодификацию норм обычного права народов Сибири и предусматривал Устав Сперанского. Сама идея кодификации отражала существующее на тот момент стремление правительства в своей практике взаимоотношения с сибирскими «инородцами» учитывать традиционные институты власти аборигенов, их права и обычаи. Полное подчинение народов Сибири действию общероссийского законодательства авторам Устава казалось абсолютно невозможным.

Началом работ по кодификации стало распоряжение губернской администрации о переводе Устава Сперанского на «инородческие» языки. Затем в губернских городах были образованы специальные комитеты по сбору сведений о юридических нормах аборигенов. Сбор сведений осуществлялся в соответствии с программой, разработанной в Петербурге. В качестве информаторов выступали представители родовой знати. По полноте со-

бранных сведений выделяется проект Иркутской губернии, который в первоначальной редакции насчитывал 844 параграфа и подразделялся на 52 главы. В 1825 г. все собранные материалы были представлены на обсуждение в Сибирский комитет.

Дальнейшая судьба идеи кодификации норм обычного права «иностранцев» весьма показательна и свидетельствует о противоречивости взглядов, существовавших в высших правительственных инстанциях на будущее Сибири и ее населения в составе империи. По сути дела, споры велись о путях инкорпорации Сибири в общероссийскую государственную и экономическую систему. Камнем преткновения стал вопрос о земле. Чиновники второго отделения императорской канцелярии настаивали на включении в проект положения о признании верховных прав казны и Кабинета на иностранные земли. Противоположного мнения придерживался начальник этого отделения Д.Н. Блудов. Опасаясь возможных волнений аборигенов в далекой и пока плохо управляемой Сибири, он предложил исключить это положение из проекта свода законов. Правительство всерьез волновала и теоретическая возможность перекочевки части приграничных племен в Монголию и Китай. Это заставляло сановный Петербург с особой осторожностью рассматривать все проекты, касающиеся «окраинных» народов.

Вопрос о кодификации норм обычного права народов Сибири в высших правительственных сферах – императорском Кабинете, императорской Канцелярии, Государственном Совете – обсуждался вплоть до конца 40-х гг. XIX в. В конечном итоге в 1847 г. правительство признало, что кодификация норм обычного права народов Сибири в том виде, как это предусматривал в 1822 г. Сперанский, будет «не полезным, а вредным». Она послужит лишь консервации наиболее отсталых юридических норм и родовых традиций аборигенов. Правительство учитывало, что за четверть века, прошедшую со времени принятия Устава, поток русских переселенцев

в Азиатскую Россию существенно увеличился. Под влиянием контактов с русским населением в хозяйственной, общественной жизни и быту народов Сибири наметились значительные изменения. На это прямо указал вновь назначенный генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, предложивший управление «инородцами» подчинить общеимперскому законодательству.

В середине XIX в. обычное право для большинства народов стало уже пройденным этапом. Сибирь все больше превращалась в край сплошной крестьянской колонизации. Правительство постепенно склонялось к мысли о необходимости ускорения темпов интеграции русского и коренного населения Сибири. Разногласия касались лишь вопроса о том, как эту меру осуществить.

Упорядочение ссылки. В комплексе сибирского законодательства 1822 г., обращают на себя внимание законы, регламентирующие сибирскую ссылку. Плачевное состояние сибирской ссылки, фактически отсутствие надзора за ссылаемыми в край преступниками – все это побудило Сперанского разработать ряд нормативных актов, регламентирующих положение ссылки и самих ссыльных. Уставы 1822 г. о ссыльных и об этапах явились первыми кодексами сибирской ссылки, они не только объединили все действующие законодательные акты по вопросам сибирской ссылки, но и выделили в особый институт полицейского права законодательство о ссылке в Сибирь, детально регламентировали деятельность местной администрации по этому вопросу²⁷⁸.

Устав о ссыльных, явившийся первым опытом кодификации российской ссылки, имел громоздкую систему. Он состоял из 33 глав и 435 параграфов. Несмотря на это, Устав учреждал достаточно стройную систему управления ссыльными. Не случайно он был положен в основу всех последующих законов о ссыльных. В Уставе впервые была предпринята попытка только судебного

²⁷⁸ Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А., Ремнев А.В. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. С. 159.

порядка применения ссылки как вида наказания. Ссылка четко определялась в двух видах: 1. «На каторгу» и 2. «На поселение». И то, и другое определялось исключительно «приговором суда». В Тобольске учреждался приказ о ссыльных, состоящий из управляющего, двух заседателей и канцелярии, а в каждой губернии создавалась экспедиция о ссыльных. В обязанности приказа входили прием и распределение ссыльных «во всех местах находящихся» до их окончательного водворения. Таким образом, прием ссыльных начинался в Тобольском приказе, а заканчивался в Иркутской экспедиции²⁷⁹.

Устав определил соотношение между каторгой и поселением, при этом на устройство поселенцев авторы Устава обратили особое внимание. Ссылаемые на поселение разделялись на шесть категорий: 1) временные заводские рабочие, работавшие вместе с каторжными, но не более 1 года; 2) дорожные рабочие, направляемые преимущественно на устройство путей сообщения; 3) ремесленники; 4) слуги; 5) поселенцы – причисляемые к деревням старожилов или водворяемые в новых поселениях, и 6) неспособные²⁸⁰.

С особой тщательностью нормы Устава регламентировали деятельность губернской администрации по отправке, приему, распределению и содержанию ссыльных²⁸¹. По прибытии в губернию ссыльные поступали в ведение местной экспедиции о ссыльных, которая распределяла их «по разным хозяйственным заведениям». Для осуществления над ними надзора, по усмотрению Главного управления (фактически генерал-губернатора), «назначается потребное число городских казаков». При этом подчеркивалось, что надзор за ссыльными (в том числе ссыльнокаторжными) «зависит от местного управления каждым заведением»²⁸². Впервые были введены нормы имущественного и семейного права для ссыль-

²⁷⁹ ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. § 1, 2, 33, 156–158, 219.

²⁸⁰ Там же. § 193.

²⁸¹ Там же. № 29128. § 21, 233–237.

²⁸² Там же. § 21, 233–237.

ных, оговаривалось снабжение ссыльных как продовольствием, так и одеждой. В частности, Устав предполагал либо выдачу кормовых денег (из казначейства), либо продуктов – «по усмотрению генерал-губернатора»²⁸³. Обеспечение одеждой проводилось по «прилагаемому положению». Так, летняя форма одежды состояла из двух рубах, двух портов, двух легких онучей и холстяного мешка (замена происходила через шесть месяцев), зипуна, армяка или другой длинной одежды и летней шапки (выдавались один раз в год). Каждые три месяца ссыльным выдавалась пара сапог или чирков. В период с сентября по март к этому добавлялись шаровары крестьянского сукна без подклада, шуба овчинная, пара теплых рукавиц и зимняя шапка (выдавалась раз в год)²⁸⁴.

Таким образом, Устав четко закреплял двойственную природу наказания: каторга и ссылка. Здесь следует иметь в виду, что понятие ссылки в России представлялось сложным; что под общим именем ссыльных, идущих ежегодно в Сибирь по этапу, подразумевалось несколько совершенно различных категорий. В этом отношении прежде всего нужно различать ссылку судебную и административную. Ссылка судебная подразделялась на ссылку в каторгу, на поселение, на житье (до Закона 1900 г.) и на водворение. Принудительное административное переселение в Сибирь (административная ссылка) также делилась на высылку в Сибирь переданных в распоряжение правительства мещанскими и крестьянскими обществами, высылку не принятых обществами по выходе из арестантских отделений и ссылку административно-политическую, в интересах общественной безопасности.

Двойственность природы наказания обусловила появление и развитие двух систем управления осужденными: управление поселением и управление каторгой. Управление поселением строилось на основе общей системы

²⁸³ ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. § 201, 214, 416.

²⁸⁴ Там же. § 144–147. Положение о снабжении ссыльных одеждой. См.: Штаты к Уставу о ссыльных.

управления Азиатской Россией, разработанной М.М. Сперанским и утвержденной в 1822 г. Она представляла собой вертикаль власти, которая подразделялась на несколько уровней управления: Главное, губернское, окружное, волостное и инородное²⁸⁵. Функции управления ссылкой распространялись на все уровни управления, в зависимости от их властной компетенции.

Высшую ступень – главное управление – составлял сам генерал-губернатор²⁸⁶. Наделенный исключительно широкими полномочиями, он осуществлял контроль над деятельностью всех подчиненных учреждений в пределах вверенного им генерал-губернаторства, в том числе органов управления каторгой и ссылкой, которые находились в рамках его компетенции. Генерал-губернатор через подчиненных чиновников обеспечивал прием, распределение, сопровождение и в конечном итоге надзор за расположенными на подведомственной территории учреждениями пенитенциарной системы. По вопросам политической ссылки генерал-губернаторы подчинялись начальнику Третьего отделения, а через него – императору. На основе анализа «Сибирского учреждения» и «Устава о ссыльных» можно сделать вывод о том, что компетенция генерал-губернатора по установлению и соблюдению режима политической ссылки ограничивалась распоряжениями самого императора, а впоследствии и шефа жандармов. Генерал-губернаторская власть выступала прежде всего в качестве органа надзора²⁸⁷.

Губернский уровень управления возглавляли губернаторы (гражданские либо военные)²⁸⁸. Военным губернаторам была подчинена, наряду с гражданской, военная администрация подведомственной территории и расположенные в ней внутренние войска. В частности, военный губернатор Забайкальской области являлся одно-

²⁸⁵ ПСЗ-1. Т. 38. № 29128. § 4, 5.

²⁸⁶ Подробнее см.: Гл. 2. § 4.

²⁸⁷ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 110–111.

²⁸⁸ ПСЗ-1. Т. 26. № 25494, 25395.

временно и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска²⁸⁹.

Компетенция губернатора была проекцией властных полномочий генерал-губернатора, ограниченной рамками губернии (области). В юрисдикцию губернатора в части управления ссылкой и каторгой входили подготовка необходимых документов прибывающим партиям ссыльных, а также административно-полицейские и хозяйственные вопросы, такие, как снабжение ссыльных одеждой и продовольствием, распределение ссыльных по заводам и «разным хозяйственным заведениям». Все дела в части управления ссылкой на губернском уровне аккумулировались в экспедиции о ссыльных, которая являлась одним из отделений губернского правления²⁹⁰.

Таким образом, на губернаторов было возложено не только управление подчиненными полицейскими учреждениями, но и проверка исходящей и поступающей корреспонденции, регулирование контактов с родственниками и прочее.

Губернаторы через генерал-губернатора подчинялись министерству внутренних дел, однако на практике же они находились в ведении Третьего отделения и начальника Сибирского жандармского округа, осуществлявшего контроль за функционированием местной администрации и соблюдением режима каторги и ссылки²⁹¹.

Третье отделение получало сведения о состоянии ссылки и ссыльных не только через генерал-губернаторов, но и через своих жандармов. В частности, в 1828 г. с ревизией в Сибирь был направлен начальник второго отделения пятого округа корпуса жандармов, полковник Маслов. А.Х. Бенкендорф приказывал ему «разведать с точностью, подробностью и осторожностью все обстоя-

²⁸⁹ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 147.

²⁹⁰ ПСЗ-1. № 29125. § 33, 43, 44; № 29128. § 205, 214, 233–237.

²⁹¹ Положением 28 апреля 1827 г. вся территория империи была разделена на жандармские округа и отделения. В 1833 г. был создан VII жандармский округ с центром в Тобольске, а с 1839 г. – в Омске. См.: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX. Омск, 1995. С. 121.

тельства до образа жизни ссыльных относящиеся, круг деятельности их, обыкновенные разговоры и суждения, а более всего тот оборот мыслей, который они произвели в местах нового их пребывания»²⁹².

Одновременно с Уставом о ссыльных Сперанским был введен еще один специальный закон о препровождении осужденных в Сибирь – Устав об этапах, коренным образом изменивший порядок отправления осужденных в Сибирь. Устав об этапах (13 глав, разбитых на 199 параграфов) определял состав и обязанности этапных команд, порядок движения партий, ряд положений документа касался содержания этапов и самих этапных команд²⁹³.

Значение реформ. Сибирская реформа 1822 г., разработанная Сперанским в Иркутске при активном участии будущего декабриста-сибиряка Г.С. Батенькова, является одним из наиболее выдающихся событий сибирской истории XIX в. Это был первый российский опыт регионального законодательства, построенного на основе принципа разделения властей, самостоятельной функциональной роли каждой ветви власти в управлении, а также с учетом геополитических особенностей огромного края. Преобразования 1822 г. не только на целое столетие определили структуру сибирской администрации и местного управления, но и оказали влияние на многие важные вопросы жизни края, политики в отношении коренного населения, ссылки, свободы торговли и др. Современники ожидали от Сперанского «действий выдающихся». Г.С. Батеньков так выразил свое отношение к иркутскому периоду деятельности Сперанского: «Сибирь должна возродиться... у нас новый властелин, вельможа добрый, сильный и сильный только для добра».

Сибирская реформа, как и большинство преобразований того времени, готовилась в строгой тайне. Иркутск

²⁹² Там же. § 144–147. Положение о снабжении ссыльных одеждой. См.: Штаты к Уставу о ссыльных.

²⁹³ ПСЗ-1. Т. 38. № 29129.

жил размеренной жизнью. Сперанский принимал посетителей, присутствовал на балах и богослужениях, внешне ничто не выдавало огромного внутреннего напряжения этого человека. По воспоминаниям современников, никто не догадывался о том, что в доме золотопромышленника А. Кузнецова, где жил Сперанский, шла интенсивная мыслительная работа. М.М. Сперанским и его помощниками, в первую очередь Г.С. Батеньковым, был собран и проанализирован огромный комплекс исходных материалов. Этот комплекс законов, насчитывающий 4019 параграфов, является уникальным примером законодательного творчества в Российской империи. Он отличается исключительно высоким для своего времени качеством проработки правового материала. Наиболее характерной его чертой стало стремление Сперанского обеспечить в новом законодательстве сочетание основополагающих политических принципов функционирования империи, сибирской специфики с решением общегосударственных задач.

Административные преобразования М.М. Сперанского обозначили определенный поворот в «окраинной» политике самодержавия, что свидетельствовало о признании необходимости установления для Сибири особой системы управления. Это была первая попытка подойти к проблемам управления огромным, богатым ресурсами

краем комплексно, что указывало на определенное стремление выработать правительственную «концепцию Сибири».

Необходимость концентрации власти и усиления централизации в

управлении повлекли за собой обостренное внимание самодержавия к организации управления окраинами в первой четверти XIX в. Появился целый ряд законодательных актов, предусматривавших широкий диапазон методов региональной политики: от федеративных принципов до простой децентрации административного аппарата. В 1809 г. были приняты особые законы для Финляндии, в 1815 г. – Царству Польскому была «дарована» конституция; автономное управление существовало в 1812–1828 гг. в Бессарабии; действовало особое законодательство по управлению Прибалтийскими губерниями; разрабатываются специальные положения об управлении Закавказьем, Оренбургским краем, Областью Войска Донского. В 1819 г. при Министерстве иностранных дел был учрежден Азиатский комитет, который, помимо внешнеполитических вопросов, занимался делами по управлению казахов. В русле этих преобразований следует рассматривать и административную политику самодержавия в Сибири. «Сибирский вопрос», таким образом, стал составной частью правительственных планов по реорганизации управления национальными окраинами и олицетворял собой «азиатское» направление в административной политике царизма.

Реформа государственного управления в Сибири, проведенная М.М. Сперанским, стала отражением правительственных поисков оптимального административного устройства регионального управления. В этом смысле она связана с целым рядом проектов, выдвинутых в начале XIX в., и находится в русле общих процессов перестройки системы государственного механизма. «Сибирское учреждение» 1822 г. вплоть до конца XIX в. определило основные принципы административно-территориального устройства региона.

Судьба реформатора. По возвращении в Петербург основная деятельность М.М. Сперанского была связана с работой по созданию Полного собрания законов и Свода законов Российской империи. Мировая юриди-

ческая практика еще не знала столь масштабных работ по кодификации законов! Для этого в структуре императорского Кабинета – высшего политического органа государства – было образовано Второе отделение, а Сперанский назначен его «главноуправляющим».

Впоследствии Сперанский назначается председателем Департамента законов Государственного Совета. 19 января 1833 г. М.М. Сперанский представил императору Николаю I на специальном заседании Государственного Совета 45 томов «Полного собрания законов Российской империи» и 15 томов «Свода законов Российской империи». В знак признания выдающихся заслуг Сперанского в конце торжественной церемонии Николай в присутствии всех членов Государственного Совета снял с себя Андреевскую звезду – высший орден империи, которым при рождении награждались мужчины – члены императорской фамилии, и надел ее на Сперанского. Впоследствии эта сцена по воле императора Александра II была изображена на памятнике Николаю I, установленном перед Исаакиевским собором в Петербурге, работы выдающегося скульптора Клодта.

В 1834 г. по инициативе М.М. Сперанского в столице России была основана «Высшая школа правоведения» для подготовки квалифицированных юристов. Тем самым положено начало высшему юридическому образованию в нашем государстве. Свидетельством личного доверия и «благоволения» императора к выдающемуся реформатору стало назначение его 12 октября 1835 г. преподавателем юридических и политических наук наследнику престола – будущему императору Александру II. Именным высочайшим указом от 1 (13) января 1839 г. в день 67-летия этот бывший сын сельского дьячка был возведен в графское достоинство Российской империи.

Но жить с графским достоинством Михаилу Михайловичу оставалось недолго. 11 (23) февраля 1839 г. он умер от простуды. Похоронен этот выдающийся сын России в некрополе мастеров искусств Александрово-Невской лавры. Авторы настоящего издания в период своей мно-

голетней работы в архивах бывшего Ленинграда (Петербурга) не раз бывали на этом некрополе, где покоятся останки выдающихся деятелей истории и культуры России – от гениев «передвижников» и членов «могучей кучки» до Е. Капеляна, Г. Товстоногова и А. Собчака. И всегда, независимо от времени года, мы видели на могиле М.М. Сперанского свежие гвоздики.

Беззаветное служение интересам России, высочайший профессионализм и благородство навсегда останутся в памяти потомков. Открытие памятника М.М. Сперанскому в Иркутске и появление настоящего издания – тому подтверждение.

Глава III

Законодательство как источник изучения правительственной политики в Сибири

На протяжении своей педагогической и научной деятельности к анализу Полного собрания законов Российской империи профессор Л.М. Дамешек обращается неоднократно. Тому есть несколько причин. С одной стороны, на историческом факультете университета он на протяжении последних лет читает лекции по двум курсам, пользующимся неизменной популярностью студентов: «Власть и реформы в императорской России» и «Социальная история империи». Как само осмысление и разработка этих учебных дисциплин, так и их успешное чтение невозможно без знания имперского законодательства. В основе первого курса лежат процессы изучения становления и развития самодержавной формы правления как присущей России формы власти, ее реформаторской деятельности. Второй курс предполагает обязательное изучение законодательства применительно к условиям империи как определенной группе лиц, права и обязанности которых закреплены в законе. Кроме того, на юридическом факультете университета в середине 80-х гг. в течение ряда лет Л.М. Дамешек читал лекции по государственно-правовому развитию Сибири. Именно поэтому профессор Н.И. Трофимов, в то время декан юридического факультета, предложил ему должность заведующего кафедрой теории и истории государства и права.

Что касается научной работы Л.М. Дамешека, то изучение правительственной политики, по убеждению профессора, немислимо без изучения нормативной базы как в целом, так и применительно к конкретному

региону. При этом как в ходе лекционной работы, так и в своих научных исследованиях Л.М. Дамешек подчеркивает, что анализирует царское законодательство применительно к конкретной правовой системе Российской империи. Эта особенность профессорского мышления хорошо заметна на примере как его учебно-методических изданий²⁹⁴, так и публикаторской деятельности²⁹⁵. Работа над предлагаемым читателю очерком началась более десяти лет назад, когда замышлялась известная на сегодня серия «Окраины России». Однако по ряду причин – занятость авторов другими проектами, иных, подчас драматических обстоятельств – работа оказалась прерванной в самом начале. Для настоящего издания Л.М. Дамешек предложил некоторые наброски из пока еще неоконченной работы, которые тем не менее имеют самостоятельный характер. Основное внимание уделяется анализу «Сибирского учреждения» 1822 г. М.М. Сперанского, как краеугольного камня имперского законо-

²⁹⁴ Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX веков. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2015. 223 с. (Россия Азиатская). Соавт.: И.Л. Дамешек; Народы Сибири в административной системе Азиатской России XVIII – начала XX века : учеб. пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2016. 230 с.; Высшая администрация Азиатской России XVIII – начала XX в.: история института, социальный портрет элиты, библиография : учеб. пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2017. 131 с. (Азиатская Россия). Соавт.: И.Л. Дамешек, В.К. Пешкова, И.П. Белоус.

²⁹⁵ Нормативные акты как источник изучения политики самодержавия в отношении народов Сибири // Первая конференция молодых ученых : тез. докл. Иркутск, 1983. С. 94.; Народы Сибири в законодательном механизме империи XVIII–XIX вв. // Мир Центральной Азии: материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2002. Т. 2. Ч. 1 : История. Социология. С. 69–73. Соавт.: И.Л. Дамешек; Нормативные акты как источник изучения политики имперского регионализма: на материалах Сибири XIX – начала XX вв. // Современное историческое сибиреведение : [сб. науч. тр.]. СПб., 2010. Вып. 3. С. 81–85; Ссылка и каторга в имперском законодательстве // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. Иркутск, 2011. Вып. 6 (18). С. 66–91. Соавт.: И.Л. Дамешек; Российское законодательство как источник изучения правительственной политики в Сибири XIX – начале XX веков // Правосудие в Вост. Сибири. 2012. № 1–2. С. 93–95. Соавт.: И.Л. Дамешек; Особые комитеты как органы управления окраинами империи XIX – начала XX вв. Saarbruchen : Palmarium Academic Publishing, 2012. 65 p. Соавт.: И.Л. Дамешек; Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Saarbruchen : Palmarium Academic Publishing, 2012. 448 p. Соавт.: И.Л. Дамешек; История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. 503 с. Соавт. Б.Н. Жалсанова, Л.В. Курас.

детельства применительно к Азиатской России, заложившего основы политики имперского регионализма в России и действовавшего без существенных изменений вплоть до конца XIX в. Успешной работе Л.М. Дамешека над данным сюжетом способствовало то обстоятельство, что в научной библиотеке Иркутского государственного университета имеются все три собрания законов Российской империи – этого ценнейшего источника нормативных актов по истории императорской России.

1. Полное Собрание Законов Российской империи как систематизированный сборник правовых узаконений

Сооставление Полного собрания законов Российской империи было вызвано кодификационными работами императора Николая I. Само издание Полного собрания законов было поручено Второму отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а всю огромную кодификационную работу проделал М.М. Сперанский. Свою цель при этом император Николай I так сформулировал перед бывшим своим учителем права Н.А. Балугьянским. «Я, – заявил он одну из главных задач царствования, – желаю положить в основу государственного строя и управления всю силу и строгость законов». Однако понимание природы законов для николаевской России было принципиально иным, нежели для западноевропейского правосознания. Потребность в законах определялась не задачами осуществления правосудия, а поддержанием порядка.

Полное Собрание законов Российской империи (впоследствии Первое ПСЗ), знаменовавшее важный этап на пути систематизации законодательства, было создано в 1826–1832 гг. Новое законодательство было нацелено на повышение эффективности деятельности огромного административного аппарата России, наведение порядка

в управлении и правосудии. Именно такие цели преследовал Николай I, образовавший в 1826 г. в собственной канцелярии специальный кодификационный орган – II отделение. Трансформация системы управления связывалась с кодификационной деятельностью М.М. Сперанского. Культивизации законов противоречила «разбухшая» за 200 лет (после «Соборного уложения 1649 г.») система российского законодательства.

В предисловии к первому тому ПСЗ, который был опубликован в 1830 г., дано краткое описание причин и целей создания собрания законов, его структуры, способов составления и издания, критериев систематизации законов, которые подлежат опубликованию в ПСЗ. Необходимость кодификации обуславливалась несколькими причинами: во-первых, говорилось о том, что Собрание Законов Петра I оставило неопубликованными Военский, Морской уставы, регламенты коллегий и др. общие постановления. Во-вторых, проверка Собрания узаконений, которая проводилась в царствование императрицы Екатерины II с 1762 по 1770 г., выявила тот факт, что достаточно массивный пласт нормативных актов оказался вне системы законодательства. И, наконец, третьей причиной называлось отсутствие в Собраниях законов международных законов, подписанных между Россией и другими странами мира. Таким образом, главными недостатками предшествовавших ПСЗ Собраний законов являются неполнота их содержания, а также то, что многие постановления в указателях напечатаны в виде указов, тогда как на самом деле они таковыми не являлись. Необходимость объяснялась еще и тем, что «... законы отображают, так сказать, внутреннюю жизнь государства. В них видно, как нравственно и политически его силы слагались, образовывались, возрастали и изменялись. Следовательно, история Государства, без познания законов, не может иметь ни ясности, ни достоверности, так как, с другой стороны, Законы без истории часто бывают невразумительны. Посему, чем

благовременнее Законы приводятся в известность, тем источники истории для современников становятся удобнее, для потомства достовернее». Все вышеназванные обстоятельства были учтены М.М. Сперанским при составлении первого монументального сборника русского права.

М.М. Сперанский разделил работу по систематизации законодательства на два этапа: составление Полного Собрания законов и составление Свода законов. В официальных документах первый этап именовался предварительным, который заключался: 1) в проведении архивных изысканий и подготовке реестров всех существующих законов; 2) в размещении законодательных актов по специальным реестрам; 3) в осуществлении проверки законов.

Начальные работы были связаны со значительными трудностями, поскольку существовало большое количество законов, разбросанных по различным архивам страны. Так, в начале XVIII в. они хранились в архивах нескольких приказов: Посольского, Разрядного, Поместного, Иноземного и др. С образованием в 1711 г. Правительствующего Сената законы стали поступать на хранение в Петербургский сенатский архив и Московский архив иностранных дел. Кроме того, многие «узаконения» посылались в архивы высших органов государственного управления: Главного штаба Его императорского величества, различных министерств и департаментов, Сената, Синода. Такая разбросанность законодательного материала чрезвычайно затрудняла систематизацию, что отмечалось в отчете II отделения: «Главнейшее было — то, что не было общего собрания законов, они разбросаны во многих собраниях, изданных от Правительства и частных лиц. Ни одно неполно; все ошибочны. Множество указов не напечатано, напечатанные растеряны. Нигде, даже в Архиве Правительствующего Сената, нет полного их собрания, по сему чиновникам было должно не только соображать и излагать узаконения, но при-

искрывать и открывать самые их материалы». Подобные осложнения чиновники II отделения испытывали на всем протяжении работ, особенно в процессе архивных изысканий, при составлении и пополнении реестров по разным частям законодательства, т. е. на этапе подготовки Полного Собрания законов.

Существующие трудности усугублялись неудовлетворительным состоянием самих архивов. Ни в одном, даже самом крупном – сенатском, архиве не было обнаружено полных реестров существующих законов. М.М. Сперанский осознавал всю сложность предстоящей деятельности. Он сам осуществлял переписку о представлении реестров и отдельных «узаконений» в распоряжение II отделения. Эта трудоемкая работа требовала большого организаторского таланта от руководителя и незаурядных способностей от конкретных исполнителей. Основная часть работ по подбору законодательства, его проверке и составлению реестров была проделана во II отделении за 8 месяцев силами четырех основных чиновников и двух помощников. Они изучили фонды двух главных архивов: сенатского и инспекторского департамента, сделали выписки из реестров и начали проверку законов. Впоследствии штат чиновников, занимавшихся пополнением реестров, был увеличен на 6 человек. Общее число чиновников, осуществлявших составление Полного Собрания законов, было весьма незначительным – всего 12 человек.

Во II отделении создавалось два реестра: хронологический и алфавитный; первый должен был служить основанием для Полного Собрания законов, второй – для Свода законов. Для внесения нормативного акта в алфавитный реестр необходимо было выделить главный его предмет. В свою очередь, алфавитный реестр служил основанием для составления систематического, что облегчало работу кодификаторов при построении Свода законов. Соотношение названных реестров определялось следующим образом: «Хронологический реестр будет

служить удостоверением, что ни одно из существующих узаконений не пропущено, а алфавитный реестр представит основу Свода и верный способ приискания законов».

Деятельность по составлению сводного реестра должна была стать важным моментом для достижения наибольшей полноты и точности будущего законодательства... Поэтому на данном этапе особое внимание уделялось обнаружению реестров всех существующих указов и постановлений, изданных с 1649 г. За основу был взят реестр Комиссии составления законов, насчитывающий 23 433 «узаконения». Он дополнялся данными из Сенатского архива в Петербурге, Московского архива, из Святейшего Синода, Кабинета министров и т. д. Общее количество указов, изданных в период с 1649 по 1826 г., достигло 53 239.

Кодификаторы сразу приступили к проверке реестров, поскольку в отделении имелся «фонд» для такой работы. Он состоял из материалов Комиссии составления законов: подлинных и печатных указов, дел, сводов, проектов, собранных в разное время. Проверка началась с 1711 г., поскольку реестры указов с 1649 по 1710 г. были довольно полными, и работа не вызывала особых затруднений, в связи с чем могла быть проведена в самой канцелярии. В распоряжении чиновников имелись реестры архива названной комиссии, дополнительные реестры сенатских архивов Петербурга и Москвы, а также инспекторского департамента. Каждый чиновник рассматривал указы за несколько лет (например, с 1711 по 1715; с 1716 по 1720 и т. д.). Цель проверки – выявление указов, одинаковых по содержанию, но различных по датировке. Было принято за правило оставлять более ранний указ. При отсутствии пометок о характере указа (именной или сенатский) проводилось сравнение с подлинником. Одновременно сличались заглавия двух одинаковых по содержанию законов. Кроме того, осуществлялась двойная проверка деятельности по созда-

нию реестров, что способствовало достижению большей точности реестров, ликвидации повторов, противоречий, а также существенному дополнению и исправлению реестров.

Результатом этой работы стало создание многотомного Полного Собрания законов Российской империи, отражавшего историческое развитие права за 180 лет. Построенное в строго хронологическом порядке, оно включало все законодательство, начиная с Соборного уложения 1649 г. То, что данное уложение было принято за точку отсчета, не было случайным. Оно закрепляло развитые феодально-крепостнические отношения, а следовательно, сохраняло значение и во второй четверти XIX в. По мнению М.М. Сперанского, Соборное уложение являлось «единым корнем» российских законов.

Все правовые акты, принятые до 1649 г., признавались недействительными, а потому не подлежали включению в Полное Собрание. Однако они представляли большой исторический интерес и должны были быть систематизированы. В будущем планировалось издать их в качестве самостоятельного сборника – Собрания древнейших законов русского государства. В первое Полное Собрание Законов Российской империи, состоящее из 45 томов (40 томов законов и 5 томов указателей), вошло около 31 тысячи законодательных актов, расположенных в хронологическом порядке и охватывающих период с 1649 г. по 3 декабря 1825 г.

Предпринятое одновременно второе издание в дальнейшем печаталось и завершилось лишь в 1863 г. публикацией 35 тома, доводящего законотворческую деятельность до конца правления Александра II. Для практических нужд аппарата чиновничества был предложен пятнадцатитомный «Свод законов Российской империи» (1832 г.), который ограничивался действующими законами, структурированными по тематическим разделам. Непосредственно к вопросам управления относился первый том, в который вошли законы о высших и цен-

тральных учреждениях, второй – о местных учреждениях, третий – о службе чиновников, четырнадцатый – о полиции, цензуре, ссылке и т. п. Ввиду роста бюрократического аппарата дважды, в 1842 г. и в 1857 г., предполагалось переиздание «Свода».

Полное Собрание законов объединило в себе чрезвычайно разнообразный нормативно-правовой материал. В русском праве первой половины XIX в. отсутствовало четкое разграничение понятий «закон» и «подзаконный акт», хотя соответствующие попытки и предпринимались. Данное обстоятельство повлияло на состояние действующего законодательства. С каждым годом количество нормативно-правового материала возрастало, причем собственно законы невозможно было выделить из массы частных и временных актов. Они утрачивали характер «общности и прочности», что снижало эффективность правовых норм. Это усугублялось тем, что государственные органы на местах зачастую издавали нормативные акты, не соответствовавшие законодательству верховных органов власти.

Противоречия между законами и подзаконными актами свидетельствовали не только о возросшем произволе нижестоящих органов власти, но в определенной степени и о расхождении ряда законодательных актов с действительными потребностями государства. Поэтому необходимость различения законов и подзаконных актов с особой остротой встала перед самодержавием в XIX в.

Попытки разрешения этой проблемы предпринял М.М. Сперанский, выделивший следующие критерии их разграничения. «Все постановления, коими государство управляется, составляют неразрывную связь последствий, из одного начала истекающих... Но не все последствия равно существенны для политической и гражданской свободы. В отношении к свободе они могут быть разделены на два главных класса. В первом должны положить те постановления, коими вводится какая-либо перемена в отношениях сил государственных или в отно-

шениях частных лиц между собой. Во втором – те, кои, не вводя никакой существенной перемены, учреждают токмо образ исполнения первых. Первым принадлежит в точном смысле толкование закона, вторым – уставов и учреждений. Первые должны составлять предмет законодательного сословия, вторые же относятся к действию власти исполнительной». Такое разграничение, если бы оно было принято, облегчило бы задачу создания единого законодательства. Отбор нормативного материала для систематизации не представлял бы тогда особых трудностей. Но так как предложение М.М. Сперанского не было принято, на практике по-прежнему не делалось никаких различий между законами и подзаконными актами.

Множественность нормативного материала Полного Собрания законов объясняется своеобразием принципов его подбора. Во-первых, в него вошли акты как действующие, так и отмененные. Во-вторых, в Собрание вносились акты неюридического характера, например, отдельные временные и частные распоряжения, имеющие исключительно историческое значение. Решение вопроса о частном, общем или временном характере было возложено на ведомства, представляющие материалы во II отделение, или на главноуправляющего канцелярией, который в случае сомнения разрешал данный вопрос с императором. В-третьих, Собрание включало судебные решения, которые с течением времени стали общераспространенными и служили образцом для аналогичных дел. Они содержали толкование закона, правила общего характера и судебные решения по важнейшим делам.

Помещение в Собрание материалов ненормативного характера свидетельствовало о неразвитости в тот период юридической науки, об отсутствии четких критериев отбора законодательства. Это отрицательно сказалось на содержании Собрания и соответственно в дальнейшем – Свода законов.

Из Полного Собрания подлежали исключению следующие категории «узаконений»: законы, «вызванные обстоятельствами чрезвычайной важности»; частные законы, касавшиеся какого-либо лица или содержавшие правила внутреннего распорядка государственных органов. Не включались в Собрание и судебные решения, кроме перечисленных, а также законы, подлежащие отмене и изъятию из употребления, если последующими указами они не были восстановлены. В последнем случае в Собрание следовало помещать не только эти законы, но и законы, восстанавливающие их юридическую силу.

Полное Собрание законов подразделялось на два издания в зависимости от времени опубликования законодательных актов. Первое охватывало период с 1649 г. до 2 декабря 1825 г., второе – «узаконения» царствования Николая I. Правила построения и отбора нормативного материала для этих изданий были в основном одинаковы и разрабатывались чиновниками II отделения под руководством М.М. Сперанского. Вместе с тем второе издание отличалось более строгим отбором нормативно-правового материала. В него вошли указы, напечатанные Правительствующим Сенатом, подлинные Именные указы и их копии, разосланные в государственные органы; принадлежавшие министерствам и главным управлениям нормативные акты, не напечатанные в Сенате и не являвшиеся секретными. Кроме того, в процессе создания второго издания Полного Собрания законов кодификаторы приобрели опыт и усовершенствовали правила отбора нормативного материала, методы построения сборника. Претерпели изменения и другие, менее значительные моменты, его характеризующие: 1) каждый том охватывал один год; 2) в нем помещались штаты при соответствующих законах; 3) гербы, рисунки монет, планы городов и т. д.; 4) хронологический и алфавитный указатели, систематическая таблица.

Второе издание отличалось значительно меньшим по сравнению с первым количеством частных, временных

актов, указов неюридического характера. Несмотря на это, в некотором отношении оно было полнее первого, поскольку при его составлении отсутствовали трудности, возникавшие ранее в связи с архивными изысканиями.

Полное Собрание законов – монументальный памятник русского права. Его сила и действие распространились на значительную часть общественных отношений России, что и предопределило его существование вплоть до Октябрьской революции. Хотя впоследствии единственным законом, отменяющим ранее существовавшее законодательство, считали Свод законов Российской империи, практика государственных органов нередко обращалась к Собранию как к достоверному источнику законодательства. Трудности в применении Свода вызывались неполнотой законов, их противоречивостью и встречающимися в тексте ошибками. Исторические и историко-юридические документы свидетельствовали, что Полное Собрание было важнейшим пособием для разъяснения смысла законов. Значение Полного Собрания законов состояло и в том, что оно содержало отмененные и действующие законы и потому могло служить материалом и руководством для дальнейшего развития законодательства. Кодификационные работы, предпринятые после издания Собрания, должны были ориентироваться не только на действующее, но и на утратившее силу законодательство, поскольку существовала преемственность между старыми и новыми законами, закреплявшими феодально-крепостнические порядки. Пробелы в законодательстве указывали на необходимость проведения дальнейших работ по систематизации, но уже на более высоком уровне – в форме кодификации. По этому пути и пошло дальнейшее развитие законодательства России.

2. Обзор законодательных актов середины XIX в., действующих на территории Сибири

Анализ нормативно-правовых актов, содержащихся в Полном Собрании законов Российской империи, позволяет определить основные направления правительственной политики в Сибири после введения «Сибирского учреждения» М.М. Сперанского 1822 г., подлежащие регулированию. Наиболее приоритетной для царского правительства, наряду с военной сферой и экономикой, являлась организация местного управления. Общее число законодательных актов, изданных за исследуемый нами период по отношению к Сибири, составило 913 нормативных актов в различной иерархии: высочайших, именных и сенатских указов, постановлений Комитета министров и т. д., из которых 183 закона относятся к области управления. Законодательные акты, касающиеся управления в Сибири в 1850–1860 гг., можно разделить на следующие блоки:

1) административно-территориальная политика самодержавия в Сибири; организация власти (учреждение/упразднение и функционирование сибирских институтов власти);

2) институт государственной службы, чиновничество;

3) делопроизводство.

Более подробно нами будет рассмотрен первый блок вопросов, т. е. аспект управленческой политики, касающийся административно-территориального деления Сибири.

Как правило, говоря об административном управлении региона, мы имеем в виду законодательно-территориальную организацию, на основе которой образуются и функционируют органы региональной государственной власти и управления. Важно также понимать, что административная политика является важной составляющей региональной политики. Имперская власть, взяв на себя в Сибири большинство проблем хозяйственного освоения региона, обязана была стремиться рационально организовать про-

странство власти, добиваться по возможности максимального соответствия административно-территориального деления и экономического районирования, совмещения административных и социально-экономических структур.

Середина XIX столетия в истории Сибири характеризовалось активным пересмотром административно-территориальной системы региона. Связано это было прежде всего с деятельностью генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, впоследствии графа Амурского (1847–1861 гг.). Вступив в должность, новоиспеченный генерал-губернатор активно включился в дела управления Сибирью. Им было изучено большое количество материалов о Восточной Сибири, имеющихся в столичных министерствах. Собственно продуктом его первоначальной деятельности явилась подготовка всеподданейшего доклада от 8 января 1848 г. Николаю I. В этом докладе Н.Н. Муравьев выделил 12 «главных предметов», на которые после «Надлежащего обозрения и соображения местных обстоятельств» считал необходимым обратить внимание императора. Одним из пунктов доклада было положение о пересмотре существовавшего «Сибирского учреждения» 1822 г.

Как уже отмечалось, проблема взаимоотношений Центральной России и Сибири имеет более глубокие корни. Центральное правительство в начале XIX в. осознавало, что географическая отдаленность Сибири и особенности ее социально-экономического развития требуют выработки систематизированного подхода к отдаленному региону.

Первая половина XIX в. была отмечена дальнейшим увеличением территории Русского государства. В течение этого периода времени к России отошли почти все Закавказье (без Аджарии и Батума), Финляндия и значительная часть Польши. За счет этих приобретений территория Российского государства увеличилась примерно на 1/5 часть и достигла почти 18 млн квадратных верст. При этом общая численность населения страны превысила к середине XIX в. 70 млн чел.

Конечно, не все приобретенные за это время территории имели для России равное стратегическое и экономическое значение. Присоединением Сибири к Российскому государству собственно закончилось формирование его территории и начался процесс имперского строительства. Несмотря на отличие типов окраин и колоний, в каждом отдельном случае правительство России пыталось учитывать опыт своей деятельности в конкретном регионе.

На востоке страны процесс имперского строительства в начале XIX в. сопровождался сменой первоначальных военно-политических методов на политико-административные. Решение же задачи интеграции Сибири в общероссийский процесс социально-экономического развития не ставилось приоритетным моментом в русле общероссийской политики. Такой подход по отношению к Сибири нашел отражение в законодательной политике и практике самодержавия. Можно с уверенностью утверждать, что единого подхода к формированию административно-территориального строя не существовало как по отношению ко всей Российской империи в целом, так и по отношению к ее азиатским регионам.

Единственное, что следует отметить особо, так это то, что в результате административной практики имперского строительства самодержавие усвоило некоторые принципы и приемы, которые позволяли не только поддерживать территориальную целостность страны, но и не допускать серьезных осложнений в региональном управлении. Неудачи и просчеты в административной организации западных областей империи, присоединенных в начале XIX в., а также на Кавказе и в Закавказье, учет зарубежного административного и колониального опыта заставляли самодержавие более осторожно подходить к вопросам автономии и децентрализации в региональном управлении и на востоке страны.

Одной из важнейших особенностей функционирования региональной власти в Азиатской России в начале XIX в. было отсутствие четкой грани между внешней и внутрен-

ней политикой, незавершенность процесса оформления государственных границ. Сама структура местного управления была более динамичной, чем во внутренних губерниях, и носила осознанно переходный характер. Проводя политику, направленную на политико-административную и экономическую интеграцию азиатских окраин в единое имперское пространство, самодержавие придерживалось определенной последовательности при переходе от военно-административного надзора за традиционными институтами власти к замене их общероссийской бюрократической системой государственных учреждений.

Существенно значимым для азиатской части Российской империи являлся вопрос об административно-территориальном устройстве, определении внутренних административных границ, поиск эффективных центров регионального управления. Задачи административного устройства Азиатской России оказывались тесно связанными с общими проблемами децентрализации управления имперскими окраинами, что вызывалось потребностями рационализации и оптимизации управленческой деятельности, попытками наряду с отраслевой властной вертикалью выстроить территориальную властную горизонталь исполнительных органов. Отчасти передача властных полномочий из центра в регион являлась своего рода уступкой требованиям местной высшей администрации, настаивавшей на необходимости создания в регионе сильной и самостоятельной власти. Последнее должно было повысить оперативность регионального управления.

Российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства. В первой половине XIX в. в числе исторически сложившихся существенных особенностей России следует отметить ее гигантскую территорию, объединяющую два континента – Европу и Азию. В отличие от многих единых государств в Европе, которые складывались и развивались как государства мононациональные, Россия всегда была многонациональной.

Присоединением Сибири к Российскому государству собственно закончилось формирование его территории и начался процесс имперского строительства. Несмотря на отличие типов окраин и колоний, в каждом отдельном случае руководство страны пыталось учитывать опыт своей деятельности в конкретном регионе. Имперские амбиции толкали сановный Петербург на введение общероссийской системы управления на вновь присоединенных территориях. Это вело к быстрому и, как казалось, окончательному закреплению окраинных земель в составе империи и, как следствие, повышению международного авторитета правящей династии.

Имперская конструкция политико-территориального устройства с определением различного статуса отдельных национальных регионов отразилась в законодательном устройстве России, а также потребовала решения ряда принципиальных вопросов:

- 1) определение уровней и соотношения общеимперского и местного права;
- 2) определение места и роли обычного права в системе права и законодательства;
- 3) определение системы права законодательства на общеимперском и местном уровнях.

При выработке доктрины окраинной политики правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобство управления и безопасность границ. Однако реализация только одного из названных принципов — доходности края — применительно к столь различным по уровню экономического развития и другим параметрам территориям, как Польша и Сибирь, Кавказ и Финляндия, со всей очевидностью свидетельствовала о невозможности проведения единых мероприятий. Применительно к Сибири единство взглядов проявлялось лишь в понимании значения переселения служилого и земледельческого населения в Зауральский край как основного средства обеспечения военно-стратегического присутствия России на Востоке.

Таким образом, в первой половине XIX в. правительство не смогло выработать универсальную модель управления окраинами. Политика унификации этой системы наталкивалась на неприятие и явную оппозицию противников такого подхода. На практике самодержавие было вынуждено учитывать различное геополитическое и экономическое значение окраинных территорий для судеб государства. Исходя из этого понимались и определялись конкретные подходы к организации управления и административного устройства окраин империи. Главный парадокс этой ситуации – высшие государственные круги рассматривали Сибирь как колонию, стремились в силу этого управлять ею особенным образом, понимая при этом «особость» как большую либеральность, а не ужесточение контроля.

Такое «особое» законодательство для Сибири, которая в силу своей удаленности и малонаселенности должна быть выведена из унитарного административного порядка России (что, в общем-то, не противоречит политической схеме империи), рассматривалось как более «удобное» для центра, а не для самой Сибири. В проектах Козодавлева и Сперанского мы не найдем и следа желания облегчить жизнь населения Сибири, сделать ее более свободной или материально благополучной. В них сквозит только стремление облегчить управленческие отношения центра и периферии.

И лишь первая треть XIX в. в области государственного строительства стала характеризоваться целым рядом важных направлений административной деятельности российского правительства. Одним из них стала организация управления окраинами империи, поиск их оптимального устройства и организации местного управления. В этом отношении «Сибирское учреждение» М.М. Сперанского решало поставленную правительством задачу.

Таким образом, мы видим, что административной политике в Сибири сер. XIX – конца XIX вв. предшествовал важный период разработки такой административно-территориальной системы, которая должна была учитывать территориальные, социально-культурные и другие особен-

ности Сибири. В связи с этим, изучая законодательно-административную политику России в Сибири в изучаемый нами период, мы не можем оставить без внимания реформу Сперанского 1822 г., которая закрепила те базовые положения, на которых основывалось административно-территориальное устройство на протяжении XIX – начала XX вв.

Изучение «Сибирского учреждения» М.М. Сперанского может составить тему отдельного исследования, поэтому мы остановимся на анализе основных правовых положений реформы с точки зрения территориально-законодательного принципа устройства Сибири. Логично возникает вопрос, связанный с содержанием термина «территориально-законодательное устройство». Рассмотрим этот вопрос более подробно.

До недавнего времени было принято считать, что в плане устройства Российской империи мы можем говорить лишь об административно-территориальном делении Сибири. Но публикация в 2001 г. статьи С.В. Кодана позволяет нам говорить и о другом устройстве, существовавшем в России в XIX в., а именно – территориально-законодательном делении империи. Подобное деление было связано с формированием особой системы действия законодательства, как на территории центральной России, так и на окраинах. В самом названии «территориально-законодательное устройство» заложено два основных понятия – «территория» и «законодательство», «устройство». Если с определением термина «территория» практически не возникает никаких вопросов, то по вопросу о термине «законодательство» в литературе разворачиваются немало дискуссий. Особую остроту дискуссии придает и тот факт, что термин «законодательство» является специальным юридическим термином, который должен точно и недвусмысленно отражать содержание обозначаемого понятия. Как специальный юридический термин, законодательство определяет круг нормативных актов, содержащих нормы, регулирующие общественные отношения, которые в свою очередь составляют предмет регулирования конкретного

нормативного правового акта (закона) или группы нормативных правовых актов (законов), а в некоторых случаях и отрасли законодательства. В нашем случае следует ясно осознавать, что территориально-законодательное устройство – это не просто территориальная привязка определенных узаконений, а подход, принцип формирования определенного типа устройства государства, содержащий определенную систему взаимоотношений центра и региона с помощью законодательства.

Принцип формирования подобного типа устройства государства должен был учитывать ряд факторов, среди которых можно назвать геополитический, географический, национальный, внутривластный и др. Следует отметить, что эти факторы влияли не только на формирование механизмов государственной власти, но и на законодательство. Все эти факторы были учтены и М.М. Сперанским при подготовке его реформы.

Сибирские реформы 1822 г. состояли из 10 законопроектов: «Учреждение для управления Сибирских губерний», «Устав об управлении инородцев», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городских казаках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами». Всего же правовые нормы Сибирской реформы были изложены в 4019 параграфах и ряде приложений к ним. Не останавливаясь подробно на изложении содержания этих законодательных актов, мы обратимся к вопросу о том, были ли «Сибирским учреждением» 1822 г. учтены факторы, влиявшие на формирование территориально-законодательного устройства Сибири.

Можно с уверенностью утверждать, что единого подхода к формированию административно-территориального строя не существовало как по отношению ко всей Российской империи в целом, так и по отношению к ее азиатским регионам. Единственное, что следует отметить особо, так

это то, что в результате административной практики имперского строительства самодержавие усвоило некоторые принципы и приемы, которые позволяли не только поддерживать территориальную целостность страны, но и не допускать серьезных осложнений в региональном управлении. Неудачи и просчеты в административной организации западных областей империи, присоединенных в начале XIX в., а также на Кавказе и в Закавказье, учет зарубежного административного и колониального опыта заставляли самодержавие более осторожно подходить к вопросам автономии и децентрализации в региональном управлении и на востоке страны.

До реформы Сперанского Сибирь состояла из трех губерний, порядок управления которых, за исключением генерал-губернаторской власти, мало чем отличался от порядка управления, существовавшего в Европейской России. Реальная действительность требовала от верховной власти создания в Сибири более гибкой системы управления. Еще 9 июля 1801 г. Александром I было указано действительному тайному советнику И.О. Селифонтову произвести обследование Сибири и представить лично императору свои соображения о том, какие преобразования следует произвести в Сибири, и какие нужны для ее населения законы. По проекту И.О. Селифонтова, бывшего в 90-х гг. XVIII в. вице-губернатором в Тобольске, было образовано единое для всей Сибири генерал-губернаторство с центром в Иркутске. Генерал-губернатор, помимо общих законов, действовавших на территории Сибири, руководствовался особой инструкцией Селифонтова от 25 мая 1803 г. На губернском уровне были произведены преобразования, направленные на объединение губернских отраслевых управлений и усиление влияния на них со стороны губернатора. Губернское правление и казенная палата в Томске были объединены в одно учреждение – губернское правительство с двумя отдельными экспедициями: исполнительной и казенной. Отдаленные части уездов управлялись особыми комиссарами.

Сибирь, огромная территория с большим природно-хозяйственным потенциалом, на протяжении многих лет бесконтрольно управлялась местными чиновниками. Преподуший генерал-губернатор, И.Б. Пестель (впоследствии отрекшийся от своего сына – декабриста), деспотически управлял Сибирью из Петербурга, закрывая глаза на произвол и всеобщее взяточничество. Как справедливо отмечал биограф М.М. Сперанского А.Н. Фатеев, «обездоленный край кишел административными насильниками, которых деяния можно уподобить разве злодействам опричнины».

Отношение Российского государства к сохранению на присоединенных территориях прежних систем управления и законодательства было связано с колебаниями в правительственной национальной политике. В рассматриваемый нами период для нее были характерны черты толерантности и прагматизма, когда приоритет отдавался разрешению геополитических задач, обеспечению внешней и внутренней безопасности, стабильности социальных процессов в условиях изменения государственной власти. При этом Российское государство не только не ломало сложившуюся ранее на присоединенных территориях систему государственного управления, но и старалось интегрировать ее в механизмы государственной власти.

При подготовке и реализации реформы сибирского управления 1822 г. М.М. Сперанский применил хотя и не новые, но в сибирских условиях необходимые принципы. В системе управления Сибирью никогда не учитывались местные особенности. Законодательство, по мнению реформатора, должно обязательно учитывать народные обычаи, этнографию, климат, т. к. местные особенности весьма важны в такой громадной и многоукладной стране, как Россия. Сам термин «регион» обозначает часть территории России, характеризующуюся общностью природных, социально-экономических и национально-территориальных признаков. Это определение еще более подчеркивает особое государственное и правовое положение Сибири, особенности раз-

вития которого должно было учитывать сибирское законодательство.

«Учреждение для управления сибирских губерний» составило основу кодификации. Оно включило 633 параграфа и определило систему бюрократическо-коллегиального управления краем. Говоря о географическом факторе, повлиявшем на формирование территориально-законодательного устройства Сибири, следует прежде всего сказать о разделении Сибири на два генерал-губернаторства – Западное и Восточное, которое было законодательно закреплено в «Учреждении для управления губерний». Тем самым фактически было осуществлено разделение Сибири на две части. Подобное разделение учитывало отдаленность территории от центральной России и обширность территории Сибири. При делении Сперанский основывался на естественной границе края, проходящей по Енисею, на которую и ранее указывали известные российские географы-путешественники Паллас и Гмелин. В этом отношении интерес представляет статья в «Сибирском Вестнике», которая была опубликована вскоре после издания М.М. Сперанским его «Учреждения».

О разделении Сибири там говорилось следующее: «Сие разделение в видах местного управления признано необходимым: ибо одно главное управление, где бы оно ни было установлено, не может объять всего пространства Сибири». «Граничная черта между сими частями проходит по хребту гор, разделяющих на юге системы р. Оби и р. Енисей, на севере же по возвышенности между реками Таза и Пура». «Сие естественное разделение, применяемое ныне со многими выгодами к гражданскому управлению, давно уже было известно в промышленности и торговле. Хлебородные места между Енисеем и Обью делятся сею чертою на две равные части. Связи продовольствия между сими частями никак нет, как потому, что они равно хлебородны, так и по трудности сообщений...» Эта статья, очевидно, принадлежала либо перу Сперанского, либо прошла через его редакцию, т. к. в ней изложена его позиция по вопросу о

разделении Сибири. По мнению сибирского реформатора, деление Сибири на две части представляет удобства для:

- Сибирского горного промысла.
- Сибирского населения.
- Продовольственного и торгового сообщений.
- Гражданского и пограничного управления.

Правильность решения Сперанского о разделении Сибири на две части доказывается сохранившимся и по нынешний день аналогичным территориальным делением.

Следует отметить и другие особенности, законодательно закрепленные «Учреждением для управления губерний». Стремясь обеспечить хоть какое-то ограничение полноты власти в столь «отдаленном крае», Сперанский и Г.С. Батеньков попытались создать такие органы власти, которые смогли были «сбалансировать» друг друга. По проекту Сперанского, личную власть губернатора и других должностных лиц следовало преобразовать «в установление и, согласив единство ее действия с гласностью, охранить ее от самовластия и злоупотреблений законными средствами, из самого порядка дел возникающими, и учредить действие ее так, чтоб оно было не личным и домашним, но публичным и служебным». Таким образом, вместо личной власти должностных лиц «Учреждение для управления Сибирских губерний» предусматривало создание административных органов.

«Учреждение» определило, что вопросами управления Сибири ведают два Главных управления – Восточной (Иркутск) и Западной (Тобольск) Сибири. «Главное управление составляют генерал-губернатор и Совет. Совет составляют советники ...определяемые высочайшими указами. Из них три определяются ...по представлению генерал-губернатора и три по представлению министерств». Для совещания при рассмотрении дел в Совете Главного управления должны были приглашаться «начальники разных особенных частей», т. е. военные, руководители учреждений путей сообщения, финансовых и др. Поскольку на всей территории Сибири действовало общегосударственное законодатель-

ство, Совет не наделялся правом законотворческой деятельности.

Компетенция Главного управления включала «надзор над правильным и успешным движением (деятельностью) всех подчиненных ему управлений и доставление им нужных разрешений». Единоначально генерал-губернатор решал вопросы управления подчиненными учреждениями и их составом. Совет же давал заключения по общим и хозяйственным отчетам, сметам и другим вопросам, приостанавливал рассмотрение судебных приговоров, пересматривал уголовные дела в случае их не утверждения гражданским губернатором. Совет участвовал в законодательной деятельности: вносил представления о принятии новых проектов законов, давал их толкование и рекомендации по применению и т. п. Подобный механизм управления существовал и на уровне губерний (гражданский губернатор и Совет), округов (начальник и Совет), городов (городничий и управа) и волостей (голова и правление). Дальнейшие нормы учреждения для управления сибирских губерний определяли порядок подчиненности центральным органам сибирских генерал-губернаторов и Главного управления Сибири; соподчинение личного аппарата управления между различными его звеньями, делопроизводства; вопросы комплектования и прохождения службы чиновниками; механизм контроля за деятельностью отдельных частей управления, подчинявшихся как бы по двойной системе – генерал-губернатору и Совету Главного управления и соответствующему министерству и ведомству. Ряд норм регулировали также правовое положение областей (Омской и Якутской), общих и пограничных управлений в системе администрации Сибири. Дальнейший комплекс законодательных актов (уставов и положений) определял деятельность «отдельных сверх сих главных» частей. Схема I Приложения позволяет наглядно продемонстрировать систему управления, сложившуюся в результате реформы управления 1822 г.

Таким образом, М.М. Сперанский в реформирование системы управления положил следующие принципы:

- Усиление надзора за местной администрацией со стороны одного из центральных ведомств.
- Трансформация личной власти должностных лиц в полномочия административных органов.
- Совершенствование отношений между различными органами системы управления.
- Определенная доля автономии для каждого местного органа управления.
- Обязательный учет местных особенностей и обычаев.
- Создание дешевого и оперативного в делах управленческого аппарата.

Под руководством Сперанского проводилась работа по созданию в Сибири единой судебной системы, подконтрольной только генерал-губернатору, а не находящейся под постоянным влиянием и в зависимости от многочисленного чиновничества.

3. Роль этнического фактора в «Уставе об управлении инородцев» и «Уставе об управлении киргиз-кайсаков»

Важной составной частью сибирской реформы М.М. Сперанского стал «Устав об управлении инородцев» – самый широкий законодательный акт правительства в отношении народов Сибири, действовавший без существенных изменений вплоть до начала XX столетия. Устав дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводило самодержавие народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин империи. При разработке «Устава об управлении инородцев» была произведена большая работа по сбору и обобщению законодательных актов прежних лет, статистических сведений, анализу материалов, собранных в результате ревизии М.М. Сперанского и т. д. До М.М. Сперанского в Сибири действовало «Положе-

ние 1763 г.», которое предусматривало натуральный сбор ясака с коренного населения.

При разработке законодательных актов «Устава об управлении инородцев» и «Устава об управлении киргизкайсаков» были учтены национальный и этнографический факторы, характерные для коренного сибирского населения. В «Уставе об управлении сибирских инородцев» Сперанский учел в первую очередь хозяйственные особенности народностей, населявших Сибирь. Но теперь управление этими народами должно было основываться не на «древнем обычае», а приобретало более организованную форму.

Роль указанных выше факторов проявилась прежде всего в появлении в сибирском законодательстве новой сословной категории – инородцев. Заметим также, что сам термин «инородцы» был введен Сперанским впервые, до него коренное население Сибири не было разделено по образу жизни и называлось «иноверцами» или «ясашными» (от слова ясак»), т. е. платившими дань звериными шкурами. Впоследствии термин «инородцы» стал официальным названием сибирских народов и приобрел сословный характер.

В этом же документе обращает на себя внимание и ряд других положений, связанных с сибирской спецификой: разделение аборигенов на три категории – оседлых, кочевых и бродячих. Вообще же имперское правительство встало перед необходимостью интеграции родового управления и традиционных регуляций в государственно-правовую систему Российской империи. Определение правового статуса местного населения имело особо важное значение как с экономической, так и с политической точки зрения. Разделение нерусского населения Сибири на группы оказало большое влияние на поддержание финансовой стабильности в регионе и развитие товарно-денежных отношений.

Несмотря на увеличение налогового бремени и продолжающееся влияние местной родовой знати, «Устав об управлении сибирских инородцев» сыграл важную роль в становлении сибирской экономики, вставшей на путь ка-

питалистического развития. Была укреплена частная собственность, получили большое развитие торговля и предпринимательство, благодаря культурному освоению земель понизились цены на хлеб, большинство коренного населения включилось в товарно-денежные отношения. Для установления порядка имущественных отношений между русским населением Сибири и коренными народами было подготовлено «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и инородцами». «Устав об управлении инородцев» включал 372 параграфа. Хотелось бы подчеркнуть два политико-правовых аспекта акта. Во-первых, законодательное определение статуса местного населения, определение «прав» каждой из категорий и хотя бы формальное провозглашение для «оседлых» принципа равенства с российским населением. Параграф 15 Устава определил, например: «Все вообще оседлые инородцы сравниваются с россиянами в правах и обязанностях по условиям, в которые они вступают. Они управляются на основании общих узаконений и учреждений». Параграф 169 также подчеркивал, что «оседлые инородцы, имея равные права с россиянами, не подлежат никаким исключениям в зависимости от установленного начала».

Такой порядок колониальной политики в корне отличался от порядка, существовавшего в большинстве западноевропейских стран и Соединенных Штатах Америки, в которых население колоний подвергалось постоянной национальной дискриминации. Кроме того, в английских и французских колониях постоянно создавались целые туземные армии (в частности, в Индии и Африке), солдаты которых в своем положении «уступали» рабам. Поэтому идея Сперанского о постепенном уравнивании положения большинства коренных народов Сибири и русской части населения представляется глубоко прогрессивной для того времени. Во-вторых, это создание в управлении на компромиссных началах системы, учитывающей как момент централизованного, так и особенности национального управления. Важным моментом этих взаимоотношений являлась

и регламентация податных отношений. Большинство натуральных повинностей, в том числе «ясачный сбор», было заменено уплатой денег. Старейшина рода сам собирал налоги и вносил их в ближайшую казенную управу. Губернские сборщики налогов не имели права появляться в расположении кочевий племен. Данные законодательные акты свидетельствуют о попытке хоть какого-то урегулирования национальных отношений в рамках существовавшей системы, упорядочения системы обложения местного сибирского населения повинностями и сборами.

«Устав о сибирских киргизах» включал 319 параграфов. Ряд его норм детализировал применение на практике общих положений «Устава об управлении инородцев». Закон предусматривал административно-родовую организацию управления: исходной единицей был аул (до 70 кибиток) под управлением старшины, а в волости (под управлением султанов) объединялись 10–12 аулов. В свою очередь 15–20 волостей образовывали округ во главе со старшим султаном. В качестве совещательного округа при старшем султানে учреждался приказ из 4 заседателей (2 русских и 2 киргизов). Должности старшин являлись выборными на срок в 3 года, а султанов – переходными по наследству. Старшего султана сроком на 3 года избирало собрание султанов. Заседателей правления из киргизов избирало собрание султанов и баев. Полицейские функции осуществлялись линейными казаками. Нормы Устава регламентировали довольно подробно широкий круг взаимоотношений русской и местной администрации, вопросы торговли, пограничного режима, повинностей и сборов, судопроизводства и др.

Сперанский сохранил в своем проекте родовой принцип управления для кочевых народов Сибири. В ходе административной реформы предполагалось установить трехступенчатое непосредственное управление родами и племенами. Первоначальной административной единицей для отдельных стойбищ рода являлось родовое управление. Для управления родом в целом создавалась «инородная управа», для всего племени – «степная дума». Старейшины ро-

дов и племен в зависимости от местных обычаев избирались на выборах или получали власть по наследству. Хотя местная родоплеменная знать и сохраняла все свои титулы и звания, она не получала прав российского дворянства.

Несмотря на сохранение родовых традиций и обычаев в управлении коренным населением Сибири Сперанский фактически приравнял это управление к существующей схеме имперского управления государственными крестьянами. Так, родовое управление имело полномочия, схожие с полномочиями сельского управления. «Инородная управа» приравнивалась к волостному правлению, «степная дума» служила аналогией окружного управления.

Вышеуказанные органы управления коренного населения Сибири обладали независимостью и автономией во взаимоотношениях с российской администрацией и руководствовались в своей деятельности нормами обычного права. Губернское управление ограничивалось общим надзором за их деятельностью. Таким образом, коренное население ограждалось от постоянного прямого вмешательства в свою жизнь государственных чиновников.

Национальный фактор также был учтен при разработке положений «Устава об управлении инородцев». Так, Устав провозгласил свободу вероисповедания для коренного населения Сибири, поощрялась деятельность русской православной церкви, хотя насильственное навязывание христианства местному населению не допускалось. Устав разрешил создавать национальные школы коренного населения с преподаванием на соответствующем языке, не запрещая обучение детей «инородцев» в русских школах.

Указанные акты отличает стремление кодификаторов к законодательному регулированию норм светского, государственного и обычного права, что свидетельствует о попытке хотя бы в какой-то мере решить вопросы взаимодействия между централизованной самодержавной государственной властью и национальным самоуправлением.

4. Особенности других законодательных актов «Сибирского учреждения» 1822 г. и законодательных актов второй половины XIX в.

Ряд факторов были учтены Сперанским при разработке и других уставов и положений «Сибирского учреждения» 1822 г. Большинство Уставов и Положений, разработанных М.М. Сперанским, в значительной степени учитывали своеобразие края (пограничное положение, огромная территория, наличие значительного числа коренного населения, ссыльных) и в этом смысле стали первым в империи опытом комплексного регионального законодательства.

«Устав о ссыльных» и «Устав об этапах» явились кодексами сибирской ссылки. Первый из них включал 435 параграфов, а второй – 199. Данные уставы уже получили детальное исследование в ряде работ, поэтому мы не будем подробно останавливаться на содержании данных законодательных актов. Следует лишь подчеркнуть то, что законодательство о ссылке органически сочеталось с другими законами сибирской реформы и выполняло задачи штрафной колонизации края.

В разработке «Устава о ссыльных» и «Устава об этапах» заметно влияние внутривнутриполитического фактора, учитывавшего формирование новой системы управления регионом центральной России. В частности, М.М. Сперанский при разработке этих законодательных актов учитывал задачи, которые стояли перед самодержавным правительством, а именно – штрафная колонизация края. Хотя история ссылки и каторги Сибири начинается едва ли не с ее присоединения к России, однако до 1822 г. правительство не располагало сколько-нибудь удовлетворительной системой этапирования, учета и распределения ссыльных.

Правовой статус ссыльных вовсе не был определен. Это влекло за собой отсутствие у них каких-либо гражданских и, тем более, политических прав. В списки ссыль-

ных, составлявшиеся на границе сибирского края, включались без различия в правовом и имущественном положении каторжные и поселенцы, мужчины и женщины, взрослые и дети. Судьба сосланных полностью находилась в руках смотрителей, каждый ссыльный оставился там, куда попадал по случайному стечению обстоятельств, «совершенно независимо от важных различий, определенных уголовными законами и основанными на них приговорами». Уставы о ссыльных и об этапах, послужившие началом реформы ссыльной политики России, приобрели общероссийское значение. Они создали целую систему административно-финансовых мер, установивших материально-хозяйственное положение, правовой статус ссыльных, ввели строгий регламент, определивший порядок препровождения ссыльных по этапам, а также их водворения в местах ссылки. Уставы ввели меры контроля над ссыльными, регламентировали характер надзора.

«Устав о сухопутных сообщениях» в Сибири имел немаловажное значение в предполагаемом развитии инфраструктуры края. Его 632 параграфа регламентировали самый широкий круг вопросов: управление, полномочия должностных лиц, порядок строительства, ремонта и содержания дорог, мостов, переправ, пристаней и др. Данный законодательный акт содержал немало положений не только организационно-правового, но и инженерно-технического порядка. По степени проработанности положений это один из наиболее подробных нормативных документов сибирских преобразований 1819–1822 гг.

«Устав о городских казаках» был изложен в 198 параграфах и определял функции полков, размещенных в городах. Городовые казаки являлись исполнительным аппаратом губернской, областной и окружной администрации, в том числе и городской. Их функции подразделялись на полицейские (охрана общественного порядка, тюрем, ссыльных и др.) и хозяйственные (сопровождение обозов, сбор податей и т. п.). Устав также определял структуру,

порядок службы и обязанности должностных лиц городовых полков.

Одновременно с уставами, регламентировавшими отдельные части управления, был принят и ряд положений, определяющих порядок хозяйственно-экономической деятельности сибирской администрации. Задачей Сперанского являлась также разработка механизма управления, учитывающего хозяйственные и экономические процессы, протекавшие в Сибири. Такой механизм был выработан и законодательно оформлен в трех положениях «Сибирского учреждения». Эти положения учитывали геополитический фактор Сибири (пограничное положение, огромная территория, наличие значительного числа коренного населения, ссыльных). Положение о земских повинностях» в сибирских губерниях (60 параграфов) регламентировало перечень земских и личных повинностей, порядок их определения и исполнения и другие финансово-правовые вопросы. «Положение о хлебных запасах» (59 параграфов) определило создание государственных запасов продовольствия на непредвиденные случаи (стихийные бедствия, неурожай), порядок их пополнения, нормы содержания по отдельным территориям, механизм управления и контроля и т. п. Исходя из местных условий и особенностей заключения сделок в условиях Сибири был принят и последний правовой акт реформы – «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами» (112 параграфов). Законодательный акт определил виды сделок, порядок и формы их заключения, механизм защиты и прав сторон и др.

Отличительной особенностью М.М. Сперанского как государственного деятеля и реформатора является то, что он рассматривал проблему улучшения управления Сибирью в комплексе, включая административно-территориальное устройство, систему управления, развитие экономики в целом, сельского хозяйства и промышленности в частности, проблемы обеспечения безопасности сибирских границ империи.

Предложения Сперанского по проведению сибирской реформы основывались на общероссийских законах, учитывая при этом региональные особенности как Сибири в целом, так и ее отдельных частей.

Подводя итог первой главы, в которой мы постарались изложить анализ «Сибирского учреждения» М.М. Сперанского, основы которого во многом предопределили последующую законодательную деятельность российского правительства в Сибири, следует отметить ряд особенностей. Опыт строительства новой формы устройства Российской империи проходил на всей территории страны, но в Сибири этот процесс имел ряд отличительных черт. Во-первых, при анализе сибирского законодательства становится очевидным, что Сперанский не ставил своей задачей коренной слом сложившейся ранее системы государственно-территориального устройства Сибири.

В русле внутренней политики, проводимой Российским государством, и существовавшего имперского законодательства подобный шаг был бы и невозможен. Но М.М. Сперанский попытался поставить деятельность региональной власти в строго определенные рамки общегосударственного законодательства, что явилось несомненным новшеством для региона и империи в целом. Во-вторых, М.М. Сперанский при реформировании системы управления Сибири и хозяйственного устройства учитывал особенности развития Сибири и ее политико-государственное положение.

В рамках организации нового территориально-законодательного устройства на территории Сибири сибирским реформатором был учтен ряд факторов, которые влияли не только на формирование механизмов государственной власти, но и на законодательство. Сибирская реформа 1822 г. явилась первым опытом российского регионально-законотворчества. Преобразования Сперанского в значительной мере учитывали особенности геополитического положения восточных окраин империи.

Попытка М.М. Сперанского выработать механизмы управления Сибири, которые учитывали бы местные особенности, явилась первым опытом в российском законотворчестве. Правовые акты реформы, разработанные Сперанским в результате практической деятельности по управлению Сибирью, были настолько детально продуманы и жизненно необходимы населению и правительству, что в основном действовали до конца XIX в. И несомненно, «Сибирское учреждение» стало основой всех последующих преобразований в Сибири и определило дальнейшее реформирование Сибири в более поздний период.

Среди «территориальных» нормативных актов самодержавия последующего хронологического периода для анализа окраинной политики важное значение имеют законы об образовании, а позже и об упразднении особых комитетов по управлению северо-западными регионами и Кавказом – это Комитеты по делам Царства Польского, Комитет Западных губерний и Кавказский комитет. Для исследователя эти материалы полезны прежде всего как свидетельство существования в правительстве определенных схем по инкорпорации окраинных территорий в состав «исторического ядра государства», имевших в конечном итоге цель создания административной идентичности империи. В то же время представляется, что эти же нормативные акты являются убедительным свидетельством признания правительством регионального своеобразия территорий, что придавало известную противоречивость имперскому законодательству. Сопоставление подобных документов с аналогичными материалами Азиатской России – несомненное тому доказательство. Но в целом в Полном собрании законов и Сводах законов империи немного материалов об управлении этими регионами.

Гораздо подробнее представлены материалы по Азиатской Россией, что объясняется активизацией политики империи в Азиатско-Тихоокеанском регионе и воз-

растанием значения Сибири в решении стратегических экономических и социально-политических задач государственной политики во второй половине XIX и начале XX вв. В области административной обращают на себя внимание законы об образовании, а затем и закрытии особых комитетов по управлению краем – Первого²⁹⁶, Второго²⁹⁷ Сибирского комитетов, Комитета Сибирской железной дороги²⁹⁸, а также об изменении схемы административного устройства региона²⁹⁹. Эти документы определяли задачи, стоящие перед новыми центральными органами, объем их компетенции, механизм обсуждения дел и персональный состав. Законодательные акты, разработанные особыми органами, позволяют определить основные направления их деятельности, соотнести фактические занятия данных органов с формальными задачами, поставленными перед ними. Наконец, распоряжения, прекращавшие работу означенных учреждений, в известной степени отражают официальную точку зрения на результаты работы особых органов управления Сибирью. Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что распоряжения о роспуске обычно предусматривали передачу дел упраздняемого органа какому-либо из действующих ведомств. Статус «правопреемника» служит косвенным показателем значимости ликвидируемого учреждения. Необходимо отметить еще одну особенность этих законодательных актов – они были приняты на протяжении весьма значительного хронологического отрезка времени – почти в 80 лет – и в известной степени отражают эволюцию правительственного взгляда на задачи организации управления краем.

О стремлении самодержавия выработать единую унифицированную модель управления окраинами в эпоху контрреформ и отказаться от всякой «региональной» специфики свидетельствуют законы, принятые в конце XIX

²⁹⁶ ПСЗ-1. Т. 37. № 287064; ПСЗ-2. Т. 13. № 19867.

²⁹⁷ ПСЗ-2. Т. 27. № 26178; Т. 39. № 41631.

²⁹⁸ ПСЗ-3. Т. 12. № 9140; Т. 25. Т. 27044.

²⁹⁹ Там же. Т. 2. № 886; Т. 4. № 2524; Т. 7. № 4517.

в. Среди них прежде всего следует отметить закон от 8 июня 1898 г., известный под названием «Временное положение о крестьянских начальниках», действие которого распространялось на губернии Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую, а с 1901 г. и на область Забайкальскую³⁰⁰. В своей основе этот закон имел известное положение от 12 июня 1889 г., вводившее на территории Европейской России институт земских начальников³⁰¹. Таким образом, уже изначально идеология нового регионально-го закона была пронизана стремлением имперской власти поставить под жесткий контроль жизнь всего сельского населения края. На практике принцип обеспечения единства государства посредством сильной региональной политики трансформировался и приобретал новые черты – достижение этого же единства, но уже принципиально иными средствами – путем создания унифицированной модели управления в центре и на местах.

Явные имперские мотивы прослеживаются в серии законодательных актов, относящихся к землеустройству и налогообложению крестьян и аборигенов Сибири³⁰², в стремлении правительства насадить в крае частное помещичье землевладение³⁰³. Законы о переселении начала XX в., вошедшие в литературу под названием столыпинской аграрной реформы и породившие массовые крестьянские миграции на восток³⁰⁴, несмотря на свое несомненное, с нашей точки зрения, буржуазное содержание, в политическом плане преследовали цель создания «империи русских», усиления единства огромного многонационального государства.

Среди нормативных материалов, характеризующих важнейшие политические институты империи изучаемого периода и имеющих самое непосредственное отношение к

³⁰⁰ Там же. Т. 18. № 15503.

³⁰¹ Об этом см.: Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. (политическая реакция 80-х – 90-х гг.). М., 1970. С. 401–411.

³⁰² Там же. Т. 16. № 12998; Т. 18. Отд. 1. № 15539.

³⁰³ Там же. Т. 21. Отд. 1. № 20338.

³⁰⁴ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.

анализируемой проблеме, следует отметить «Общий наказ губернаторам» 1837 г. и «Общую инструкцию генерал-губернаторам» 1853 г.³⁰⁵ Эти документы не только надолго определили структуру местных органов управления, но прежде всего круг их должностных полномочий и обязанностей. Сопоставление «наказа» и «инструкции» позволяет более отчетливо представить разницу между существующими на окраинах уровнями управления, политическим характером власти генерал-губернатора и хозяйственными заботами гражданских губернаторов.

³⁰⁵ ПСЗ-2. Т. 28. № 27293.

Итоги социального развития Сибири в составе империи

Российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства. В числе исторически сложившихся существенных особенностей России следует отметить ее гигантскую территорию, объединяющую два континента – Европу и Азию, и фактор многонациональности. Именно территориальная экспансия России на протяжении XVI–XIX вв., включение в ее состав народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии превратили ее в многонациональную империю. Народы России принадлежали к различным языковым группам, находились на разных ступенях развития, отличались вероисповеданием и психологией.

К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Вплоть до середины XIX в. процесс инкорпорации Сибири в Россию носил преимущественно административный характер при сохранении ряда существенных особенностей в области административного устройства, управления, национальной политики, землепользования. В конце XIX в. стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консоли-

дации империи и изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим.

Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии, в том числе и Сибири, а также к разработке единого законодательства, исключая какие-либо местные особенности. Не случайно, что именно в это время появляется такое понятие, как «Азиатская Россия». Несмотря на определенный географизм, оно отражало те важные изменения, которые происходили во взаимоотношениях между модернизирующейся империей и обширным Зауральским краем во всех сферах – экономической, административной, социокультурной. Итогом этого стало превращение Сибири в часть России.

Единство государственных учреждений с единым государственным языком и единой религией, развитие коммуникаций, распространение русской земледельческой колонизации, строительство Транссиба способствовали не только укреплению связей окраин и центра, но и дальнейшей интеграции восточных окраин в состав империи, «превращению» Сибири в Россию. Образование единого административно-правового, экономического и культурно-языкового пространства способствовало тому, что Россия как бы передвинулась за Урал. Однако удаленность от центра страны, сравнительно слабое развитие системы коммуникаций, пестрый национальный и конфессиональный состав населения, наличие сильной генерал-губернаторской власти, значительного отряда политических ссыльных предопределили ряд существенных особенностей развития политических событий в регионе в начале XX в., которые, по словам Н.А. Бердяева, были не столько началом новой жизни, сколько концом старой.

Лев Михайлович Дамешек

Избранное

Том III

Сибирские окраины Российской империи
(XVIII – начало XX в.)

Монография

Корректор: М.В. Ильина

Верстка: И.В. Кравцов

Издательство «Оттиск».

Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 07.03.2018 г.

Формат 60x84 1/16.

Отпечатано в типографии «Оттиск»

Гарнитура Journal.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 14,9.

Тираж 500 экз. Заказ № 25.

664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.

Тел./факс: (3952) 34-32-34, 241-242.

E-mail: ottisk@irmail.ru

www.ottisk-irk.ru